

В. С. Орлов

**СУБЪЕКТ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО СОВЕТСКОМУ
УГОЛОВНОМУ
ПРАВУ**

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1958

В В Е Д Е Н И Е

В процессе отправления социалистического правосудия по уголовным делам советским судам всегда приходится иметь дело с лицом или с группой лиц, совершивших то или иное общественно опасное деяние. При этом суды решают целый ряд вопросов, в частности и вопрос о том, может ли привлеченное к уголовной ответственности лицо быть признано субъектом инкриминируемого ему преступления.

Правильное решение этого вопроса имеет исключительно важное значение в связи с тем огромным вниманием, которое уделяют Коммунистическая партия и правительство охране личности и законных интересов советских граждан.

Советский суд строго карает тех, кто своей преступной деятельностью пытается подорвать социалистический правопорядок, посягает на государственные интересы или интересы отдельных граждан. Но для советского суда безразлично, кто конкретно выступает в качестве субъекта преступления по каждому рассматриваемому им делу—классовый враг, сознательно посягающий на основы советского строя (при совершении контрреволюционных преступлений), или лицо, не изжившее еще в своем сознании остатки частнособственнической психологии и морали (при совершении любых других преступлений).

Выяснение социально-политического облика субъекта преступления и точное установление его правовых признаков позволяют суду правильно квалифицировать преступление и назначать наказание, отвечающее степени общественной опасности как самого преступного деяния, так и его субъекта.

Без глубокого и всестороннего изучения понятия о субъекте преступления немислимо и четкое представление о целом ряде проблем Общей и Особенной частей

советского уголовного законодательства. Так, не имея полного и ясного представления по вопросу о субъекте преступления, нельзя глубоко уяснить такие, например, проблемы советского уголовного права, как вменяемость, ответственность несовершеннолетних, ответственность иностранцев, соучастие в преступлениях со специальным субъектом, цели и задачи наказания, индивидуализация наказания или полное освобождение от наказания при наличии определенных условий, применение мер медицинского характера, квалификация отдельных преступлений и др.

Необходимость полного и всестороннего исследования вопроса о субъекте преступления по советскому уголовному праву вызывается и тем, что до настоящего времени в судебной практике еще имеют место случаи ошибочных суждений по ряду вопросов, связанных в той или иной мере с понятием субъекта преступления. К тому же следует учитывать и то обстоятельство, что некоторые нормы действующего советского уголовного законодательства, относящиеся к вопросам о субъекте преступления, в известной своей части, как будет показано в дальнейшем, устарели и не отвечают полностью современным требованиям.

Надо отметить, что в советской правовой литературе вопросу о субъекте преступления, имеющему большое как теоретическое, так и практическое значение, уделяется еще явно недостаточное внимание, что видно хотя бы из того, что у нас до сих пор нет монографических исследований, специально посвященных указанному вопросу, а отдельные статьи составляют большую редкость. В учебной же литературе освещению вопроса о субъекте преступления отводится столь незначительное место, что оно не может дать полного и ясного о нем представления.

Восполнить в известной мере имеющийся пробел в области освещения вопросов, связанных с понятием субъекта преступления по советскому уголовному праву, и делается попытка в настоящей работе.

В рамках одной работы, естественно, невозможно охватить весь комплекс многочисленных вопросов, сопряженных в той или иной степени с понятием субъекта преступления. Поэтому автор поставил перед собой задачу попытаться исследовать, главным образом, те вопросы, которые, по его мнению, являются основными и наи-

более важными с теоретической и практической точек зрения.

В работе исследуется вопрос об общем понятии субъекта преступления по советскому уголовному праву, дается его социально-политическая и правовая характеристика.

В плане развития общих положений о субъекте преступления в работе рассматривается понятие невменяемости как обстоятельство, устраняющее признание человека субъектом преступления. В этом же плане освещается и значение достижения человеком определенного возраста для решения вопроса о признании его субъектом преступления.

В работе так же исследуются и такие отдельные вопросы учения о субъекте преступления, как вопрос о специальных субъектах преступления, известных советскому уголовному законодательству; об иностранцах, как субъектах преступления; о недопустимости признания в качестве субъектов преступления по советскому уголовному законодательству юридических лиц; о недопустимости применения аналогии по субъекту преступления по действующему уголовному законодательству; о возможности соучастия в преступлениях, исполнителями которых являются специальные субъекты; об уголовной ответственности субъектов преступления и применении мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости.

Глубокое уяснение всех этих вопросов будет способствовать правильному применению советских уголовных законов на практике, а следовательно, и дальнейшему укреплению социалистической законности. Укрепление же социалистической законности на современном этапе постепенного перехода от социализма к коммунизму является одной из важнейших задач, поставленной XX съездом КПСС перед всеми звеньями советского государственного аппарата.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Революционное преобразование общества в нашей стране привело к коренному изменению не только в экономической системе и политическом строе, но и в духовном облике советского человека. За годы советской власти в нашей стране вырос новый, свободный, сознательный человек, которого не знала и не могла знать история прошлого.

Творческое участие в общественно полезном труде, забота об укреплении мощи Советского государства, любовь к родине, интернационализм, чуткость, отзывчивость, честность, скромность, уважение к законам и правилам социалистического общежития—вот те благородные черты, которые характеризуют новый духовный облик большинства советских людей.

Изменение сознания советского человека, его высокие политико-моральные качества—закономерное следствие новых социалистических условий жизни и огромной воспитательной работы, проводимой Коммунистической партией и Советским правительством.

Говоря о высоких политических и моральных качествах, характеризующих советского человека, было бы, однако, ошибочно думать, что с пережитками капитализма в сознании людей уже покончено.

«В нашей замечательной, трудолюбивой советской семье, — отмечал в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии Н. С. Хрущев, — встречаются еще, к сожалению, такие лица, которые не участвуют в производительном труде, не выполняют полезной работы ни в семье, ни в обществе. Встречаются также лица, злостно нарушающие правила социалистического общежития»¹.

¹ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 111.

Еще В. И. Ленин указывал, что пролетарии «...от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков из-бавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»¹.

Пережитки капитализма еще до сих пор серьезно дают о себе знать и на производстве, и в общественной жизни, и в быту отдельных советских людей. Не перевелись еще в нашем обществе люди с частнособственнической психологией, озабоченные только личным благополучием — рвачи, стяжатели, карьеристы, очковтиратели, бракоделы, нарушители трудовой дисциплины. Существуют у нас еще носители таких уродливых антиобщественных явлений, унаследованных от буржуазного общества, как, например, лодырничество, тунеядство, угодничество, подхалимство, пьянство, хамское отношение к женщине, к семье, к товарищам и других аморальных поступков, порочащих достоинство советского человека.

Эти уродливые явления не типичны для социалистического общества. Они не имеют своей основы в социалистическом способе производства, безраздельно господствующем в нашей стране. Однако забывать о них нельзя. Особенно нельзя забывать о том, что пережитки прошлого в сознании некоторой, незначительной части советских людей подчас проявляются в их наиболее опасной форме — в совершении различного рода общественно опасных деяний. Именно эти наиболее опасные формы проявления пережитков капитализма, в первую очередь, всемерно стремится поддержать и использовать в своей борьбе против социалистического государства враждебный капиталистический мир. Поэтому советским людям «...нельзя забывать, что враги всегда пытались и будут пытаться впредь мешать великому делу построения коммунизма. Капиталистическое окружение засылало к нам немало шпионов и диверсантов. Наивным было бы полагать, что теперь враги оставят свои попытки всячески вредить нам»².

Действительно, по мере укрепления мощи Советского государства, по мере успешного продвижения вперед к

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 94.

² Н. С. Хрущев, Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 110.

коммунизму реакционные империалистические силы не только не оставляют свои попытки всячески вредить нам, но и одержимые ненавистью к социалистическому строю прибегают к использованию все более изощренных и подлых методов борьбы.

В США подрывная деятельность против СССР и других социалистических стран возведена в степень государственной политики.

В 1951 году, впервые в истории взаимоотношений между государствами, правящие круги США открыто провозгласили организацию вооруженных банд, шпионажа и подрывной деятельности средством осуществления своей агрессивной политики в борьбе против социалистических государств и других стран, не желающих подчиняться диктату американских монополий.

Начиная с 1951 года, США выделяют ежегодно 100 млн. долларов для подрывной деятельности против СССР и других социалистических стран. Совсем недавно, 29 июня 1956 г., американский сенат принял решение выделить в дополнение к 100 млн. долларов еще 25 млн. долларов на оплату услуг реакционных антинародных элементов.

В 1957 году сенатором Дугласом на рассмотрение сената внесен законопроект, предусматривающий создание так называемого «управления по делам освобождения», которому придается особое значение. Это управление должно находиться под непосредственным руководством президента США и являться центром по развертыванию диверсионной и шпионской деятельности в СССР и других социалистических странах. Согласно законопроекту управление должно финансировать также шпионско-диверсионную деятельность «частных или участвующих организаций, комиссий или групп», направленную против социалистических стран. На деятельность этого управления будет ежегодно ассигновываться 20 млн. долларов из специального фонда, созданного при министерстве финансов США.

В США и на территории других капиталистических государств в настоящее время существует обширная система учреждений и организаций по подготовке шпионов и диверсантов для подрывной работы против Советского Союза.

Эти организации и учреждения вербуют из числа так называемых перемещенных лиц шпионов, диверсантов-подрывников, террористов, которые, после прохождения соответствующего «курса обучения» в специальных школах, снабжаются оружием, радиопередатчиками, ампулами с ядом и другим многочисленным диверсионным снаряжением и перебрасываются различными путями на территорию СССР.

Об этом, в частности, неопровержимо говорят факты задержания на территории Советского Союза за последние годы ряда американских и иных шпионов и диверсантов-террористов, завербованных из числа советских граждан, попавших в годы Отечественной войны в плен, вывезенных на работы в Германию, бежавших от ответственности за тяжчайшие преступления против своего народа и оказавшихся после окончания войны на территории Западной Германии и других капиталистических стран.

Задержанные советскими органами диверсанты в ряде случаев подтвердили, что они были завербованы американской разведкой и получили задание организовывать выступления против Советской власти, компрометировать и убивать деятелей Советского государства, совершать диверсии, добывать шпионские сведения об оборонных объектах, вербовать в Советском Союзе подонки общества на службу американской разведки и создавать из них подпольные вооруженные группы, на которые американские империалисты могли бы опереться в осуществлении своих агрессивных планов¹.

Ликвидация эксплуататорских классов в нашей стране не означает, что у нас уже вовсе покончено с врагами и другими антиобщественными элементами. У нас еще не перевелись отдельные неустойчивые в моральном и политическом отношении люди, всякого рода авантюристы, шкурники и карьеристы, на которых иногда пытаются опереться внутри нашей страны империалистические разведки в своей шпионско-диверсионной деятельности против Советского государства.

¹ См. «О подрывной деятельности США против Советского Союза», пресс-конференция советских и иностранных корреспондентов в Московском Центральном Доме журналиста, «Правда» 7 февраля 1957 г.

Банда Берия и его сообщники, разоблаченные Коммунистической партией Советского Союза, служат наглядным подтверждением приведенного положения.

Орудием агентов империализма подчас легко становятся ротозей, болтуны, люди, потерявшие чувство бдительности и не умеющие хранить государственную тайну.

Таким образом, подрывная деятельность враждебного капиталистического мира не только является непосредственной причиной шпионажа, диверсий, вредительства и других контрреволюционных преступлений, но и в значительной степени обуславливает существование и живучесть многих других общеуголовных преступлений в нашей стране¹.

Было бы, однако, неправильно объяснять сохранение и живучесть старых навыков и привычек одним существованием капиталистического мира, использующего отдельные нездоровые настроения и предрассудки части советских людей во враждебных Советскому государству целях.

Некоторые объективные условия, задерживающие процесс ликвидации пережитков прошлого, иногда находящих свое внешнее проявление в совершении преступлений, имеются и внутри социалистического общества.

Еще в свое время Маркс указывал, что социалистическое общество «во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще «родимые пятна» старого общества, из недр которого оно вышло»².

¹ В задачу настоящей монографии не входит подробное исследование причин преступности в СССР. Этот большой и очень важный вопрос ждет еще своей серьезной разработки в нашей правовой литературе. Однако следует отметить, что изучение причин преступности должно быть тесно связано с исследованием вопроса о субъекте преступления, с выяснением не только юридических признаков последнего, но и его морально-политического облика. Без точного выяснения социально-политической физиономии субъекта, установления побудительных мотивов, которыми он руководствовался при совершении преступления, нельзя познать причины преступности в условиях советской действительности. На это ориентируют нас в частности, действующий Закон о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик, ст. 46 УК РСФСР и соответствующие статьи большинства уголовных кодексов других союзных республик, которые ограничивают преступления, направленные против основ советского строя и в силу этого признаваемые наиболее опасными, от всех иных преступлений.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 274.

Социализм, построенный в СССР, уничтожил неравенство в отношении к средствам производства, ликвидировал вопиющее неравенство в распределении предметов массового потребления, осуществил принцип: «Равное вознаграждение за равный труд», и тем самым устранил основные, материальные условия, порождающие и питающие преступность.

На базе социалистических производительных отношений в СССР в короткий период достигнуты небывалые успехи в области промышленного и сельскохозяйственного производства. Несмотря на эти успехи, уровень развития производства в социалистическом обществе тем не менее еще не обеспечивает полного и всестороннего удовлетворения всех личных потребностей людей. Поэтому на данном этапе коммунистического строительства у нас еще существуют противоречия между непрерывно растущими материальными потребностями людей и достигнутым уровнем развития производства, между непрерывно растущими культурными запросами людей и фактической возможностью их удовлетворения. Сохраняются различия в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда, различия в материальном положении рабочих и колхозников, в культурно-бытовых условиях города и деревни и др.

Указанные противоречия и недостатки носят объективный характер. Они будут преодолены постепенно советским народом на соответствующих этапах перехода от социализма к коммунизму. Однако в настоящее время эти противоречия, как и другие «родимые пятна» старого общества, сохраняют известные условия, которые до некоторой степени замедляют процесс ликвидации пережитков капитализма в сознании части советских людей, находящихся свое внешнее проявление и в совершении некоторыми советскими гражданами общественно опасных деяний. Разумеется, наличие приведенных выше объективных условий ни в какой мере не предопределяет фатальной неизбежности совершения преступлений.

Известно, что советский народ, руководимый Коммунистической партией, познавая существующие в нашей стране внутренние противоречия, постепенно преодолевает их путем непрерывного роста производительности тру-

да на базе высшей техники, путем усиления экономического могущества социалистической Родины.

Подавляющее большинство советских людей, сознавая, что преодоление указанных противоречий и недостатков во многом зависит от качества и производительности труда каждого советского человека, своим честным и самоотверженным трудом активно участвует в коммунистическом строительстве. Однако есть и такая незначительная часть советских граждан, которая, как уже отмечалось, не отрешившись от пережитков капитализма, пытается разрешить противоречия между своими личными потребностями и возможностью их полного удовлетворения другими путями, иногда не брезгуя при этом и встать на путь совершения преступлений. Такие люди свои личные, корыстные и эгоистические интересы ставят превыше всего и живут по принципу: «Лишь бы мне было хорошо».

Следует иметь в виду и то, что отдельные недостатки, еще встречающиеся в нашей стране в области культурно-воспитательной работы, а также факты несоблюдения социалистической законности и государственной дисциплины, любые промахи в деятельности отдельных должностных лиц государственного аппарата, потеря ими чувства бдительности, ротозейство, беспечность, близорукость в отношении происков враждебного капиталистического мира, отсутствие надлежащего учета и контроля в ряде предприятий и учреждений, безответственность руководителей предприятий и учреждений к сохранению социалистической собственности, плохое планирование в распределении товаров по разным районам страны, неправильный подбор и расстановка кадров, бюрократизм, волокита, бездушное отношение к людям, нарушение принципа материальной заинтересованности в результатах труда иногда используются некоторыми антиобщественными элементами в преступных целях.

На поведение людей могут влиять и многие другие, часто сложно переплетающиеся между собой условия, в которых формируется личность данного индивидуума.

В СССР условия жизни и быта советских людей имеют много общего, но вместе с тем существуют и своеобразные индивидуальные различия в условиях жизни и воспитания каждого отдельного человека. Индивидуаль-

ные особенности в быту, в семье, профессионально-трудовые различия и разного рода другие явления окружающей среды не могут не оказать своего воздействия на формирование и проявление индивидуальных склонностей, интересов, потребностей, вкусов, склада ума и уровня сознательности каждого отдельного человека. Поэтому при оценке поступков каждого человека следует учитывать не только факторы, воздействующие на его сознание извне, но, и индивидуальные особенности и условия воспитания того, кто непосредственно подвергается данному воздействию.

Однако какими бы индивидуальными качествами и особенностями ни обладал человек, он способен правильно воспринимать окружающую обстановку, осознавать свои чувства, влечения, потребности, разумно руководить ими и сознательно определять свое поведение в обществе.

В нашей стране общественное сознание поднято на такой высокий уровень, что каждый советский человек способен расценивать свои поступки по их общественной значимости. Поэтому было бы глубоко ошибочным полагать, что люди, «зараженные» пережитками прошлого, являются до такой степени отсталыми и несознательными людьми, что, идя на преступления, не сознают их опасности и вреда для социалистического общества. Разве вор, расхищающий социалистическое имущество или похищающий личное имущество граждан, не сознает при этом, что он наносит ущерб государству и интересам советских граждан? Разве спекулянт, втридорога сбывающий дефицитные товары, не сознает, что он своими действиями нарушает интересы советской торговли и ущемляет интересы отдельных граждан? Разве хулиган, цинично пристающий на улице к женщине, не осознает, что он проявляет неуважение к обществу, нарушает общественный порядок? Разве родители, злостно уклоняющиеся от уплаты средств на содержание своих детей, не сознают, что они тем самым вредят воспитанию подрастающего поколения?

Совершая общественно опасные деяния, человек не действует вслепую.

Благодаря активной роли сознания и воли он может сделать выбор—как ему поступить в том или в другом случае.

Только менее стойкие советские люди, попавшие временно в неблагоприятные материальные или иные условия, под непосредственным влиянием навыков и привычек прошлого становятся на преступный путь. Нередко на этот же путь становятся и люди, материально достаточно обеспеченные, но находящиеся под сильным влиянием пережитков капитализма в своем сознании. Подобные люди в отличие от честных тружеников стремятся не только жить лучше других, но и легче других. Именно такие пережитки капитализма в сознании людей, как пренебрежительное отношение к честному труду, узкоэгоистическое стремление жить за счет плодов труда других, «хапнуть, где можно», бесцеремонное отношение к общественному добру, моральная нечистоплотность в способе добывания средств к жизни, порождают такие преступления, как кражи, расхищение социалистической собственности, спекуляцию, подлоги и т. п.

Тот же, кто воспитан в духе коммунистического мировоззрения и морали, кто сознает неизбежность некоторых объективных трудностей при социализме и правильно понимает свое место и роль в общественном производстве, никогда не встанет на путь совершения преступления.

Принцип распределения материальных благ по труду, осуществляемый в нашей стране, служит стимулом к подъему творческой инициативы, создает материальную заинтересованность в увеличении производительности труда и тем самым побуждает людей совершенствовать и развивать свои личные способности. Это единственно возможный и в высшей степени справедливый принцип в современных условиях. С другой стороны, этот же принцип имеет и некоторые недостатки: он создает неравенство в материальном обеспечении членов социалистического общества.

Последнее обстоятельство в свою очередь создает определенные условия, способствующие сохранению прежде всего корыстных преступлений в нашей стране. Некоторые люди, стремящиеся в материальном отношении жить «на широкую ногу», но не желающие честно трудиться, пытаются свои непомерно раздутые потребности удовлетворить путем хищений социалистической или личной собственности граждан.

Эти люди, пользуясь в равной мере с другими членами общества всеми благами и возможностями, созданными коллективным усилием честных советских тружеников, обкрадывают общество и отдельных его членов.

Любители легкой наживы—воры, жулики, мошенники всех категорий, совершая преступные посягательства на социалистическое или личное имущество советских граждан, тем самым уклоняются от честной трудовой деятельности, от социалистического учета и контроля над существующей мерой труда и мерой потребления. Хищения позволяют ворами жить за счет государства и плодов самоотверженного многолетнего труда честных советских людей.

Примером человека с глубоко укоренившимися в его сознании пережитками частнособственнической психологии и морали, жажды урвать от общества как можно больше в личную пользу, а там—хоть трава не расти, может служить следующий случай из судебной практики. Некто Н., ранее неоднократно судившийся за кражи, будучи освобожденным по амнистии от дальнейшего отбывания наказания, вскоре вновь совершает сначала кражу личного имущества граждан, а затем через некоторое время ряд краж государственного и общественного имущества¹.

Советское государство, освободив по амнистии Н., предоставило ему полную возможность исправиться и заняться честным трудом. Вместо этого Н. вновь начал заниматься кражами социалистического и личного имущества граждан.

Расхитители социалистической собственности, руководствующиеся принципом буржуазной морали, превозносящей личную выгоду превыше всего, часто являются и субъектами преступных посягательств на личную собственность граждан. Такие субъекты подчас не останавливаются перед совершением самых гнусных мошеннических проделок, наносящих не только материальный ущерб честным советским труженикам, но и ставящих здоровье многих из них под серьезную угрозу. Так, например, некий Ф. в течение длительного времени подбирал на скотомогильниках павших от различных болезней животных и продавал мясо этих животных в больших

¹ См. архив Московского областного суда, 1955.

количествах на колхозных рынках по 7—12 руб. за 1 кг как пригодное для употребления в пищу¹.

Естественно, что отвратительный моральный облик людей, подобных Ф., нельзя не учитывать при социально-политической оценке личности субъектов преступления.

Близко к хищениям по своей социальной природе стоит спекуляция, которая выражает паразитическое стремление людей, зараженных частнособственнической психологией, прожить за чужой счет, нигде не работая.

Спекуляция отражается на реальной зарплате и покупательной способности населения.

Спекулянты—это те же мародеры и туеядцы, наживающиеся за счет труда народа. Они препятствуют советским людям своевременно приобрести необходимые им товары в государственных магазинах, обирают их и дезорганизуют советскую торговлю.

Социально-политический облик спекулянта может быть различным. В прошлом это были в основном представители разбитых революцией эксплуататорских классов или деклассированные элементы, которые использовали спекуляцию как средство политической борьбы для подрыва советской власти, срыва ее экономических мероприятий. В настоящее время в качестве спекулянтов, как правило, выступают люди без определенных занятий, нигде не работающие и часто не имеющие определенного местожительства.

Так, например, некто М., лицо без определенных занятий, в течение длительного времени систематически занимался скупкой и перепродажей дефицитных товаров в целях наживы. Ранее он неоднократно судился за аналогичные преступления, но по выходе на свободу нигде не работал, а продолжал заниматься скупкой краденого и спекуляцией. Освободившись в последний раз от отбывания наказания по амнистии, М. вновь стал на путь совершения тех же самых преступлений².

Значительно реже к спекуляции прибегают граждане, занятые на производстве или в учреждениях, но поддавшиеся соблазну легкой наживы под влиянием частнособственнической психологии.

¹ См. Архив Верховного суда РСФСР, дело № 32—06—51.

² См. Архив Московского областного суда, 1955.

Очень важно выявлять в каждом конкретном случае действительный социальный облик спекулянта. Тщательное выяснение социально-политического облика спекулянта в настоящее время приобретает особенно важное значение в связи с изданием президиумами верховных советов ряда союзных республик указов «Об ответственности за мелкую спекуляцию».

В коммунистическом обществе корыстные преступления и, в частности, преступления против собственности потеряют всякий смысл, «сами собой отпадут», так как каждый член общества получит «все необходимое для удовлетворения своих физических и духовных потребностей...»¹.

Для того чтобы приблизить это будущее, необходима настойчивая и упорная борьба с преступностью в настоящее время.

М. И. Калинин в своей речи на XVIII съезде партии на поставленный вопрос: «Можно ли сказать, что сейчас нам не нужны больше такие функции государства, посредством которых караются люди за покушения на общественную социалистическую собственность?»—отвечал: «Я думаю, что никто, кроме наших врагов, этого не скажет. Очевидно функции государства по охране и укреплению общественной, социалистической собственности, как фундамента нашего строя могут отмереть только тогда, когда у нас каждый человек будет работать по способностям и получать по потребностям, когда воровство и хищение потеряет всякий смысл»².

Совершение преступлений против личности также является проявлением пережитков капитализма в сознании отдельных людей.

Чувство товарищества и взаимопомощи—это незыблемый закон коммунистической морали, которым проникнуты взаимоотношения большинства членов социалистического общества. Однако на современном этапе перехода от социализма к коммунизму еще не все советские люди следуют этому принципу и относятся друг к другу беззлобно, дружелюбно, по-товарищески, с должной предупредительностью, вниманием, любовью и уважением. В

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, изд. 2-е, стр. 538.

² М. И. Калинин, Речь на XVIII съезде ВКП(б) 10—21 марта 1939 г., Госполитиздат, 1939, стр. 11.

процессе формирования подлинно человеческих отношений между людьми приходится, как правильно отмечает В. Н. Колбановский, сталкиваться с отвратительными пережитками подхалимства и угодничества, с мелкими интригами, ложью и клеветой...¹.

Пережитки старого во взаимоотношениях между людьми, о которых указывается выше, служат причинами совершения таких преступлений против личности, как оскорбление, клевета, побои, телесные повреждения и даже убийства.

Преступления против жизни, здоровья, свободы, половой неприкосновенности и достоинства личности в условиях социалистического строя, где забота о здоровье, свободе, чести и достоинстве советского человека поднята на небывалую высоту, представляют собой серьезную опасность. Из них самое тяжкое и опасное для нашего общества—это убийство. Оно посягает на самое дорогое и ценное, что дано человеку, на его жизнь. Только человек, в сознании которого глубоко укоренились пережитки прошлого: эгоизм, неуважение к обществу, стремление «легко и весело» пожить за чужой счет, способен умышленно лишить жизни другого человека. Подтверждением этого могут служить следующие примеры.

В одном случае—З., он же Б-ин, он же Б-ов, ранее судимый шесть раз за кражи, бандитизм и побег из мест заключения в многолюдном месте ударом ножа в грудь убил гражданина П. только за то, что последний, будучи возмущенным нетактичным и оскорбительным поведением З. по отношению к нему и находившейся с ним девушки, сделал ему замечание².

В другом случае—некто А. с целью избавиться от полуторагодовалого ребенка в течение двух лет систематически вводил ему в различные части тела швейные иглы, которые и вызывали медленную и мучительную смерть ни в чем не повинного маленького Болеслава³.

В первом случае виден облик закоренелого преступника, не занимающегося общественно полезной деятельностью и не считающегося с самыми элементарными

¹ См. В. Н. Колбановский, О коммунистической морали, Стенограмма лекции в ВПШ при ЦК ВКП(б), М., 1949, стр. 32.

² См. Архив Московского городского суда, 1954.

³ См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 02—409—у.

нормами поведения в обществе. Это тип распоясавшегося хулигана, праздно проживающего свою жизнь, не останавливающегося ни перед чем в достижении своей преступной цели. Во втором случае предстал перед судом человек, который ради своего узкоэгоистического интереса—спокойствия и благополучия, не колеблясь, медленно и мучительно умерщвляет ненавистного ему ребенка. Но тот и другой являются особо опасными преступниками, а следовательно, заслуживают всеобщего морального осуждения и сурового уголовного наказания.

Правильная оценка морально-политического облика убийцы имеет исключительно важное значение особенно сейчас, когда мы имеем Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство». От правильной оценки морально-политического облика убийцы часто зависит решение вопроса о применении смертной казни за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах.

Одним из распространенных и отвратительных проявлений пережитков старого в условиях нашей страны является хулиганство.

Причинами, порождающими хулиганство в настоящее время, служат прежде всего распушенность, недисциплинированность, расхлябанность, невыдержанность и невоспитанность отдельных советских людей.

Меткую характеристику таких недисциплинированных людей, не желающих считаться с интересами общества и отдельных граждан, дал в свое время А.С.Макаренко, который писал: «В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек—это человек, выступающий против общества, и такого человека мы рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но и с точки зрения политической и нравственной»¹.

Являясь одним из видов бытовой распушенности и пренебрежительного отношения к обществу, хулиганство по существу представляет собой своеобразную форму сопротивления мелкобуржуазной стихии социалистическому строительству. В.И.Ленин рассматривал хулиган-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 5, Издательство Академии педагогических наук РСФСР, стр. 131.

ство как особую форму проявления распада, гниения и разложения остатков старого строя¹. По его характеристике, хулиганство это зараза, чума, язва, оставленные социализму в наследство от капитализма².

В современных условиях хулиганство как пережиток прошлого имеет свои специфические особенности, которые в жизни находят свое проявление в неуважении к обществу, в пренебрежении к правилам социалистического общежития. Действия, нарушающие общественный порядок, при хулиганстве могут носить самый разнообразный характер. Но в какой бы форме хулиганство ни проявлялось, этот пережиток прошлого находится в непримиримом противоречии со всем нашим социалистическим общественным укладом.

Хулиганство на предприятиях и в общественных местах мешает борьбе за соблюдение государственной трудовой дисциплины, нарушает нормальную работу предприятия или учреждения, дезорганизует самого работника, препятствует проведению отдыха и культурных мероприятий.

Иллюстрацией к этому положению может служить следующий возмутительный случай хулиганства, учиненного в одном из заводских клубов под Москвой. Некто М., появившись в нетрезвом состоянии в клубе, где в это время проводился вечер отдыха заводской молодежи, начал приставать с циничными требованиями к девушкам, выражаться нецензурными словами. При попытке вывести его из клуба оказал сопротивление, буйствовал, ломал мебель, бился головой об пол, ударил администратора, пытался задушить работника милиции. В результате такого поведения М. вечер отдыха в клубе был сорван³.

В другом случае С. и Л. явились в нетрезвом виде на отчетно-выборное собрание колхоза «Маяк», выражались нецензурными словами, шумели, наносили оскорбления отдельным колхозникам, директору МТС угрожали убийством. В результате этих действий хулиганов собрание колхозников не состоялось⁴.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 234—235.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 371.

³ См. Архив Московского областного суда, 1956.

⁴ См. Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 59—дб—48.

С морально-политической точки зрения хулиган—это опасный враг общественного порядка, еще нередко отравляющий жизнь и спокойствие советских граждан. Поэтому при осуждении за хулиганство в уголовном порядке учет социально-политического облика хулигана имеет большое значение. Особенно важно учитывать социальную физиономию хулигана в настоящее время в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство» и аналогичных Указов Президиумов Верховных Советов других союзных республик.

Раскрытие социально-политического облика субъектов преступлений в каждом конкретном случае помогает суду раскрыть мотивы преступления, содержание вины и характер совершенного преступления.

Практика показывает, что судебно-прокурорские органы далеко не во всех случаях обращают должное внимание на выяснение социально-политического облика личности преступника. Между тем советский суд не может одинаково подходить к оценке личности закоренелого преступника, злостно уклоняющегося от общественно полезной деятельности, совершившего целый ряд преступлений, и преступника, который впервые и нередко в силу стечения исключительно тяжелых личных или семейных условий, созданных не по его вине, совершает то или иное преступление.

Уяснение в каждом конкретном случае социально-политического облика субъекта преступления, наряду с учетом некоторых других обстоятельств, составляет необходимое условие для правильной квалификации общественно опасного деяния и индивидуализации наказания. Не случайно ст. 45 УК¹ прямо требует от суда при назначении наказания учитывать особенности личности совершившего преступление. Без этого невозможно правильно решить вопрос о применении норм ст. ст. 8 и ч. 251 УК, позволяющих суду полностью освободить от наказания лиц, виновных в совершении преступления. Только на основе учета социально-политического облика субъек-

¹ Здесь как и в последующем изложении, имеются в виду статьи кодексов РСФСР, и если нет особого указания, соответствующие статьи одноименных кодексов других союзных республик.

та преступления суд может назначить условное осуждение в силу ст. 53 УК или в силу ст. 51 УК применить наказание ниже низшего предела, указанного в законе.

Правильная политико-моральная оценка субъекта преступления способствует мобилизации общественного мнения вокруг случаев преступного поведения отдельных людей, наглядно показывает советскому народу, кого и за что у нас судят и какие меры наказания применяются к виновным.

Исследование социально-политических черт личности субъекта преступления не должно отрываться от выяснения его правовых признаков. Только рассмотрение всех этих данных в их неразрывной связи и единстве может дать цельное и правильное представление о понятии субъекта преступления по советскому уголовному праву.

Всякое преступление как общественное явление порождается людьми и среди людей. Следовательно, только человек, совершивший то или иное опасное для общества и установленного в нем правопорядка деяние, может быть признан субъектом преступления. Этим бесспорным общим положением, однако, нельзя ограничиваться при определении субъекта преступления.

Субъектом преступления может быть не всякий человек вообще, а человек, обладающий определенными свойствами.

Советское социалистическое правосудие имеет дело только с сознательной деятельностью человека. Меры наказания применяемые судом, могут иметь силу и выполнить свое назначение лишь в отношении человека, обладающего нормальными психическими способностями, позволяющими правильно ориентироваться в происходящих событиях и явлениях окружающей действительности. Поэтому субъектом преступления может считаться только человек, который, совершая преступление, знает при этом свои действия, может управлять ими и способен понимать смысл и значение их последствий.

В отличие от животных человек обладает только ему присущей, чисто человеческой формой отражения действительности благодаря наличию у него второй сигнальной системы, возникшей в силу потребностей людей обмениваться мыслями в процессе общественно-трудовой деятельности.

Вторая сигнальная система, по учению И. П. Павлова, является «высшим регулятором человеческого поведения»¹.

Вторая сигнальная система во взаимодействии с первой сигнальной системой обеспечивает более полную и точную связь человека с внешней средой. При нарушении взаимодействия и взаимосвязи сигнальных систем человек утрачивает способность правильно ориентироваться во внешнем мире и оказывается неприспособленным к жизни. Только образование у человека на базе правильного взаимодействия сигнальных систем сложной системы временных связей под воздействием внешней действительности обеспечивает ему разумность поведения в обществе.

Поведение людей определяется объективной действительностью и в первую очередь той общественной средой, в которой происходит формирование их сознания и воли. Тем не менее зависимость сознания и воли от внешних условий вовсе не делает людей пассивными и фатально не предопределяет их поведения.

Из указания В. И. Ленина о том, что «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий»², со всей ясностью вытекает, что детерминизм в марксистском понимании не превращает деятельность человека, обладающего здоровым рассудком, в подобие механического робота. Именно детерминизм, отвергающий фатализм, и «дает почву для разумного действия»³.

При оценке действия человека наряду с внешними причинами учитывается активность сознания и воли, являющихся составной частью общей совокупности различных причин, обуславливающих поведение человека.

Человек как разумное существо способен определять свое отношение к вещам внешнего мира, осознавать свои чувства, потребности и влечения.

¹ И. П. Павлов, Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения животных), М., 1951, стр. 464.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 142.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 400.

Осознание своих чувств и влечений дает возможность человеку руководить этими чувствами и влечениями, а следовательно, и сознательно регулировать свое поведение.

Несмотря на силу инстинктов, человек благодаря активной роли своего сознания и воли способен подавлять требования этих инстинктов. Регулирующая роль второй сигнальной системы позволяет человеку тормозить те нервные связи, которые не соответствуют данным конкретным условиям, и, наоборот, активизировать необходимые связи.

Всякий психически нормальный человек способен критически воспринимать влияние внешней среды на его сознание. Прежде чем человек предпримет то или иное действие под влиянием в конечном счете внешних побудительных причин, они обязательно должны пройти через его голову и воздействовать на его волю¹. Воля же человека может быть направлена на действия, служащие интересам развития общества, но может быть выражена и в действиях, причиняющих ущерб обществу.

Человек, обладающий мыслительными и волевыми способностями, в состоянии разумно понимать требования, предъявляемые к нему установленными в обществе правилами поведения, и сознательно руководить своими действиями. В силу этих способностей человек несет ответственность за свои действия и поступки, в том числе и за общественно опасные, поскольку он способен сознавать характер последних, их направленность и последствия.

Это общее положение применимо как к случаям умышленного совершения общественно опасного деяния, так и к случаям совершения общественно опасного деяния по неосторожности. При умышленном совершении общественно опасного деяния человек осознает смысл и значение совершаемого, но, преследуя какие-то преступные цели, сознательно идет на нарушение установленного правопорядка.

При самонадеянности, в отличие от умышленного совершения деяния, человек, осознавая противоправный характер совершаемого деяния и предвидя возможность

¹ См. Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, Госполитиздат, 1949, стр. 46.

наступления общественно опасных последствий при данных условиях, не только не желает наступления этих последствий, но и исключает их наступление, рассчитывая на определенные противодействующие силы, которые, по его мнению, должны предотвратить причинение вреда интересам, охраняемым социалистическим порядком.

Действуя с преступной самонадеянностью, человек сознательно пренебрегает правилами предосторожности, не проявляет надлежащей вдумчивости и предусмотрительности в оценке конкретной обстановки, вследствие чего легкомысленно не принимает реальных мер для предотвращения наступления вредных последствий¹.

Несколько в иной форме протекает психический процесс при совершении общественно опасного деяния по небрежности. При небрежности человек имеет возможность и должен осознавать общественно опасный характер совершаемого деяния и предвидеть его последствия, а при условии должного выполнения своих обязанностей—в состоянии не допустить наступления вредного результата.

Однако он не проявляет волевых усилий, чтобы правильно оценить сложившуюся обстановку, пренебрегает выполнением возложенных на него обязанностей и в результате этого не предвидит общественно опасные последствия своих действий при реальной возможности их предвидения и предотвращения.

Таким образом, при небрежности, как и при других формах вины, вполне возможно проявление активной роли сознания и воли человека, если этот человек надлежащим образом относится к выполнению своего долга².

Наличие пережитков капитализма в сознании, являющихся основной причиной, детерминирующей поведение преступника, не может служить оправданием в совершении действий, опасных для социалистического общества.

¹ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, Госюриздат, 1957, стр. 18 и след.

² См. Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 61—63; См. А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности, «Ученые записки ВИЮН», Госюриздат, вып. I, 1955, стр. 134 и след.

Как правильно пишет проф. Н. Д. Дурманов, человек—это активная сила. Следовательно, возможна и необходима и юридическая и моральная оценка отдельных поступков человека¹. При этом необходимо всегда иметь в виду, что не всякий человек является активной силой, а лишь человек, обладающий нормальными психическими способностями. Обладание здоровой психикой позволяет человеку сознательно воспринимать воздействие на его мозг внешнего мира, благодаря чему он может критически подходить к своему поведению, сознавать дозволенность или запрещенность совершаемого.

Если же человек, обладающий активным сознанием и волей, сознательно нарушает правила социалистического общежития, совершает общественно опасные посягательства, он с полным основанием признается по советскому уголовному праву вменяемым и ответственным перед советским государством.

Вменяемость есть одно из неотъемлемых свойств человека, без которого он не может быть признан субъектом преступления при совершении общественно опасного деяния. В этом смысле вменяемость есть правовое понятие, характеризующее субъекта преступления.

Советское уголовное законодательство не дает определения вменяемости. Понятие вменяемости легко выводится из противоположного ему понятия невменяемости, определение которого дано в уголовном законе.

Вменяемость предполагает прежде всего способность сознавать совершаемое, понимать «свойство» и «значение» своих действий и предвидеть их последствия. Способность осознать свое поведение психически полноценным человеком одновременно сопровождается и способностью управлять своими действиями. В соответствии с этим можно сказать, что вменяемым является человек, «который во время совершения общественно опасного действия (преступления) мог отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими»².

Вменяемость, как и невменяемость, в одинаковой степени характеризуется медицинскими критериями. Разни-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 33.

² М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, Госюр-издат, 1948, стр. 44.

ца между ними состоит лишь в том, что при определении невменяемости медицинские критерии прямо указаны в законе, а при вменяемости они всегда подразумеваются. Причем медицинские критерии при вменяемости носят своеобразный характер, они значительно шире, чем при невменяемости.

Вменяемым может быть признан не только психически здоровый человек, но и человек, страдающий тем или иным психическим расстройством, но не такой степени и характера, которые необходимы для признания его невменяемым.

Следовательно, вменяемость, с точки зрения медицинских критериев, представляет собой широкое понятие, охватывающее не только нормальное состояние психики человека в момент совершения им преступления, но и психические заболевания, не устраняющие способности сознавать свои действия и руководить ими. Как правовое понятие вменяемость тесно соприкасается с виной, в силу того, что оба эти понятия непосредственно связаны с решением вопроса об уголовной ответственности человека за совершение им общественно опасных деяний.

Вменяемость является начальным звеном в цепи: вменяемость—вина—ответственность. Несмотря, однако, на тесную связь между вменяемостью и виной, оба эти понятия имеют не одинаковое значение в советском уголовном праве.

Вменяемость—необходимая предпосылка для установления вины человека, а следовательно, и его уголовной ответственности за содеянное. Вменяемость нельзя считать основой вины, как принято иногда говорить в юридической литературе¹: она является лишь необходимым условием, без которого не может быть поставлен вопрос о вине человека. Установление вменяемости человека предшествует установлению его виновности. Только после предварительного решения вопроса о вменяемости человека можно решать вопрос о его виновности, ибо как виновным, так и невиновным может быть признан лишь вменяемый человек. Это не значит, конечно, что судбно-следственные органы для выяснения вменяемости

¹ См. В. С. Трахтеров, Юридические критерии невменяемости в советском уголовном праве, «Ученые записки Ленинградского юридического института», Юриздат, вып. 4, 1947, стр. 122.

человека во всех случаях должны назначать судебнопсихиатрическую экспертизу. Вменяемость человека, совершившего общественно опасные деяния, предполагается, но когда человек своим поведением вызывает сомнение в своей психической полноценности, судебно следственные органы обязаны установить вменяемость этого человека с помощью проведения судебнопсихиатрической экспертизы.

Верховный Суд СССР в своих решениях по отдельным делам неоднократно напоминает о том, что «если имеются сомнения в психическом состоянии обвиняемого, назначение судебнопсихиатрической экспертизы является обязательным независимо от того, желает или не желает этого сам обвиняемый».

Положение о том, что вменяемость служит необходимым условием или предпосылкой для признания человека виновным и ответственным за общественно опасные действия, нашло свое четкое выражение в принципиально правильном, с нашей точки зрения, постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 13 июля 1944 г. по делу Д., в котором указывалось, что «одним из обязательных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого»¹.

Наряду с вменяемостью другим неотъемлемым свойством человека, без которого он не может быть субъектом преступления по советскому уголовному праву, является его возраст. Достижение определенного возраста, как и наличие вменяемости, является необходимым условием или предпосылкой, без которых не может быть решен вопрос об ответственности человека за общественно опасное деяние. В этом смысле возраст, аналогично вменяемости,—одно из обязательных условий признания человека виновным и ответственным за содеянное. Только человек, совершивший общественно опасное деяние при достижении предусмотренного законом возраста, может быть признан виновным в каждом конкретном случае.

Возрастом принято называть «период развития человека, характеризующийся определенными качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям в их протека-

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 36—37.

нии»¹. Говоря иначе, под возрастом следует понимать определенное психо-физическое свойство или качество человека.

Человек в различные периоды своего возраста, от рождения до глубокой старости, в силу особенностей протекающих у него физических и психических процессов, неодинаково относится к окружающей действительности.

Каждый психически нормальный человек только с достижением определенного возраста приобретает жизненный опыт, познает закономерности внешнего мира и у него складывается определенное мировоззрение.

Развитие человека от простейших форм отражения им действительности к глубокому познанию законов внешнего бытия приводит к тому, что он постепенно становится хозяином своих поступков, способным вполне сознательно регулировать свое поведение. Вот почему к установлению возраста, с которого наступает уголовная ответственность, советский законодатель подходит дифференцированно, исходя из учета характера каждого преступления и возможности человека в соответствии с его возрастом осознавать общественную опасность совершаемого им деяния².

В свете изложенного можно сказать, что субъектом преступления по советскому уголовному праву может быть признан лишь человек, обладающий двумя основными свойствами, а именно: 1) вменяемостью в момент совершения преступления; 2) возрастом, в пределах которого он согласно закону может нести ответственность за содеянное.

Совокупность указанных свойств в их неразрывной связи образует общее понятие субъекта преступления по советскому уголовному праву.

Следовательно, субъект преступления—это человек, совершивший преступление во вменяемом состоянии и при достижении возраста, с которого по закону наступает уголовная ответственность.

¹ Г. И. Щуккина, Возрастные особенности школьника, Л., 1955, стр. 3.

² См. подробнее по вопросу о значении возраста для признания человека субъектом преступления главу третью настоящей работы.

В литературе субъекта преступления, обладающего указанными признаками, иногда называют общим субъектом преступления¹.

Наименование «общий субъект преступления» следует признать неудачным. Подобно тому, как ни в законе, ни в реальной действительности не существует общего состава преступления, не может существовать и понятие «общий субъект преступления».

Можно говорить об общем понятии о составе преступления, но это не одно и то же, что и понятие общий состав преступления. Общее понятие раскрывает общие признаки, которые присущи составу любого конкретного преступления. Точно так же можно говорить об общем понятии субъекта преступления, но не о понятии «общий субъект преступления», которого не существует в природе.

¹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948, стр. 306; М. Н. Меркушев, Соучастие в преступлениях со специальным субъектом, «Ученые записки БГУ имени В. И. Ленина», вып. 39, серия юридическая, 1957, стр. 3 и сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕВМЕНЯЕМОСТЬ—ОСНОВАНИЕ, УСТРАНЯЮЩЕЕ ПРИЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1. Понятие невменяемости

Правильное уяснение понятия невменяемости играет важную роль в осуществлении социалистического правосудия. Советское социалистическое государство никогда не допускало и не допускает осуждения человека, который при совершении общественно опасного деяния не отдает себе отчета в своем поведении или не может руководить им. Такой человек, с точки зрения советского уголовного права, не может рассматриваться как преступник и отвечать за общественно опасные действия наравне с психически здоровыми людьми, способными познавать объективный мир и вследствие этого правильно ориентироваться в окружающей действительности.

Человек, обладающий нормальными мыслительными и волевыми качествами, в состоянии сознательно воспринимать воздействие на его мозг влияний внешнего мира, а следовательно, и способен критически подходить к своему поведению, разумно понимать требования, предъявляемые к нему установленными в обществе правилами поведения.

Обладая этими качествами, каждый психически здоровый человек может нести ответственность за свои действия и поступки, в том числе за общественно опасные.

Однако заболевание, вторгаясь в область психической жизни человека, может разрушить ее нормальное функционирование.

«Что такое болезнь, как не стесненная в своей свободе жизнь»,—пишет Маркс¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, изд. 2-е, стр. 64.

В основе болезненных психических переживаний человека и болезненного нарушения его поведения лежат патологические изменения высших нервных процессов.

В нормальном состоянии у человека низшие инстанции происходящих нервных процессов (первая сигнальная система действительности) всегда находятся под регулирующим воздействием высших инстанций (вторая сигнальная система действительности), контролирующих его отношение к внешнему миру и служащих высшим регулятором его поведения.

Соотношение между этими инстанциями в патологическом состоянии, как убедительно доказали на многочисленных опытах академик И. П. Павлов и его ученики, нарушается. Это патологическое нарушение нормального соподчинения первой и второй сигнальных систем действительности характерно для целого ряда психических заболеваний.

«Нарушения взаимодействия между первой и второй сигнальными системами,—пишет А. Г. Иванов-Смоленский,—имеют место не только при общих нервозах, но и при других психических заболеваниях: маниакально-депрессивном психозе, шизофрении, реактивных состояниях, травмических энцефалопатиях и т. д.»¹.

Естественным и неизбежным следствием нарушения взаимодействия двух сигнальных систем при психических заболеваниях является расстройство отражательной способности мозга, в силу чего искажается отношение больного человека к реальной действительности, что и приводит его к неправильному поведению в окружающей среде².

В какие бы условия мы ни ставили психически больного, он, как правило, всегда будет делать одни и те же практические заключения. В качестве примера можно привести следующий случай. Больной П., 1883 г. рождения, перенес тяжелое внезапное заболевание централь-

¹ Цит. по сборнику «Рефераты научно-исследовательских работ». Меликобиологические науки, Издательство Академии медицинских наук СССР, 1947, стр. 153.

² Следует иметь в виду при этом, что степень расстройства отражательной способности мозга психически больных людей не может быть у всех одинаковой. Эта степень зависит от глубины поражения психических функций человека и от особенностей процесса того или иного психического заболевания, по-разному влияющего на рассудок.

ной нервной системы в виде кровоизлияния в мозг, после которого остались стойкие органические изменения со стороны центральной нервной системы. Поведение больного П. в момент правонарушения определялось наличием выраженного органического слабоумия. Последнее проявилось в снижении памяти, потере инициативы, в различных примитивных влечениях и высказываниях бредовых идей ревности. Испытуемый П. обвинял жену в том, что она сожительствовала с их сыном. Эта бредовая идея настолько овладела сознанием больного, что он пытался уверить в этом всех окружающих и, не сомневаясь в своей правоте, решил зарезать жену. Свое намерение он пытался осуществить тупой бритвой, которой, однако, только поцарапал кожу на шее жены. Тотчас же ночью он заявил в милицию об этом и был задержан. Вслед за ним явилась туда и его жена, чтобы навести справку об исчезнувшем из дома муже. После заявления жены о болезни мужа он был направлен на экспертизу в психиатрическую больницу, где комиссия признала его психически больным, страдающим органическим слабоумием—невменяемым¹.

Этот пример показывает, что люди, страдающие некоторыми психическими заболеваниями, не могут отдавать отчета в совершаемом. Их действия определяются исключительно ложным восприятием и истолкованием окружающей действительности.

О неспособности человека с расстроенным сознанием критически воспринимать все окружающее и правильно разбираться в своих поступках часто свидетельствует его речь.

Так, например, одна больная пишет в своей жалобе: «Молю тебя Мадонна Литта избави нас от Тилитта, к Вашему сведению я не Челитта.... В Академию Наук, где пальцы распустил Паук... Начальнику пятого отделения г. Тбилиси: за проявление надо мной власти и наслаждение его власти разрешаю посадите и конечно накажите Экашидзе... Стоит ли из-за измены портить голубые вены... До свидания гимназисты, больше мы не Купрази-

¹ Пример приводится по книге А. Абрамова и Б. Копеллионовича, Судебнопсихиатрическая экспертиза, Сталино, 1949, стр. 85.

сты... Я Вам была поручена, но вместо этого я Вами проучена, от такой госпожи—хуже б не было беды»¹.

В другом случае больная пишет: «Пишешь все не то и не то, хочешь писать одно, но начала нет нигде и конца нет, и середины нет. Что же есть? Колесо. Колесо в колесе. Федормировское (соединение частей фамилий мужа и девичьей). Колесо, чертово колесо, федормировское колесо, чертово колесо, федормировское отродие. Федормир, пломбир. Я очень люблю пломбир»².

Приведенные примеры показывают, что мысли таких людей о внешнем мире не соответствуют его реальному содержанию. Их речь характеризуется разорванностью мыслей, бессодержательностью последних и бессмысленным набором слов.

Поражение болезнью сознания оказывает свое решающее влияние и на другую, тесно связанную с ним, психическую функцию человека — волю. Неспособность сознания больного правильно воспринимать окружающий мир исключает возможность волевых целенаправленных действий. В отдельных случаях психически больные могут ставить себе определенные цели и стремиться достигнуть их. Однако эти цели, в отличие от целей, сознательно преследуемых психически здоровыми лицами на основе знания ими объективных закономерностей, исходят из болезненного состояния психики человека.

Вот почему при расстройстве рассудка психически больной не только не понимает того, что он совершает, но одновременно с этим и не способен контролировать свою деятельность, а следовательно, удержать себя от совершения тех или иных деяний.

Иногда психическая болезнь может оказать разрушительное воздействие, главным образом, на функционирование волевых способностей человека, относительно сохранив незатронутой область мыслительной деятельности. В этом случае больной более или менее способен правильно воспринимать явления внешней действительности и на основе этого осознавать характер своих действий, но в силу расстройства волевых функций он не мо-

¹ См. А. Д. З а р у б а ш в и л и, Значение словесного эксперимента в клинике психиатрии, «Журнал высшей нервной деятельности им. Павлова», т. III, вып. 3, 1953, стр. 404.

² См. «Труды XIV сессии Украинского психоневрологического института», 1947, стр. 359.

жет руководить своими действиями и поступками. Во всех рассмотренных случаях, когда человек вследствие болезненного состояния лишен способности осознавать свое поведение или управлять им, он впадает в состояние, которое в уголовном праве именуется невменяемостью.

Вопрос о невменяемости возникает лишь при совершении психически больным общественно опасного действия. В этом случае речь идет о действительной неспособности психически больного разуметь совершаемое и господствовать над своими действиями; когда происходит как бы выключение всего нервного аппарата из нормального контакта с внешним миром.

Сознание и воля больного не могут в этом случае играть активную роль и в числе других причин детерминировать соответствующим образом поведение психически больного. Его поведение определяется болезненным состоянием психических способностей, в силу чего больной не может правильно разбираться во впечатлениях от внешнего мира, отражающегося в его больном сознании.

В невменяемом состоянии, неправильно реагируя на воздействие внешней среды, психически больной человек совершает общественно опасные действия исключительно под влиянием ложного восприятия этой среды.

На этом основании невменяемый ни при каких условиях не может быть признан судом виновным в совершении общественно опасного деяния и считаться субъектом преступления по советскому уголовному праву.

В нашей правовой литературе лишь отдельные советские криминалисты утверждают, что, с точки зрения советского уголовного права, субъектом преступления может быть всякий человек независимо от того — вменяем он или невменяем¹.

Нам представляется, что уже само указание закона о применении в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не наказания, а мер медицинского характера говорит о том, что законодатель не считает невменяемого субъектом преступления. Признание невменяемого субъектом преступления противоречило бы основным принципам советского уголовного права. Если же невменяемый не может быть

¹ См. С. И. Тихенко, Невменяемость и вменяемость, Киев, 1927, стр. 9 и след.

субъектом преступления, то с полным основанием можно сказать, что и совершенное им общественно опасное деяние не представляет собой преступление, понимаемое в смысле ст. 6 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

Статья 6 УК, давая материальное определение преступления, имеет в виду сознательную направленность деяния, представляющего общественную опасность, против Советской власти и социалистического правопорядка. Действие же психически больного в состоянии невменяемости лишь объективно общественно опасно. Действуя в состоянии невменяемости, психически больной человек, не может осознавать направленность своих поступков против Советского государства и установленного в нем правопорядка или не может руководить своим поведением.

Отсюда действия, совершенные в состоянии невменяемости, нельзя расценивать как преступление в том смысле, который вкладывает в это понятие уголовный закон.

В этом, с нашей точки зрения, и заключается сущность состояния невменяемости. Невменяемость — это болезненное состояние основных психических функций человека: мышления и воли, при котором человек оказывается неспособным осознавать свои действия или руководить ими. Невменяемость, как юридическое понятие, не есть какая-то юридическая формула, не связанная с конкретными клиническими данными, с которыми имеет дело судебная психиатрия. Она вытекает из оценки психического состояния человека во время совершения им конкретного общественно опасного деяния¹. Будучи юридическим понятием, невменяемость вместе с тем характеризует явления реальной действительности, объективно существующие отношения².

Таким образом, под невменяемостью следует понимать такое психическое состояние человека в момент учинения

¹ См. Я. М. К а л а ш н и к, Медицинские мероприятия в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, автореферат, М., 1955, стр. 7; см. также В. А. Г и л я р о в с к и й, Психиатрия, Медгиз, 1954, стр. 482.

² См. Д. Р. Л у н ц, Проблема невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы, Сборник «Вопросы судебно-психиатрической экспертизы», М., 1955, стр. 28.

им общественно опасного деяния, при котором он не владеет способностью осознавать происходящие во внешнем мире явления объективной действительности и в силу этого не может понимать характер и общественное значение своих действий или же теряет способность свободно управлять последними при сохранении относительно правильной ориентировки в окружающей действительности.

2. Критерии невменяемости

В советском уголовном законодательстве понятие невменяемости строится на сочетании медицинских и психологических критериев¹. В настоящем разделе нашей работы мы рассмотрим, в чем заключаются эти критерии и каково их значение в отпращивании социалистического правосудия.

1. Медицинские критерии

Под медицинскими критериями невменяемости в советском уголовном праве и в судебной психиатрии понимаются различные виды психических заболеваний, которые могут явиться основанием для признания человека действующим в состоянии невменяемости².

Советский законодатель с самого начала ввел в формулу невменяемости медицинские и психологические критерии одновременно. Однако необходимо отметить, что свое четкое выражение и наиболее правильное соотношение медицинские и психологические критерии невменяемости получили в советском уголовном законодательстве постепенно.

Впервые в истории советского уголовного законодательства развернутая формулировка понятия невменя-

¹ Уголовное законодательство стран народной демократии также строит формулу невменяемости на сочетании медицинских и психологических критериев.

² В теории советского уголовного права и судебной психиатрии наименование медицинские критерии является общепризнанным, но иногда медицинские критерии называют биологическими критериями (См., например, А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948, стр. 307). Нам представляется, что название медицинские критерии более правильно отражает сущность этого понятия, поскольку оно непосредственно основано на данных науки судебной психиатрии, т. е. на данных медицинской науки. В последнее время выдвигает-

емости была дана в ст. 14 «Руководящих начал» 1919 года. Они еще не содержали четкого определения критериев невменяемости, хотя самое понятие последней уже строилось на сочетании медицинского и психологического критериев.

«Руководящие начала» устанавливали лишь общее положение, что человек, не способный отдавать отчет в своих действиях в момент совершения общественно опасного деяния, не мог быть признан вменяемым и привлечен к уголовной ответственности. Отсутствие разграничения медицинских критериев невменяемости практически приводило в то время к такому широкому толкованию, что любое психическое заболевание независимо от его характера и степени могло служить основанием для признания человека невменяемым.

Кроме того, по смыслу ст. 14 «Руководящих начал» даже человек, не страдающий расстройством психической деятельности, мог быть признан невменяемым при условии, если он в момент совершения общественно опасного деяния не отдавал себе отчета в своих действиях. Сюда подпадали случаи совершения деяния в состоянии обычного или простого (физиологического) опьянения, в состоянии сильного душевного волнения и др.

Такому широкому истолкованию медицинского критерия невменяемости в значительной степени способствовало нечеткое определение психологического критерия, данного «Руководящими началами». Вместе с тем следует сказать, что, несмотря на существенные не-

ся предложение заменить наименование медицинские критерии термином общемедицинский критерий. (См., например, И. Ф. Случевский, О понятии невменяемости и спорных вопросах, с этим понятием связанных. Тезисы доклада на теоретической конференции по вопросам борьбы с общественно опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых. Издательство Ленинградского университета, 1956, стр. 16). Такое новшество, на наш взгляд, вряд ли можно назвать удачным, ибо термин общемедицинский критерий ничего нового по существу не вносит. Будет ли употребляться термин медицинский или общемедицинский критерий, во всех случаях судья и эксперт под данным наименованием будут подразумевать одно и то же: различные виды психических заболеваний, лишаящих человека возможности осознавать совершаемые действия и руководить ими.

достатки в формулировке критериев невменяемости в «Руководящих началах», первое законодательное определение невменяемости включало в себя «рациональное зерно», его основу, а именно—наличие психического заболевания, устранившего способность осознавать свое поведение.

В дальнейшем медицинские критерии невменяемости получили свое развитие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, который был принят за основу при создании уголовных кодексов других союзных республик. Статья 17 УК 1922 года в качестве медицинских критериев невменяемости предусматривала: хроническую психическую болезнь, временное расстройство психической деятельности и вообще такое состояние, когда человек не мог отдавать отчета в своих действиях во время их совершения.

Однако, несмотря на то, что Уголовный кодекс РСФСР 1922 года давал в более развернутом виде критерии невменяемости, он в значительной степени повторял недостатки «Руководящих начал» в этом вопросе.

Действительно, как по «Руководящим началам», так и по Уголовному кодексу РСФСР 1922 года не исключалась возможность признания невменяемости в отношении такого человека, который, не являясь психически больным в собственном смысле, находился в момент совершения общественно опасного деяния в таком состоянии, когда он не мог отдавать себе отчета в своих действиях. Под формулу УК «вообще в таком состоянии» подпадали лица, совершившие преступление в состоянии физиологического аффекта, физиологического опьянения и другие, т. е. точно так же, как и по «Руководящим началам».

«Основные начала» 1924 года в ст. 7 в отличие от предшествующего советского уголовного законодательства установили четкие критерии невменяемости. Они предусматривают в качестве медицинских критериев «хроническую психическую болезнь», «временное расстройство психической деятельности» и такое «болезненное состояние», которое лишает человека способности сознавать свои действия и руководить ими. Следовательно, «Основные начала» делят медицинские критерии на три группы, при этом последний из указанных медицинских критериев не допускает такого широкого тол-

кования понятия невменяемости, как это было возможно при критерии «вообще в таком состоянии» в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года.

Действующее уголовное законодательство союзных республик воспроизводит определение невменяемости, данное в ст. 7 «Основных начал» с некоторыми незначительными изменениями в формулировке.

Медицинские критерии составляют первую часть в формуле невменяемости действующего уголовного законодательства. Эта часть включает указание на: 1) хроническую психическую болезнь, 2) временное расстройство психической деятельности, 3) иные болезненные состояния.

Такого деления медицинских критериев придерживаются УК всех союзных республик, за исключением УК Туркменской ССР, ст. 10 которого ограничивает деление медицинских критериев невменяемости на две группы, опуская указание на «временное расстройство психической деятельности»¹. Чтобы признать человека, совершившего общественно опасное деяние, невменяемым, достаточно установить наличие психического заболевания, но при том неременном условии, когда это психическое заболевание лишает его способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.

Советское уголовное право различает отдельные группы медицинских критериев по степени тяжести и продолжительности психического расстройства.

Первую группу составляют хронические психические болезни, вторую—временные расстройства психики человека, третью группу—те психические состояния, которые не охватываются первыми двумя группами,—«иные болезненные состояния».

а) «Хронические психические болезни»

Этот медицинский критерий невменяемости включает в себя все виды расстройств психической деятель-

¹ Уголовное законодательство стран народной демократии также по-разному формулирует медицинские критерии. Уголовные кодексы одних из них делят медицинские критерии на 2 или 3 группы, другие—содержат лишь общее указание на психическое заболевание. См. ст. 7 УК Народной Республики Албании, ст. 13 УК Народной Республики Болгарии, п. I § 10 УК Венгерской Народной Республики, ст. 128 УК Румынской Народной Республики, § 11 УК Чехословацкой Республики.

ности, которые носят характер процесса, т. е. длительно протекающих психических заболеваний, имеющих тенденцию к прогрессированию, иначе говоря, к постепенному, то более быстрому, то более медленному нарастанию болезненных явлений. В некоторых случаях заболевание может происходить в виде отдельных приступов, но при прекращении болезненного процесса оставлять после себя стойкий психический дефект¹.

Сюда относятся, главным образом, так называемые психозы, как, например: шизофрения, прогрессивный паралич, эпидемический энцефалит, артериосклероз, маниакально-депрессивный психоз, старческий психоз и др.

Эта группа психических заболеваний, объединенная в медицинский критерий «хронические психические болезни», имеет наиболее важное значение в судебно-психиатрической практике, так как она чаще всего выступает в качестве возможной причины невменяемости.

Среди психозов ведущее место в судебнопсихиатрической практике занимает шизофрения. Она является самым распространенным психическим заболеванием. В подавляющем большинстве случаев шизофреники признаются невменяемыми. Это обусловлено тем, что шизофрения, как прогрессирующее психическое заболевание, чаще, чем другие психические болезни, приводит к значительному изменению личности.

В отдельных случаях не исключена возможность признания вменяемыми и шизофреников. Такого рода случаи могут иметь место, «когда наступает длительная остановка болезненного процесса, а психический дефект, будучи нерезко выражен, не заключает в себе специфически шизофренических изменений психики»².

Среди психических заболеваний данной группы большой удельный вес в судебнопсихиатрической практике занимает эпилепсия. После шизофрении эпилепсия является наиболее широко распространенным психическим заболеванием.

Вопрос о вменяемости эпилептиков решается в каждом конкретном случае индивидуально, ибо наличие этой болезни само по себе еще не исключает вменя-

¹ См. «Судебная психиатрия», Госюриздат, 1954, стр. 21.

² «Судебная психиатрия», Госюриздат, 1954, стр. 167.

емости. При эпилепсии может не происходить сколько-нибудь существенного изменения личности, остающейся достаточно активной и вследствие этого способной разумно относиться к своим поступкам.

Судебнопсихиатрическое значение других психических заболеваний, имеющих прогрессирующее течение, сравнительно невелико. По сравнению с шизофренией и эпилепсией они встречаются довольно редко в судебнопсихиатрической практике, но ввиду некоторых особенностей отдельных психических заболеваний этой группы их судебнопсихиатрическая оценка вызывает иногда значительные трудности.

Вопрос о неменяемости при этих психических заболеваниях решается так же, как и при шизофрении или эпилепсии, в зависимости от сохранности личности, от сохранности способности больного правильно воспринимать влияние окружающей обстановки и умения регулировать свое поведение.

По советскому уголовному праву причиной неменяемости может быть признана только такого рода хроническая болезнь, в результате которой человек в момент совершения общественно опасного деяния действительно утратил нормальный психический контакт с внешним миром и вследствие этого не может разобраться в том, что он совершает, и не может управлять своим поведением.

б) «Временные расстройства психической деятельности»

К временным расстройствам психической деятельности советская психиатрия относит разнообразные и многочисленные формы нарушений психической деятельности, которые продолжаются некоторое время и заканчиваются полным выздоровлением¹. Среди них в практике и теории судебной психиатрии различают так называемые «исключительные состояния». Это внезапно возникающие болезненные состояния психики человека, сопровождающиеся расстройством сознания с сравнительно коротким течением и также быстро прекращающиеся. Сюда относятся: патологический аффект, патологическое опьянение, сумеречные состояния сознания, патологиче-

¹ См. «Судебная психиатрия», Госюриздат, 1954, стр. 22.

ские просоночные состояния и другие быстро проходящие психические расстройства с характером автоматизма.

Эти психические заболевания встречаются обычно в судебнопсихиатрической практике очень редко.

Признание человека невменяемым при наличии «исключительного состояния» в момент учинения общественно опасного деяния может иметь место лишь в том случае, когда имеются все данные, говорящие о его неспособности осознавать совершаемое и руководить своими поступками именно в указанный момент.

Кроме «исключительных состояний», к группе психических заболеваний, охватываемых медицинским критерием «временные расстройства психической деятельности», относятся: реактивные состояния, некоторые алкогольные психозы, например, алкогольные галлюцинозы, белая горячка, алкогольный бред ревности, дипсоманические приступы, инфекционные психозы и т. п.

В судебнопсихиатрической практике большое значение имеет оценка реактивных состояний. Под реактивными состояниями имеются в виду преходящие расстройства психической деятельности, которые возникают вследствие психических травм (испуг, тяжелое психическое переживание и т. п.). К ним относятся: реактивные параноиды, реактивный галлюциноз, депрессивные реакции, ситуационные истерические реакции (псевдодеменция, пуэрилизм, истерический ступор), бредоподобные фантазии¹.

Обычно реактивные состояния возникают уже после совершения общественно опасного деяния в связи с арестом и привлечением к уголовной ответственности. Поэтому в большинстве случаев нахождения человека в реактивном состоянии решается вопрос не о вменяемости в момент совершения преступления, а о возможности отбывания им наказания, т. е. о возможности приспособления данного больного к условиям режима мест лишения свободы.

Так как реактивные состояния носят излечимый характер, то они не могут служить основанием для прекращения уголовного дела. Здесь речь может идти лишь о временном приостановлении следствия до излечения реактивного состояния.

¹ См. «Судебная психиатрия», Госюриздат, 1954, стр. 324—335.

Сравнительно очень редко встречаются в судебнопсихиатрической практике случаи наличия реактивного состояния в момент учинения общественно опасного деяния. В этих случаях вопрос о невменяемости нельзя решать в общей форме, ибо способность осознать совершаемое или управлять собой зависит от характера и глубины нарушений психики больного.

Медицинский критерий «временные расстройства психической деятельности» охватывает и временные расстройства сознания и временные расстройства волевой сферы психики человека. Однако следует отметить, что расстройство воли при временном поражении психических способностей человека всегда связано с расстройством сознания. Расстройство только волевой сферы человека при временном психическом заболевании на практике не встречается или почти не встречается.

Временные расстройства психики, подобно хроническим, отличаются друг от друга по степени тяжести, интенсивности и глубине поражения психической способности человека, что должно учитываться при решении вопроса о вменяемости и невменяемости конкретного психически больного человека.

Данное положение нашло свое прямое отражение в нашем действующем уголовном законодательстве, по которому критерием невменяемости может быть признано не любое временное расстройство психической деятельности, какова бы ни была его степень, а только такое, которое отвечает требованиям психологических критериев, составляющих главное в понятии невменяемости.

в) «Иные болезненные состояния»

Под этим выражением советский законодатель понимает не любые виды болезненных состояний вообще, а только те, которые оказывают серьезное влияние на психическую деятельность человека, детерминируют определенным образом его поведение и могут быть возможной причиной невменяемости.

В качестве примера «иных болезненных состояний» в советской юридической и особенно медицинской литературе наиболее часто приводятся: психопатии, олигофрения (врожденная умственная отсталость), соматические заболевания, сопровождающиеся психическим расстройством.

Проф. А. Н. Бунеев считает, что под понятие «иных болезненных состояний» можно подвести ряд состояний, которые трудно отнести к какой-либо группе, например, короткое замыкание, опьянение, сон, патологические про- сонки и т. д.¹

В юридической и медицинской литературе в качестве примера «иных болезненных состояний» иногда приводится глухонемота. При этом и юристы, и психиатры считают, что глухонемота сама по себе не может быть причиной невменяемости. Глухонемота может выступать в качестве возможного источника невменяемости только в случае, если она сочетается со слабоумием или временным расстройством психической деятельности, возникшим под влиянием страха, испуга, гнева или растерянности.

Следовательно, в целом «иные болезненные состояния» — это состояния с известным отклонением психики от нормы. Все заболевания, сопровождающиеся расстройством психической деятельности и охватываемые критерием «иные болезненные состояния», могут считаться основанием для признания человека, совершившего общественно опасное деяние, невменяемым лишь тогда, когда эти заболевания отвечают требованиям психологических критериев невменяемости.

«Иные болезненные состояния» одинаково должны охватывать и расстройства интеллекта и расстройства в области волевой сферы человека. Как показывает практика, расстройства волевой деятельности, с относительным сохранением в то же время умственных способностей, при «иных болезненных состояниях» не встречаются.

В настоящее время в связи с работой над подготовкой проекта Основных начал уголовного законодательства СССР и проектов новых уголовных кодексов союзных республик может возникнуть вопрос, следует ли сохранить перечень медицинских критериев, установленный в действующем уголовном законодательстве, или его необходимо изменить. Нам представляется, что в существенном изменении перечня медицинских критериев, установленного в действующем уголовном законодательстве, нет необходимости.

¹ См. «Труды первой научной сессии ВИЮН», Юриздат, 1940, стр. 171.

Медицинские критерии, сформулированные в действующем уголовном законодательстве, в течение длительного, более чем 30-летнего периода времени, правильно понимаются и применяются на практике. Они никогда не вызвали каких-либо недоразумений и споров. Поэтому и нецелесообразно в дальнейшем подвергать серьезному изменению их формулировку и перечень.

Что касается предложения о выделении из группы «иных» олигофрении в форме «слабоумия» в качестве самостоятельного медицинского критерия, то здесь следует согласиться с мнением судебных психиатров, считающих, что психические болезни не покрывают термин «слабоумия»¹.

Правильная научная классификация и дифференциация медицинских критериев в формуле невменяемости имеют существенное значение при решении судом вопроса об ответственности человека, совершившего общественно опасное деяние в состоянии того или иного вида психического расстройства, охватываемого одним из медицинских критериев. Она помогает суду установить конкретные меры воздействия на данного психически больного, признанного невменяемым, в полном соответствии с характером психического заболевания и требованиями советского закона.

Выполнению этой задачи, как нам кажется, не могло бы способствовать сведение всех медицинских критериев в один — «болезненные состояния», как это предлагал в свое время проф. А. М. Халецкий².

Несмотря на всю важность и значение медицинских критериев, их наличие само по себе еще не определяет сущности невменяемости и не создает ясного представления о понятии этого института в советском уголовном праве.

Обнаружение у того или иного лица, совершившего общественно опасное деяние, признаков какого-либо психического заболевания еще не может служить основанием для признания его невменяемым и устранить уголовную ответственность. Это связано с тем, что нельзя стандартно оценивать психические болезни, отличающиеся друг от друга течением, тяжестью и глубиной по-

¹ См. «Труды первой научной сессии ВИЮН», Юриздат, 1940, стр. 170—171.

² См. там же, стр. 172—173.

ражения умственных и волевых способностей человека. Степень интенсивности ряда психических заболеваний, как-то: эпилепсии, эпидемического энцефалита, олигофрении, сифилиса мозга и др.—может и не достигнуть еще такого состояния, когда человек, страдающий одним из указанных заболеваний, становится не способным осознавать свои поступки или управлять ими.

Поэтому для признания состояния невменяемости необходимо установить, что расстройство психической деятельности было таким; при котором человек в момент совершения общественно опасного деяния не был способен отдавать отчет в совершаемом или не мог руководить своими действиями.

Еще такие известные русские психиатры, как В. Х. Кандинский и В. П. Сербский, указывали, что любое психическое заболевание имеет различные степени. Установлению границ, с которых заболевания могут служить основанием для признания невменяемости, и служат психологические критерии. Именно этим критериям проф. В. П. Сербский придавал особо важное значение, считая их краеугольным камнем в уголовном праве.

«Не потому человек становится невменяемым,—писал В. П. Сербский,— что он болен, а потому, что болезнь лишает его свободы суждения и свободы выбора того или другого образа действия. Если же условия свободного действия сохранены, сохраняется, несмотря на существование болезни, и способность ко вменению»¹.

2. Психологические критерии²

Психологические критерии занимают особое место в определении невменяемости, составляя то, что собственно образует это понятие в узком смысле.

¹ В. П. Сербский, Судебная психопатология, вып. I, М. 1895, стр. 42.

² Обычно принято называть рассматриваемые критерии не во множественном числе, а в единственном. При этом критерию дается различное наименование в юридической и медицинской литературе. В большинстве случаев его называют юридическим иногда психологическим и, наконец, в последнее время психопатологическим. (См. И. Ф. Случевский, О понятии невменяемости и спорных вопросах, с этим понятием связанных. Тезисы доклада на теоретической конференции по вопросам борьбы с общественно опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых, Издательство Ленинградского университета, 1956, стр. 16.). Выдающийся психиатр В. Х. Кандинский

Отсутствие этих критериев в формуле неменяемости означало бы не что иное, как ликвидацию самого понятия неменяемости, ибо в таком случае оно по существу отождествлялось бы с понятием «ненормальность», т. е. психическими расстройствами того или иного рода.

На самом деле понятие неменяемости и понятие ненормальности далеко не одно и то же. «Понятие душевной болезни и понятие неменяемости,—подчеркивал В. П. Сербский,—совпадают далеко не всегда; одно по-

называл рассматриваемый критерий общим критерием неменяемости, а В. П. Сербский—психологическим критерием. С последним наименованием данного критерия нельзя не согласиться, ибо оно более соответствует буквальному смыслу закона, формулирующего критерий неменяемости, а также определяет в обобщающей психологической терминологии те условия, которые служат для признания того, что психически больной человек в момент учинения общественно опасного деяния находился в состоянии неменяемости. Почти все авторы, касающиеся в той или иной мере проблемы неменяемости, различают два момента психологического критерия: интеллектуальный и волевой. Иной и более правильной точки зрения, как мы полагаем, в решении данного вопроса придерживается проф. В. С. Трахтеров, рассматривающий указанные моменты в качестве самостоятельных критериев неменяемости. (См. В. С. Т р а х т е р о в, Юридические критерии неменяемости в советском уголовном праве, Ученые записки Ленинградского юридического института, вып. IV, 1947, стр. 122 и след.). Конечно, следует иметь в виду, как правильно указывается в учебнике судебной психиатрии для юридических вузов, что разделение интеллектуального и волевого критериев в законодательной формуле неменяемости является в известной мере условным. (См. «Судебная психиатрия». Госюриздат, 1954, стр. 24.) Это связано с тем, что глубокое болезненное расстройство волевых способностей человека не является само по себе изолированным от нарушений всей его психики. При патологическом расстройстве волевых функций человека не остается не затронутой отражательная способность его мозга в целом. В силу этого расстройство воли всегда сопровождается в какой-то степени и расстройством других психических функций человека, в частности сознания, но расстройство после него еще не достигает такого уровня, когда больной теряет всякую способность отдавать отчет в том, что он совершает. Несмотря на тесную взаимосвязь всех психических функций, интеллектуальный и волевой моменты, взятые каждый в отдельности при психическом заболевании человека, сохраняют в известной форме свое определенное самостоятельное значение. Это и дает основание считать названные моменты двумя самостоятельными психологическими критериями неменяемости

крывается другим только в некоторых классических, строго определенных формах болезней»¹.

Существует множество различных расстройств психической деятельности и ненормальных состояний психики. Однако не все они могут явиться источниками невменяемости. Состояние невменяемости представляет собой лишь такое ненормальное состояние психики, при котором человек не способен осознавать происходящие вокруг него события реальной действительности и вследствие этого лишается возможности сознавать свои действия или руководить ими.

Психологические критерии невменяемости, указанные в законе, предполагают влияние психических болезней, прежде всего, на основные сферы психической жизни человека: сознание и волю. Кроме сознания и воли, как важнейших сторон психики человека, воздействию психического заболевания подвергается также и область эмоций, чувств, которая теснейшим образом связана со всей психической деятельностью.

Эмоциональная сторона психической жизни человека в равной степени нарушается как при расстройстве интеллекта, так и при расстройстве воли, когда относительно сохраняется его сознательная деятельность. В том и другом случаях психически больной человек оказывается во власти своих чувств, переживаний, которыми он не способен руководить. В свою очередь, патологические расстройства психики человека в эмоциональной области могут наложить определенный отпечаток на нормальное функционирование как волевых способностей человека, так и частично рассудка.

Несмотря на тесную взаимосвязь всех сторон психической деятельности человека, расстройство эмоциональной сферы само по себе не может иметь самостоятельного значения для признания состояния невменяемости. Расстройство в деятельности органов чувств может выступать в качестве возможной причины невменяемости только в сочетании с нарушением сознания и воли. Само по себе расстройство в эмоциональной области, хотя и может оказывать пагубное влияние на психическую деятельность человека, но при относительной сохранности интеллекта и воли не устранивает его

¹ В. П. Сербский, Судебная психопатология, вып. I, 1895, стр. 40.

способности правильно ориентироваться в явлениях реального мира и управлять своим поведением.

По этим соображениям законодатель, очевидно, и не вводит в формулу невменяемости в качестве третьего психологического критерия критерий, отражающий расстройство в области эмоций.

Наличие интеллектуального и волевого критериев в формуле невменяемости позволяет охватить любые расстройства и в области эмоциональной, поскольку деятельность органов чувств непосредственно связана с функционированием сознания и воли человека. При этом следует отметить, что сочетание интеллектуального и волевого критериев в формуле невменяемости было введено в советское уголовное законодательство только «Основными началами» 1924 года. До этого времени ни «Руководящие начала», ни УК РСФСР 1922 года не содержали в формуле невменяемости указания на волевой критерий, а ограничивались лишь одним интеллектуальным критерием.

Четкая формулировка критериев невменяемости, данная в «Основных началах», в значительной степени способствовала сужению круга лиц, которые до этого неосновательно признавались невменяемыми.

В литературе, однако, после издания «Основных начал» 1924 года высказывались ошибочные взгляды по вопросу о психологических критериях и о понятии невменяемости.

Так, С. И. Тихенко предлагал построить понятие невменяемости из двух элементов или двух критериев. Медицинский критерий, по его мнению, должен состоять из указания лишь на психическое недоразвитие или психическую ненормальность, а вместо определенных и четких психологических критериев предлагалось ввести указание на нецелесообразность применения того или иного рода воздействия на правонарушителя. Невменяемость, по мнению С. И. Тихенко, будет налично тогда, когда человек в момент совершения деяния находился в таком состоянии психического недоразвития или психической ненормальности, при котором применение к нему уголовных мер наказания становится нецелесообразным¹.

¹ См. С. И. Тихенко, Невменяемость и вменяемость, Киев, 1927, стр. 94—102.

Эту ошибочную трактовку понятия невменяемости считали единственно правильной некоторые другие криминалисты. В частности проф. Н. Н. Паше-Озерский в предисловии к монографии С. И. Тихенко указывал, что психологический критерий, установленный законодательством, является якобы неверным и практически целиком несостоятельным, так как, по его мнению, он ничего не объясняет, а лишь запутывает сложный вопрос о невменяемости¹.

Подобное рассуждение некоторых криминалистов не только не оказывало никакой помощи практическим работникам, но и вносило в деятельность судов и практику судебнопсихиатрической экспертизы совершенно излишнюю, ненужную путаницу в решение вопроса о невменяемости.

а) Интеллектуальный критерий

Для многих психически больных недоступно познание внешнего мира. Болезненное состояние высшей мыслительной деятельности нарушает нормальное отправление всех психических функций человека. В результате этого органы чувств лишаются возможности правильно передавать отображение объективной действительности, что ведет к нарушению всего процесса познания. Следствием этого является совершение умалишенных деяний, порождаемых ложным восприятием и представлением о явлениях внешнего мира.

Человек, неправильно воспринимающий явления внешнего мира в силу расстройства интеллекта, лишается способности осознавать свои действия, а вместе с тем и осуществлять руководство ими. Именно такое расстройство умственных способностей предусматривает интеллектуальный критерий невменяемости, выраженный в законе словами «если эти лица не могли отдавать отчет в своих действиях».

Под выражением «в своих действиях» законодатель имеет здесь в виду не любые действия вообще, а только общественно опасные действия, совершенные в состоянии невменяемости.

¹ См. С. И. Тихенко, *Невменяемость и вменяемость*, Киев, 1927, стр. 5—6.

Конкретность невменяемости следует понимать в том смысле, что вопрос о неспособности лица осознать свое поведение разрешается только в отношении инкриминируемых ему деяний.

Действующее советское уголовное законодательство, говоря о неспособности отдавать отчет в своих действиях, непосредственно не раскрывает, что следует понимать под этим. Однако сама жизнь, практика судов и судебнопсихиатрической экспертизы подсказывает, что указанное выражение закона означает прежде всего неспособность больного осознать характер своих деяний, их фактическую сторону. В судебнопсихиатрической практике такого рода случаи известны.

Указание закона о неспособности отдавать отчет в своих действиях, кроме непонимания фактической стороны, имеет в виду и неспособность понимать направленность деяния против социалистического правопорядка, т. е. осознать их общественно опасный характер. Например, слабоумный, поджигая колхозный сарай, может сознавать фактическую сторону своих действий, т. е. понимать, что он вызывает пожар, но не в состоянии дать себе отчет в том, как относится общество к оценке таких действий.

Следовательно, нарушение нормальной деятельности рассудка в одних случаях может привести к непониманию фактической стороны деяния и его общественной опасности одновременно, в других — к непониманию только общественной опасности совершаемого действия.

Такого рода случаи полностью охватываются интеллектуальным критерием невменяемости.

Интеллектуальный критерий охватывает непонимание «свойства» (фактическая сторона) и «значения» (общественная опасность) любого деяния, образующего тот или иной состав преступления, предусмотренный уголовным законодательством. В этом смысле понимается интеллектуальный критерий невменяемости, сформулированный в действующем уголовном законодательстве, как судебной практикой, так и большинством советских криминалистов и психиатров¹. Поэтому нет необходимости в обрисовке

¹ См. «Уголовное право. Часть Общая, учебник для юридических вузов», Юриздат, 1943, стр. 129, 1948, стр. 320, 1952, стр. 204; «Судебная психиатрия». Госюриздат, 1954, стр. 24;

интеллектуального критерия в уголовном законе делать особую оговорку о том, что лицо «не могло отдавать отчет в общественно опасном характере своих действий», как это предлагает профессор В. С. Трахтеров¹.

Введение в формулировку интеллектуального критерия по действующему уголовному законодательству дополнительного указания на неспособность лица отдавать отчет в общественно опасном характере своих действий, по существу ничего нового в понимание рассматриваемого критерия не вносит.

По нашему мнению, указание в интеллектуальном критерии о том, что лица вследствие психического заболевания «не могли отдавать себе отчета в своих действиях», является правильным. Оно подчеркивает, что признание лица невменяемым может иметь место тогда, когда оно не только не отдавало, но и не могло отдавать отчет в своих действиях в силу психического заболевания.

б) Волевой критерий

Волевой критерий невменяемости устанавливает предел, начиная с которого психически больной теряет способность господствовать над собой в момент совершения им общественно опасного деяния.

У человека все стороны его психики теснейшим образом связаны между собой, что требует целостного подхода к пониманию его психической деятельности. Но, будучи связаны друг с другом, психические функции не сливаются воедино.

Психическая болезнь может оказать разрушительное воздействие или на все сферы психики человека, что происходит при расстройстве умственных способностей, или же повлиять в большей степени только на отдельные стороны психической деятельности, относительно сохранив способность сознания. Во всех этих случаях на определенной ступени развития психического расстройства человек лишается способности управлять своими дейст-

В. С. Трахтеров, Юридические критерии невменяемости в советском уголовном праве, Ученые записки Ленинградского юридического института, Юриздат, вып. IV, 1947, стр. 134 и след.

¹ См. В. С. Трахтеров, Указанная работа, стр. 134.

виями. Поэтому не случайно советский законодатель выделяет в формуле неменяемости в качестве самостоятельного психологического критерия волевой критерий, подчеркивая тем самым всю важность правильного функционирования воли для решения вопроса об уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний.

Наличие же в формуле неменяемости двух критериев, интеллектуального и волевого, говорит о необходимости дифференцированного подхода к уяснению влияния расстройства отдельных сторон психики человека на его способность осознавать свои действия и руководить ими.

Союз «или» между интеллектуальным и волевым критериями, с одной стороны, показывает на тесную взаимосвязь между основными психическими функциями—сознанием и волей, с другой—их различное значение, с точки зрения установления состояния неменяемости в момент совершения общественно опасного деяния.

Научно установлено, что нарушение мыслительной способности человека приводит к расстройству всех его психических функций, в результате чего человек теряет нормальную связь с окружающей действительностью и становится неспособным не только осознавать свое поведение, но и одновременно с этим не может управлять своими действиями.

Говоря иначе, при расстройстве рассудка неспособность человека отдавать отчет в своих действиях обязательно вызывает неспособность руководить ими. Это реально существующее в жизни явление непосредственно отражено в интеллектуальном критерии неменяемости, который одновременно охватывает нарушение сознания и воли, поскольку расстройство воли сопутствует расстройству сознания.

Вместе с тем в жизни существует и такое явление, когда неспособность человека руководить своими действиями не обязательно связана со способностью их осознания.

Психическое заболевание, сохраняя в определенной степени интеллектуальные способности человека, может разрушить главным образом сферу воли. В таком случае человек при более или менее нормальном функционировании рассудка правильно разбирается в явлениях внешней среды, осознает то, что он совершает, но в

силу расстройтва воли не в состоянии руководить своими действиями.

Ярким примером, иллюстрирующим такое состояние может служить kleптомания, т. е. влечение к кражам. При kleптомании человек часто крадет совершенно ненужные ему вещи, его интересуется лишь сам процесс кражи, но не ее предмет. Сознвая нелепость своего влечения, понимая фактическую сторону и общественно опасный характер кражи, kleптоман тем не менее оказывается, в силу расстройтва сдерживающих центров головного мозга, не в состоянии противостоять этим влечениям.

Кроме kleптомании, к заболеваниям, вызывающим расстройство главным образом воли, относятся другие виды патологических влечений. Таковы, например: пиромания—влечение к поджогам, дромомания—стремление к бесцельным путешествиям и др. Люди, страдающие этими расстройствами, сознают и понимают всю порочность своего влечения, но они не в состоянии побороть себя, заставить переключиться на какое-либо полезное дело. Наличие в формуле невменяемости волевого критерия, выраженного в словах «не могли руководить своими действиями», как раз и позволяет охватить случаи, когда человек сохраняет относительную способность осознавать совершаемое, но при этом не способен руководить теми конкретными действиями, которые ему инкриминируются¹.

Таким образом, медицинские и психологические критерии невменяемости имеют различное значение.

Медицинские критерии требуют установления у человека, совершившего общественно опасное деяние, определенного психического заболевания или психических аномалий, при наличии которых он может быть признан действовавшим в состоянии невменяемости. Медицинские

¹ Советское уголовное законодательство не предусматривает особых критериев невменяемости в отношении несовершеннолетних. Поэтому на них полностью распространяется положение, установленное ст. 11 УК. Однако при определении невменяемости несовершеннолетнего всегда учитывается, что те требования, которые предъявляются при установлении невменяемости к взрослым правонарушителям, не могут быть тождественными с требованиями, предъявляемыми к несовершеннолетним, так как психические заболевания и их течение у несовершеннолетних имеют свои специфические особенности.

критерии охватывают различные психические заболевания и отклонения психики от нормы, которые выступают в качестве только потенциального источника или причины невменяемости. Для признания того или иного психического расстройства причиной невменяемости необходимо, чтобы оно достигло такой степени, когда человек утрачивает способность осознавать свои поступки или руководить своим поведением. В связи с этим особую роль играют психологические критерии. Они как раз и позволяют установить ту границу тяжести психического расстройства, с которой человек признается невменяемым.

Указанием закона, «если эти лица не могли отдавать отчет в своих действиях или руководить ими», определяется соотношение между медицинскими и психологическими критериями невменяемости.

Психологические критерии указывают на разрушительное влияние конкретных видов и форм психических заболеваний на основные психические способности человека—сознание и волю. Эти критерии определяют фактическое содержание невменяемости, его сущность.

Несмотря, однако, на всю принципиальную и практическую важность психологических критериев, составляющих подлинное содержание невменяемости, ограничение только ими формулы невменяемости поставило бы суд в весьма затруднительное положение, так как это вынуждало бы его в каждом отдельном случае разбираться в бесчисленном многообразии степеней способности человека сознавать свое поведение или руководить им. Именно медицинские критерии, охватывающие психические расстройства определенных групп, позволяют суду правильно ориентироваться во всем многообразии психических заболеваний при решении им вопроса о наличии юридических оснований для признания невменяемости в каждом конкретном случае.

Невменяемость, с медицинской точки зрения, есть болезненное состояние психики человека, лишшающее его способности осознавать происходящие явления объективной действительности или контролировать свое поведение. Но это медицинское понятие невменяемости не может быть оторвано от его юридического понятия, ибо психологические критерии в формуле невменяемости как

раз и выражают сущность психического заболевания человека именно в момент учинения им общественно опасного деяния.

Вот почему советское уголовное законодательство строит понятие невменяемости на взаимосочетании медицинских и психологических критериев, сочетании, в котором обе группы критериев с необходимостью дополняют, контролируют и корректируют друг друга, а их единство составляет законодательное определение понятия невменяемости.

Наличие разделительного союза «или» между медицинскими и психологическими критериями в формуле невменяемости, данной в действующем уголовном законодательстве, со всей определенностью говорит о том, что закон, требуя обязательного наличия двух критериев для установления невменяемости, не требует в то же время наличия всех психологических и всех медицинских критериев. Для признания невменяемости достаточно одного из перечисленных в законе медицинских критериев и одного из психологических критериев невменяемости, ибо последние охватывают расстройство всех возможных сторон психической деятельности человека и позволяют оценивать состояние психики в целом.

Отсюда можно заключить, что невменяемость, как уголовно-правовое понятие, есть такое исключаящее уголовную ответственность состояние человека, при котором он в момент совершения общественно опасного деяния, был неспособен отдавать отчет в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного расстройства мыслительной или волевой деятельности.

Исходя из теоретического определения невменяемости, статью о ней в законодательстве можно было бы сформулировать следующим образом: «Наказанию не могут быть подвергнуты лица, которые во время совершения общественно опасного деяния не могли отдавать отчет в своих действиях либо управлять ими вследствие или хронической психической болезни, или временного расстройства психической деятельности, или слабоумия, или иных болезненных состояний».

3. Вопрос о так называемой уменьшенной вменяемости

Понятие уменьшенной вменяемости не нашло своего признания в советском уголовном законодательстве на всем протяжении его исторического развития¹. Но тем не менее вопрос об уменьшенной вменяемости вызывал оживленные споры среди юристов и психиатров с самого начала возникновения советской науки уголовного права и судебной психиатрии. Большинство из них выступало против введения в советское уголовное законодательство понятия уменьшенной вменяемости, считая, что человек может совершать деяния или в состоянии вменяемости, или в состоянии невменяемости. Ничего среднего между этими понятиями быть не может. Часть криминалистов и психиатров, наоборот, утверждала, что между вменяемостью и невменяемостью есть нечто среднее, обусловленное особым состоянием психики человека. Поэтому сторонники этой точки зрения отстаивали необходимость введения в закон особого промежуточного понятия уменьшенной вменяемости.

Так, например, проф. В. С. Трахтеров в одной из своих работ писал: «Необходимо выделить уменьшенную вменяемость, дать ей в законе особую обрисовку. Сделать это возможно, ибо уменьшенная вменяемость уже не есть то «каучуковое», растяжимое понятие, каким оно так недавно еще признавалось»².

В таком же смысле высказывались на страницах нашей печати целый ряд других криминалистов и психиатров, занимавшихся исследованием проблемы уменьшенной вменяемости³.

¹ В настоящее время уголовные кодексы Чехословацкой Республики (п. «а» § 21), Венгерской Народной Республики (п. 3 § 10) и др., не употребляя непосредственно термин «уменьшенная вменяемость», фактически решают это понятие и вопрос об ответственности лиц с ограниченными способностями сознавать свои действия и руководить ими в плоскости снижения им наказания.

² В. С. Трахтеров, Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве, «Право и жизнь» 1925 г. № 9—10, стр. 74.

³ См. А. А. Ж и ж и л е н к о, Спорные вопросы уменьшенной вменяемости в УК РСФСР, «Право и жизнь» 1924 г. № 7—9, стр. 38 и след.; С. И. Т и х е н к о, Невменяемость и вменяемость, Киев, 1927, стр. 102 и др.

Все они сходились во мнениях о необходимости признания уменьшенной вменяемости в качестве самостоятельного института уголовного права. Разногласия между ними имели место главным образом лишь по вопросу о характере мер воздействия в отношении уменьшенно-вменяемых, признанных страдающими психическими аномалиями, относящимися к так называемой группе пограничных состояний.

В большинстве своем сторонники уменьшенной вменяемости считали, что лица с пограничным состоянием— это своего рода полубольные, и поэтому они не могут нести ответственности за свои деяния на равных основаниях с психически здоровыми людьми. В связи с этим предлагалось: лиц с пограничным состоянием не наказывать за общественно опасные деяния, а направлять в особые лечебные заведения или колонии или же сочетать применение к ним мер наказания и специальных лечебных мер, или, наконец, если и применять только одни меры наказания, то более мягкие, чем наказания, назначаемые за такие же преступления в отношении психически здоровых преступников.

При этом сторонники этой точки зрения, выступая в защиту уменьшенной вменяемости, исходили из того положения, что отсутствие в советском законодательстве данного понятия противоречит основным принципам уголовного права, так как в этом случае не принимаются во внимание промежуточные звенья между вменяемостью и невменяемостью, между наличием и отсутствием вины. В результате этого каждое преступление, по мнению сторонников уменьшенной вменяемости, рассматривается не в соответствии со степенью вины лица, совершившего то или иное преступление¹.

Приведенные аргументы в пользу введения в советское уголовное законодательство особого понятия уменьшенной вменяемости нельзя признать убедительными.

Лишено всяких оснований утверждение о том, что отсутствие понятия уменьшенной вменяемости в советском уголовном законодательстве якобы приводит к рассмотрению каждого конкретного общественно опасного деяния без учета степени вины лица, совершившего преступление.

¹ См. Б. Ошерович, к вопросу о степенях виновности, «Ученые записки ВИЮН», вып. I, 1940, стр. 58 и след.

По советскому уголовному праву ответственность в каждом случае устанавливается в соответствии со степенью вины человека, с учетом его индивидуальной опасности для общества и опасности совершенного им преступления.

Отсутствие понятия уменьшенной вменяемости отнюдь не нарушает этого важнейшего принципа социалистического уголовного права об индивидуализации вины и ответственности.

Вина человека и ее степень устанавливается не в зависимости от состояния психики (за исключением случаев, особо предусмотренных законом), а в зависимости от умышленного или неосторожного совершения преступления с учетом всех других обстоятельств каждого конкретного дела.

Конечно, способность сознавать свои поступки и руководить ими у людей с пограничным состоянием психики может быть понижена. Однако это не может быть основанием для утверждения, что степень вины таких субъектов в совершении преступления меньше, чем степень вины психически здоровых людей в совершении того же самого преступления. Такие люди в большинстве своем способны разбираться в окружающих событиях и явлениях внешней действительности, познавать их и на этой основе правильно руководить своими действиями. Вот почему в большинстве случаев человек с пограничным состоянием в момент совершения преступления должен признаваться вменяемым. Лишь в тех случаях, когда уродство психики достигает такой степени, что человек действительно утрачивает контроль над собой, он может быть приравнен к невменяемым.

Советское социалистическое уголовное законодательство дает суду достаточный простор для учета всех особенностей личности человека, привлеченного к ответственности, при назначении ему меры наказания. В частности, п. «д» ст. 48 УК дает возможность суду смягчить меру наказания, если преступление совершено в состоянии сильного душевного волнения. Ст. ст. 138 и 144 УК предусматривают составы преступлений, которые предполагают отсутствие должного контроля над собой в момент их осуществления. В распоряжении суда имеется ст. 51 УК, согласно которой он может учесть исключительные

обстоятельства, в том числе и состояние психической неполноценности, при назначении меры наказания.

Наконец, ст. 26 УК предоставляет суду право применять меры медицинского характера, если суд найдет применение мер судебно-исправительного характера в данном случае нецелесообразным. Таким образом, суд всегда имеет возможность, исходя из учета особенностей конкретного случая, понизить наказание психически не совсем здоровой личности. Поэтому нет никакой необходимости предусматривать в уголовном законодательстве особое понятие уменьшенной вменяемости, которое практически приводило бы к механическому снижению наказания каждому человеку с ослабленными психическими способностями за совершение им любого общественно опасного деяния даже тогда, когда это не вызывалось бы никакой необходимостью и обстоятельствами дела.

Отрицательные стороны понятия уменьшенной вменяемости особенно наглядно выступают в его применении к психопатам, чаще всего относимым сторонниками этого института к лицам с пограничным состоянием¹.

В судебной психиатрии в течение длительного времени существовал ошибочный подход к оценке психопатии. Многие психиатры ссылкой на болезнь стремились обосновать снятие ответственности с психопатических личностей за их общественно опасные деяния. Попав под защиту врачей, психопаты признавались невменяемыми или уменьшенно-вменяемыми и, избежав таким путем наказания, выходили на свободу с сознанием безнаказанности за свои поступки.

Оказавшись на свободе, психопаты вновь совершали общественно опасные деяния, будучи уверенными в своей безнаказанности.

Практика показала, что психопаты вполне могут уживаться в общих местах заключения. Правильная организация труда и быта в местах лишения свободы, широкая политико-воспитательная работа среди заключенных, охват их различными видами труда способствуют включению психопатов в общую работу всего коллектива заключенных. Психопатам важно привить сознание ответственности за свои поступки.

¹ Кроме психопатии, понятием уменьшенной вменяемости, с точки зрения его сторонников, охватываются несовершеннолетние и состояние физиологического опьянения.

В настоящее время советские психиатры и криминалисты считают, что лучшим средством для излечения психопатов являются не медицинские меры воздействия, а дисциплинарные. Твердая дисциплинирующая политика воспитательного характера в отношении группы с пограничным состоянием психики, и особенно к психопатам, служит одним из важнейших психотерапевтических средств воздействия в интересах самого больного, уничтожая в нем всякую надежду на безответственность или меньшую ответственность за свои преступные действия.

Основное средство воздействия на психопатов—это общественное влияние силой коллектива, повышение культурного уровня и политической сознательности, вовлечение их в дело строительства коммунизма в нашей стране.

Безусловно не все абсолютно психопаты должны признаваться вменяемыми. В отношении их требуется строгий индивидуальный подход, ибо в некоторых случаях психопатические черты могут быть выражены очень резко и приравнены к психическим болезням. Кроме того, не исключена возможность временного расстройств психической деятельности у психопатов в виде реактивного состояния, возникающего по тем или иным причинам.

Так, например, П., киномеханик 23 лет, не имея прав, управляя чужой машиной, разбил ее. После ареста он решил покончить с собой, пытался вскрыть себе вены, наносил себе ножевые повреждения, а затем начал глотать разные предметы. Некоторое время он находился в психиатрической больнице, а затем снова был возвращен в тюрьму.

На теле больного обнаружено было множество рубцов—последствия самоповреждений. В течение всего времени пребывания на экспертизе он был угнетен, легко возбуждался, плакал, стремился глотать разные предметы, отказывался от лекарств.

В связи с явлениями, угрожающими прободением желудка (скопление инородных тел), он был направлен на операцию. В результате операции из желудка и кишечника было удалено множество различных предметов (пуговицы, термометры, тряпки, застёжки «молния», ложки и т.д.). После операции П. неоднократно пытался сорвать повязку и загрязнить рану.

Вся жизнь П., особенности его характера, форма реакции на арест, покушение на самоубийство, осуществляемое столь необычным способом,—указывали на тяжелую психопатию, выраженную в импульсивных чертах характера со значительной эмоциональной неустойчивостью. Больной был признан невменяемым¹.

Лица, относящиеся к так называемым пограничным состояниям, главным образом психопаты, в подавляющем большинстве способны познавать объективный мир, они правильно ориентируются в окружающей их среде и хорошо разбираются в явлениях и событиях внешней действительности. На основе познания объективной закономерности психопаты, как правило, свободно совершают целенаправленные действия. Их действия в большинстве случаев отнюдь не являются случайными. Психопаты никогда не станут совершать преступление ради самого преступления, они всегда сознательно преследуют при этом определенные, заранее намеченные цели. Поскольку психопаты в большинстве случаев сознают свои действия и в состоянии управлять ими, постольку нет основания для отказа от применения к ним мер наказания или обязательного смягчения их.

Советское уголовное право знает только два понятия—вменяемость и невменяемость. Психопатии, относящиеся к пограничной группе как патологические характеры, развивающиеся на основе аномалий высшей нервной деятельности, не представляют собой психической болезни в буквальном смысле этого слова, патологически изменяющей личность. При психопатиях, как правило, не происходит сколько-нибудь значительных изменений мышления, которые бы исключали способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими². Поэтому состояние психопатии не может служить причиной невменяемости. Оно не отвечает требованиям психологических критериев.

Сама постановка вопроса, что данный человек, совершивший общественно опасное деяние, является немного больным, немного здоровым и потому должен быть охвачен понятием уменьшенной вменяемости,—является ненаучной. Если даже допустить признание человека умень-

¹ См. «Судебная психиатрия», Руководство для врачей, М., 1950 стр. 296.

² См. «Судебная психиатрия», Госюриздат, 1954, стр. 286—297.

шенно вменяемым или не совсем невменяемым в отношении инкриминируемого ему деяния, то это само по себе еще не может служить основанием для исключения ответственности за содеянное, так как наличие психической аномалии не лишает его способности осознавать совершаемое и руководить своими поступками.

Известное ослабление указанных способностей при психических аномалиях всегда, когда это необходимо, может быть учтено судом лишь в качестве смягчающего обстоятельства.

Введение же в советское уголовное законодательство понятия уменьшенной вменяемости создало бы определенные затруднения и путаницу в практике суда и судебнопсихиатрической экспертизы. В этом случае пришлось бы устанавливать четкую границу не только между вменяемостью и невменяемостью, но и между вменяемостью и уменьшенной вменяемостью, с одной стороны, и уменьшенной вменяемостью и невменяемостью — с другой, что практически трудно осуществить.

Понятие уменьшенной вменяемости является чуждым советскому уголовному праву, как об этом подчеркнуло в своем постановлении расширенное заседание Учебного совета Центрального института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР от 24 марта 1948 г. в связи с разбором частного заключения, данного проф. Серейским, в котором последний высказал мнение, что правонарушение (растрата) психопата К. якобы вытекает из самой болезни. Причем он считал, что в этом случае было бы правильно говорить об «уменьшенной вменяемости», поскольку психопатия К. развилась на почве органического поражения центральной нервной системы в виде так называемого «ан-этического синдрома».

В связи с этим председатель Верховного Суда СССР обратился к экспертам с просьбой дать свое заключение по ряду вопросов. Ознакомившись с ними, авторитетная комиссия пришла к следующим принципиально важным выводам, которые мы приводим полностью.

«1. Вопрос: «Предопределяет» ли вообще и «в значительной мере», в частности, перенесенные в детстве энцефалит и хорея патологическое развитие личности?»

Ответ: Нет, не предопределяют. Патологическое развитие личности в некоторых случаях может быть поставлено в связь с перенесенными в раннем возрасте

мозговыми заболеваниями, в том числе энцефалитом и хореей.

Если клинически удастся установить зависимость между перенесенным в детстве заболеванием мозга и наступившим изменением личности, то следует говорить о предрасположении к патологическому развитию личности, а не о «предопределении».

«Предопределение» вообще и предопределение «в значительной мере» обозначает фатальную обусловленность судьбы у детей, перенесших какое-либо мозговое заболевание. Такой взгляд на предопределение патологического развития личности вследствие биологических причин не разделяется советскими авторами.

2. Вопрос: Влияет ли обязательно семейная наследственность (прямая или боковая) на патологическое развитие личности?

Ответ: Современными научными данными определенно установлено, что нет оснований говорить об обязательном влиянии наследственности при патологическом развитии личности. Целый ряд душевных болезней, в происхождении которых видели проявление «рокового» наследственного отягощения, в настоящее время объясняется различными экзогенными (внешними) факторами. Имеется группа так называемых экзогенных психозов (шизофрения, циркулярный психоз, гениальная эпилепсия), где значение наследственных факторов в той или иной степени подтверждено научными исследованиями, однако даже при этих заболеваниях (например, в семьях шизофреников и эпилептиков) большинство (не менее 90%) потомства остается здоровым. Только неблагоприятное сочетание наследственного отягощения и вредных внешних экзогенных моментов может привести к патологическому развитию личности.

3. Вопрос: Является ли понятие «ан-этического синдрома» понятием, твердо установленным в психиатрии? Можно ли считать правильным утверждение, что растрата, совершенная определенным лицом, является одним из признаков ан-этического синдрома, т. е. поступком, вытекающим из болезненного состояния?

Ответ: Термин «ан-этический симптомо-комплекс» предложен Альбрехтом для обозначения таких психических изменений после эпидемического энцефали-

та, которые, по его мнению, характеризуются антисоциальным поведением.

В советской психиатрии этот термин подвергся заслуженной критике и в настоящее время почти не употребляется, так как он, во-первых, не раскрывает существа психических изменений, свойственных энцефалитикам, выражающихся прежде всего в расторможении органических влечений и, во-вторых, устанавливает прямую причинную связь между энцефалитом и преступлением, т. е. биологизирует социальные явления. Расторможение низших влечений при энцефалите вовсе не обязательно влечет к преступному поведению. Утверждение, что растрата является поступком, прямо вытекающим из болезненного состояния, является неправильным и отражает ломброзианскую точку зрения.

4. В о п р о с: Правильно ли утверждение, что при психопатии указанный «ан-этический синдром» «органически предопределен» и ведет с фатальной неизбежностью к совершению тех или иных преступлений? Не является ли эта точка зрения отражением неоломброзианских взглядов, осужденных советской психиатрией?

О т в е т: При психопатии устанавливается то или другое биологически обусловленное отклонение от норм, затрагивающее элементарные основы темперамента и характера. Формирование психопатической личности в значительной степени определяется внешними влияниями, социальными факторами. В особенности это касается сложных психических образований, какими являются понятия морали, нравственности, социального долга и т. д. При одинаковых психопатических задатках возможно разное поведение психопатов, разная социальная установка.

Утверждение, что при психопатиях так называемый «ан-этический синдром» «органически предопределен» и ведет с фатальной неизбежностью к совершению тех или других преступлений, следует считать, с точки зрения советской судебной психиатрии, неправильным. Это утверждение в полной мере связано с ломброзианскими и неломброзианскими тенденциями в судебной психиатрии и в уголовном праве»¹.

¹ М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, Юридиздат, 1948, стр. 51—53

Заключение, данное проф. Серейским, явно противоречащее действующему советскому уголовному законодательству, показывает, что еще до недавнего времени на некоторых советских психиатров оказывали влияние антинаучные ломброзианские и неоломброзианские установки, биологизирующие явления общественной жизни.

Кроме понятия уменьшенной вменяемости, в советской психиатрической литературе выдвигалось понятие частичной невменяемости. Под частичной невменяемостью имелась в виду невменяемость только в отношении определенных видов общественно опасных деяний, совершение которых непосредственно вытекает из болезненного состояния. Так, например, за общественно опасное деяние, вытекающее из бредовых идей параноика, последний, с точки зрения сторонников частичной невменяемости, не может нести уголовную ответственность, а за все остальные деяния, не связанные с этими идеями, он несет ответственность как психически здоровая личность.

Проф. Е. К. Краснушкин, возражая против этого, указывал, что «такая оценка параноика противоречит психиатрическому пониманию паранойи как психической болезни: ибо отдельные психопатологические образования, каковыми являются его бредовое мирозерцание, представляют собой выражение уродливого склада всей его психики.

Здесь дело обстоит так же, как с часовым механизмом: порча одной какой-либо части делает ход часов неверным или совсем останавливает их»¹.

На несостоятельность понятия частичной невменяемости указывал еще проф. В. П. Сербский, который в 1895 году писал:

«В настоящее время мы не можем допустить, чтобы душевные способности считались самостоятельными, независимыми одна от другой, так как они суть не что иное, как различные проявления одной и той же душевной деятельности; мы не можем допустить частичного душевного расстройства потому, что если у человека существует душевная болезнь, она отражается на всех проявлениях его психической жизни; не можем допустить,

¹ См. Е. К. Краснушкин, Судебнопсихиатрические очерки, 1926, стр. 113.

чтобы больной в одних вопросах оперировал больной стороной, в других—здоровой»¹.

Понятие частичной невменяемости легко может привести к биологизации социальных явлений, к установлению зависимости вида общественно опасного деяния от данных психопатологических особенностей.

Поэтому частичная невменяемость, с точки зрения советской науки уголовного права и судебной психиатрии, является глубоко ошибочным понятием. Таким же по существу ошибочным является понятие «относительной» вменяемости, выдвинутое в свое время в советской литературе И. М. Фарбером², который считал, что в отношении некоторых психопатов возможно применение, с одной стороны, судебно-исправительных мер, но, с другой стороны, к ним необходим индивидуальный подход в местах лишения свободы. И. М. Фарбер предложил называть эту группу правонарушителей «относительно» вменяемой.

Если провести в жизнь требование о каком-то особом подходе к группе так называемых «относительно» вменяемых правонарушителей, то практически это привело бы к тому, что указанные правонарушители, прикрываясь своей болезнью, требовали бы для себя создания особого режима. Непредоставление этого режима со стороны администрации мест лишения свободы могло бы вызвать отказ от выполнения распоряжений последней и привести таким путем к дезорганизации обычной жизни в местах лишения свободы.

Таким образом, все рассмотренные нами понятия относительной вменяемости, частичной невменяемости и уменьшенной вменяемости в равной степени являются несостоятельными в научном отношении и совершенно неприемлемыми и вредными с практической точки зрения.

4. Опьянение и вопрос о невменяемости

Пьянство совершенно нетерпимое явление в социалистическом обществе. Оно является одним из позорней-

¹ В. П. Сербский, Судебная психопатология, вып. I, 1895, стр. 42—43.

² См. И. М. Фарбер, К вопросу об «относительной» вменяемости, «Современная психоневрология» 1928 г. № 3, стр. 288.

ших и вреднейших пережитков прошлого. С ним связано не только разрушение здоровья советских граждан, злоупотребляющих алкогольными напитками, но и совершение целого ряда антисоциальных поступков, которые мешают делу построения коммунизма в нашей стране.

На почве пьянства или в связи с ним, например, нередко совершается целый ряд преступлений: убийство, телесные повреждения, побои, насилие, хулиганство, хищения и другие.

Исследования академика И. П. Павлова и его учеников, а также сама жизнь убедительно показывают, что алкоголь действует на человека разрушительным образом, оказывая вредное воздействие на жизнедеятельность всех без исключения внутренних органов. Больше всего от него страдает центральная нервная система. Под воздействием алкоголя нарушается правильное функционирование прежде всего коры головного мозга, являющейся своеобразным «генеральным штабом» в организме человека, объединяющим, направляющим и регулирующим всю его жизнедеятельность.

Принятие алкоголя, даже в сравнительно малых дозах, уже вызывает кратковременное нарушение высшей нервной деятельности человека. Вследствие нарушения правильного взаимодействия первой и второй сигнальных систем человека при опьянении происходит ослабление тормозного, а затем и раздражительного процессов, лежащих в основе высшей нервной деятельности.

Мозг, отравленный алкоголем, у пьяного человека начинает работать с некоторыми отклонениями от нормы, в силу чего человек может утратить в известной мере способность самообладания.

Известное ослабление самоконтроля человека над своим поведением в состоянии опьянения нередко приводит его на путь совершения преступлений. Однако это не означает, что человек в состоянии опьянения полностью становится неспособным осознавать события и явления окружающей действительности и управлять своими поступками. Пьяный человек, как правило, сохраняет нормальную связь с действительностью, в достаточной мере соотносит свое поведение с окружающей обстановкой и обычно может руководить своими действиями. В связи с этим в советском уголовном праве важное значение как в теоретическом, так и особенно в практическом

отношении приобретает правильное разрешение вопроса о влиянии состояния опьянения на ответственность человека, совершившего в этом состоянии преступление.

В нашем социалистическом обществе не должно быть места пьянству. Коммунистическая партия и Советское правительство тратят немало усилий на то, чтобы полностью искоренить это наследие прошлого.

В СССР борьбе с пьянством уделяется исключительно большое внимание. В этом важном деле активное участие принимают не только государственные органы и общественные организации, но и широкие массы наиболее сознательных трудящихся. Борьба с пьянством ведется у нас повседневно в масштабах всей страны. За последние годы государство запретило продажу спиртных напитков вразлив в специализированных винных магазинах, столовых, закусочных, буфетах и других предприятиях общественного питания. Повсеместно сокращено или полностью ликвидировано число мест, где отпускались вразлив спиртные напитки и т. д.

Проведение всех этих оздоровительных мероприятий в жизнь в сочетании с повышением культурно-просветительной работы в значительной мере способствует сокращению случаев злоупотребления приема алкоголя со стороны отдельных советских граждан и совершения ими на этой почве аморальных проступков и тяжких преступлений.

Определенную роль в борьбе с социальным злом, каковым является пьянство, играет и советское уголовное законодательство, содержащее нормы, которые предусматривают ответственность человека за совершение преступления в состоянии опьянения. Правда, эти нормы появились в советском уголовном законодательстве не с первых дней его развития. Так, например, «Руководящие начала» совершенно не касались вопроса о влиянии опьянения на уголовную ответственность. Уголовный кодекс 1922 года в статье, говорящей о невменяемости, не признавал состояние опьянения обстоятельством, исключающим уголовную ответственность за содеянное лишь при условии, если данный человек преднамеренно привел себя в такое состояние для совершения преступления. Применение этого положения, содержащегося в ст. 17 УК 1922 года, на практике показало ее явную нежизненность. Под действие этой статьи часто попадали лица, совер-

шившие преступление в состоянии обычного опьянения. Они признавались невменяемыми и освобождались от уголовной ответственности только на том основании, что в это состояние привели себя не преднамеренно.

Естественно, что такое положение использовалось в то время общественно опасными элементами, которые путем ссылки на состояние опьянения стремились добиться оправдания своего преступного поведения. Между тем, с точки зрения воспитательного и предупредительного воздействия на широкие массы трудящихся и особенно на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, признание непреднамеренного опьянения обстоятельством, освобождающим от ответственности, предоставляло лазейку для избежания наказания лицами, совершившими в состоянии опьянения деяния, опасные для социалистического общества и государства.

На это обстоятельство указывали в свое время многие практические работники. Нечеткая постановка вопроса о влиянии на ответственность состояния опьянения, как и вопроса о невменяемости в целом, в Уголовном кодексе 1922 года приводила в судебной практике к разноречивым решениям и вызывала разнобой в толковании этого вопроса среди теоретиков советского уголовного права.

Не внесли ясности в вопрос о значении состояния опьянения для ответственности и «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 года. Как и в «Руководящих началах», в «Основных началах» отсутствовало какое-либо особое постановление об опьянении. «Основные начала» предоставили законодателям союзных республик самостоятельно решить этот вопрос, что и было осуществлено несколько позднее в уголовных кодексах новой редакции. Принципиально правильное и практически важное указание содержится в примечаниях к ст. 11 УК 1926 года¹. Аналогичные указания имеются также в примечаниях к соответствующим статьям о невменяемости в большинстве

¹ Постановления, аналогичные примечанию к ст. 11 УК, содержатся в уголовных кодексах Народной Республики Албании (ст. 7), Корейской Народно-Демократической Республики (ст. 12), Монгольской Народной Республики (ст. 10). Более подробное постановление по вопросу об опьянении содержится в Уголовном кодексе Румынской Народной Республики (ст. 129).

действующих уголовных кодексах других союзных республик.

При рассмотрении этих примечаний возникает вопрос, на все ли случаи совершения общественно опасного деяния в состоянии опьянения не распространяется действие ст. 11 УК или же только на случаи совершения преступлений в состоянии отдельных видов и степеней опьянения?

В нашей юридической и медицинской литературе, посвященных вопросу об опьянении, высказываются различные точки зрения по положениям, содержащимся в примечании к ст. 11 УК.

Одна часть психиатров и криминалистов утверждает, что примечание к ст. 11 УК распространяется на все виды и формы опьянения, в том числе и на патологическое. По их мнению, при решении вопроса о невменяемости следует исходить не из способности лица отдавать отчет в своих действиях или руководить ими во время совершения деяния в состоянии опьянения, а из того, могут ли быть достигнуты цели уголовной политики путем применения к таким лицам обычных мер уголовного наказания. При этом они считают, что как патологическое опьянение, так и обычное вызываются употреблением алкоголя. Поэтому патологическое опьянение не должно исключать применение уголовных наказаний за преступления, совершенные в связи с опьянением¹.

Другая часть считает необходимым вообще исключить из уголовных кодексов подобное примечание в уголовном законодательстве, или сформулировать его таким образом, чтобы общественно опасное деяние, совершенное в состоянии физиологического опьянения, было всегда наказуемо, а совершенное в состоянии патологического опьянения—всегда не наказуемо. Это, по их мнению, внесет наибольшую ясность в рассматриваемый вопрос и не будет наводить некоторых наших практических работников на неправильное предположение о том, что патологическое опьянение не может служить основанием для признания невменяемости².

¹ См. Я. И. Киров, Судебная ответственность при патологическом опьянении, Сборник «Вопросы судебнопсихиатрической экспертизы», Харьков, 1936, стр. 9 и след.

² См. М. Равич, Опьянение простое и опьянение патологическое, «Советская юстиция» 1938 г. № 2—3; В. П. Осипов, Алкоголизм и меры социалистической защиты, «Рабочий Суд» 1927 г. № 16; «Советская юстиция» 1940 г. № 5.

Нам представляется, что законодатель, предусмотрев особое примечание к статье о невменяемости, имел в виду именно все виды простого или физиологического опьянения.

Действительно, положение, выраженное в примечании к ст. 11 УК, нельзя распространять на случаи патологического опьянения, возникающего на почве острого отравления алкоголем и сопровождающегося резким болезненным изменением психики человека¹.

Ст. 11 УК в группе медицинских критериев невменяемости предусматривает: «Временное расстройство психической деятельности».

Патологическое опьянение как раз и представляет собой кратковременное расстройство нормального функционирования психических способностей человека, при котором он теряет способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Разница между тем или иным временным расстройством психической деятельности и патологическим опьянением состоит лишь в том, что последнее иного происхождения. Отсюда нет никакого смысла делать особую оговорку о распространении действия статьи о невменяемости на случаи патологического опьянения, поскольку такие случаи уже полностью охватываются содержанием медицинских и психологических критериев невменяемости, сформулированных в действующем уголовном законодательстве.

Если стать на точку зрения, что примечание к ст. 11 УК в равной степени охватывает случаи как патологического, так и физиологического опьянения, то это значит отказаться от дифференцированной оценки указанных видов опьянения, качественно отличающихся друг от друга. Мы полностью согласны с проф. А. Н. Бунеевым, который указывает, что в судебнопсихиатрической практике известны случаи, когда в результате употребления алкоголя возникают «исключительные состояния», качественно отличные от обычного опьянения, даже очень тяжелого. В таких случаях происходит патологическая ре-

¹ Это положение так же можно отнести к случаям временного расстройства психической деятельности в виде белой горячки и других алкогольных психозов, возникающих на почве хронического алкоголизма.

акция, возникающая в связи с опьянением, но в конечном счете, не имеющая прямой связи с данным опьянением. Поэтому нельзя отрицать принципиальную разницу между патологическим и физиологическим опьянением и ставить между ними знак равенства.

В противном случае человек, совершающий общественно опасное деяние в состоянии патологического опьянения, когда он действительно не может отдавать отчет в совершаемом или руководить своими поступками, должен нести уголовную ответственность так же, как и при совершении преступления в состоянии физиологического опьянения, когда он сохраняет способность понимать свои действия или управлять ими. Тем самым стирается грань между вменяемостью и невменяемостью в рассматриваемом вопросе¹.

Такого мнения придерживается большинство советских психиатров². Они считают, что патологическое опьянение—это особое, своеобразное и качественно отличное от простого опьянения состояние, которое наступает у человека крайне редко, причем независимо от количества принятого алкоголя. Оно может возникнуть даже под влиянием самой незначительной дозы алкоголя при стечении ряда ослабляющих центральную нервную систему моментов, как например: длительной бессоницы, психических травм, действия высоких температур, соматических заболеваний и др.

Патологическое опьянение является настоящим острым кратковременным психозом, сопровождающимся глубоким болезненным нарушением сознания, чрезвычайной возбудимостью, часто бурным, совершенно бессмысленным немотивированным агрессивным поведением.

¹ См. А. Н. Бунеев, Судебнопсихиатрическая экспертиза, ее практика и задачи, «Сборник статей», М., 1935, стр. 35 и след.

² См. «Судебная психиатрия», Госюриздат, 1954, стр. 256—262; там же, стр. 301; М. И. Затуловский, О патологическом опьянении и его диагностике в судебнопсихиатрической практике, Сборник «Вопросы судебнопсихиатрической экспертизы», М., 1955, стр. 104 и след.; К. Х. Короленок и Б. М. Хренов, О судебнопсихиатрической экспертизе патологического опьянения, Сборник научных трудов «Вопросы клинической психиатрии», Иркутск, 1948, стр. 72 и след.

Поступки человека, находящегося в состоянии патологического опьянения, объясняются болезненным искажением восприятия окружающей обстановки. Для патологического опьянения характерным является утрата реального контакта человека с внешним миром, отрыв от действительности. В результате этого человек не способен правильно ориентироваться в окружающей среде, вся внешняя обстановка теряет для него свое действительное значение и приобретает какой-то угрожающий и устрашающий характер. Поэтому действие человека в таком состоянии носит автоматический, чаще всего защитительный характер. Это действие не является обычной реакцией человека на явления окружающей действительности, а направлена против угрожающей опасности, мнимо существующей в его болезненном воображении. Ярким примером, иллюстрирующим это положение, может служить следующий случай из судебнопсихиатрической практики.

Н., работавший слесарем одного из московских заводов, 25 июня 1955 г. во время обеденного перерыва выпил 150 граммов водки и, вернувшись на работу в прессовый цех, увидел группу рабочих, которая шла ему навстречу по цеху. Заподозрив, что его хотят убить, он внезапно бросился бежать от своих мнимых противников, но сделать это ему не удалось, так как с другой стороны по цеху также шли рабочие, возвращавшиеся с обеденного перерыва. Тогда Н. поднялся по лестнице на площадку, где лежали различные металлические предметы, и стал их бросать в рабочих, стоявших у станков. В результате такого необычного поведения Н. рабочие вынуждены были прекратить работу и только с помощью милиции снять его с площадки.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что Н. совершил деяние в состоянии патологического опьянения и признала его невменяемым¹.

Приведенный пример говорит о том, что при патологическом опьянении происходит болезненное расстройство сознания, лишаящее человека способности нормально воспринимать реальную действительность, в результате чего он не в состоянии осознавать своего поведения и руководить им.

¹ См. архив Московского городского суда, дело У-8024.

Вот почему патологическое опьянение, обычно не повторяющееся у одного и того же человека и, как правило, не сопровождающееся в повторных случаях криминальными поступками, исключает признание вменяемости.

По-другому должен быть решен вопрос о вменяемости человека, совершившего преступление в состоянии простого или физиологического опьянения. В состоянии физиологического опьянения, в отличие от патологического, у человека сохраняется относительно нормальный контакт с внешним миром. При этом человек в достаточной мере улавливает изменения, происходящие в окружающей среде, и соответствующим образом реагирует на это, изменяя свое поведение.

При физиологическом опьянении, как правильно указывается в нашей медицинской литературе, происходит лишь некоторое временное нарушение процессов высшей нервной деятельности. Однако это нарушение нельзя приравнивать к психическому заболеванию.

Опыт клинического наблюдения показывает, что состояние физиологического опьянения никогда не сопровождается симптомами, свойственными психическим заболеваниям, в том числе и алкогольным психозам. Пьяный человек, например, не страдает галлюцинаторно-бредовыми переживаниями. У него не наблюдаются явления автоматизма, немотивированного психомоторного возбуждения, страха и т. д.

В связи с этим в состоянии физиологического опьянения не искажается существенным образом правильное восприятие окружающей обстановки. Поэтому состояние физиологического опьянения нельзя отождествлять с болезненным психическим состоянием—психозом в виде патологического опьянения. Признание физиологического опьянения болезненным состоянием противоречит закону и данным медицинской науки. Оно ведет к узкобиологическому подходу в оценке состояния опьянения, что чрезмерно расширяет границы психических болезней. Между тем никакого разрыва или противоречия между правовой и медицинской оценкой физиологического опьянения нет и быть не может. Примечание к ст. 11 УК вполне соответствует нравственным воззрениям социалистического общества и вместе с тем отвечает правильному кли-

ническому подходу к состоянию простого или физиологического опьянения¹.

По этим соображениям нельзя признать правильной точку зрения проф. И. Ф. Случевского, считающего, что в состоянии более или менее глубокого опьянения имеются признаки медицинского и психологического критериев невменяемости. Именно поэтому, по его мнению, законодательство дает примечание к ст. 11 УК, хорошо понимая, что здесь налицо оба критерия невменяемости, но отвечает человек за свои преступные действия потому, что сознательно приводит себя в состояние опьянения².

На аналогичных позициях стоят проф. М. Д. Шаргородский³ и доц. Н. С. Лейкина⁴. Последняя, в частности, не соглашаясь с мнением представителей специальной и сложнейшей отрасли медицинской науки—судебной психиатрии, проф. А. Н. Бунеевым и И. Н. Введенским, утверждает, что обычное опьянение может вызвать такие патологические изменения психики, вследствие которых человек лишается способности осознавать свои поступки и контролировать свое поведение.

Согласно приведенным точкам зрения создается особое понятие невменяемости, связанное с физиологическим опьянением. Эта невменяемость, возникающая в результате физиологического опьянения, является состоянием, в которое человек приводит себя сознательно и по своей воле, а поэтому не должна приниматься во внимание при решении вопроса о его ответственности за общественно опасные действия.

¹ См. «Судебная психиатрия», Госюриздат, 1954, стр. 258—259; А. Н. Бунеев, О судебнопсихиатрической экспертизе состояния опьянения, «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», т. 55, 1955, вып. I, стр. 54—55; его же Задачи судебной психиатрии, Сборник «Вопросы судебнопсихиатрической экспертизы», М., 1955, стр. 11; там же. Доклад и заключительное слово на расширенном пленуме ученого совета ЦНИИ судебной психиатрии имени проф. Сербского 26 мая 1954 г., стр. 132—142.

² См. И. Ф. Случевский, Спорные вопросы судебнопсихиатрической экспертизы, «Социалистическая законность» 1955 г. № 5, стр. 40.

³ См. «Советская Юстиция» 1940 г. № 5, стр. 10 и след.

⁴ См. Н. С. Лейкина, Тезисы доклада на теоретической конференции по вопросам борьбы с общественно опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых. Влияние опьянения на уголовную ответственность, Издательство Ленинградского университета, 1956, стр. 21—25.

Нам представляется, что было бы неправильно говорить о каком-то особом состоянии невменяемости при обычном физиологическом, хотя и очень глубоком опьянении. Выше уже указывалось на то, что при опьянении происходит нарушение психической деятельности человека, однако такое нарушение не может быть признано психическим заболеванием.

При физиологическом опьянении, даже очень глубоком, как правильно утверждает ряд авторов в советской юридической литературе, отсутствует один из необходимых признаков невменяемости—психическое заболевание, т. е. медицинский критерий. Лишь при наличии этого критерия человек, не отдающий отчета в своих действиях или не могущий руководить ими, должен признаваться невменяемым, и, следовательно, освобождаться от уголовной ответственности за содеянное¹. Поэтому нельзя согласиться с некоторыми психиатрами, усматривающими наличие медицинских критериев невменяемости при физиологическом опьянении. На самом деле это совсем не те критерии, которые имеет в виду ст. 11 УК.

Медицинские критерии подразумевают различные виды психических болезней в буквальном смысле этого слова, к каковому состоянию физиологического опьянения не относится.

Несомненно, физиологическое опьянение иногда может вызвать весьма тяжелое нарушение психической деятельности, в результате которого в значительной степени снижается способность человека осознавать свои поступки и руководить ими. Однако в этих случаях не возникает особого состояния человека, именуемого невменяемостью, которая мыслима только при наличии медицинских критериев, отвечающих требованиям психологических критериев.

Состояние глубокой степени физиологического опьянения, когда человек в значительной мере теряет самоконтроль над своими действиями, не исключая вмменяемости, вместе с тем иногда может служить условием, при котором вина человека, совершившего общественно опасное деяние в таком состоянии, исключается. Правда, к решению вопроса о непризнании человека виновным в

¹ См. Г. А. Мендельсон и Ю. М. Ткачевский, Алкоголизм и преступность, Госюриздат, 1956, стр. 57 и сл.; См. также «Социалистическая законность» 1955 г. № 8, стр. 26.

совершении общественно опасного деяния, когда он вследствие опьянения почти утратил способность осознать свое поведение или руководить им, следует подходить весьма осторожно.

Возможность совершения преступлений в состоянии такой степени опьянения, когда человек почти не способен управлять своими действиями и осознавать свое поведение, весьма ограничена. Поэтому здесь должен быть индивидуальный подход к каждому конкретному случаю. Например, сопротивление представителям власти при попытке последних задержать пьяного человека, почти не способного ориентироваться в сложившейся ситуации и осознавать свое поведение, может в отдельных случаях в виде исключения рассматриваться, как невиновное учинение данного деяния. Или, например, виновность человека может быть исключена в тех случаях физиологического опьянения, когда последнее явилось причиной ошибки, свидетельствующей об отсутствии умысла при совершении деяния.

И. обвинялся в том, что он, будучи в нетрезвом состоянии, совершил кражу зимнего пальто из гардероба совхозной столовой, но вскоре был задержан органами милиции. Как установлено впоследствии, И. снял чужое пальто с вешалки вместо своего по ошибке в момент, когда он был в состоянии сильного опьянения, вследствие чего он почти не был способен осознавать совершаемое. На отсутствие в действиях И. умысла на кражу чужого пальто указывало, в частности, оставление им на вешалке своего значительно лучшего пальто. При наличии таких обстоятельств дела Судебная коллегия по уголовным делам Мособлсуда определением от 9 апреля 1955 г. отменила приговор народного суда, которым И. был осужден по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», и прекратила дело производством за отсутствием в его действиях состава преступления¹.

В других случаях, например, при совершении хулиганских действий или телесных повреждений, состояние физиологического опьянения какой бы оно степени ни

¹ См. Архив Московского областного суда, 1955.

было, как правило, вовсе не исключает виновности. Все зависит от конкретных обстоятельств дела¹.

Физиологическое опьянение не может повлечь признание человека невменяемым не только потому, что при этом виде опьянения не происходит качественного изменения психики, но и в силу других присущих ему особенностей. Дело в том, что состояние физиологического опьянения в отличие от психических болезней в буквальном смысле слова вызывается сознательным приемом алкоголя людьми, представляющими характер его действия на организм и знающими, к каким последствиям это может привести. Человек, потребляющий алкоголь и впадающий в состояние физиологического опьянения, как правило, хорошо сознает, что его поведение в этом состоянии зависит не только от самого факта потребления спиртных напитков, но и в значительной степени от их количества. Понятно поэтому, что Советское государство не может одинаково относиться к психически больным гражданам, совершающим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, и к гражданам, учиняющим преступления в состоянии физиологического опьянения, в которое они приводят себя по своей воле.

В социалистическом обществе не может быть допустимо никаких привилегий или скидок лицам, совершившим преступления, только на том основании, что они действовали в состоянии физиологического опьянения. Признание человека, находящегося в момент совершения общественно опасного деяния в состоянии физиологического опьянения, невменяемым и на этой основе освобождение его от уголовной ответственности за содеянное служили бы лишь стимулом для злоупотребления спиртными напитками со стороны неустойчивых элементов.

Алкоголизм, пьянство, как социальное явление—это детище капитализма. Поэтому задача состоит в том, чтобы изжить до конца это наследие прошлого и не проявлять к нему никакого снисхождения. Этой задаче служит, в частности, примечание к ст. 11 УК, которое исключает признание невменяемым человека, совершившего общественно опасное деяние в состоянии физиологического опьянения.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1946 г.», вып. VIII, стр. 14—16.

Введением к статьям о невменяемости в уголовные кодексы большинства союзных республик особого примечания законодатель как бы подчеркивает всю важность борьбы с преступлениями, возникающими нередко на почве алкоголизма.

Под действие этих примечаний подпадают все случаи физиологического опьянения: слабое, в сильной степени, по собственной воле, по принуждению¹, преднамеренное опьянение.

Признание всех видов и форм простого опьянения обстоятельством, не устраняющим уголовную ответственность за совершение преступления, имеет большое общепредупредительное и воспитательное значение. Оно способствует решительной борьбе Советского государства с пьянством вообще и с совершением на этой почве преступлений, в частности.

Пленум Верховного Суда СССР, исправляя ошибки, допускаемые отдельными судебными инстанциями, указывал на то значение, которое имеет примечание к ст. 11 УК при оценке состояния простого или физиологического опьянения.

Так, прекращение дела Ш., осужденного судом по ч. 2 ст. 74 УК, Верховный Суд СССР в своем определении мотивировал тем, что он во время совершения преступления находился в бессознательном состоянии вследствие опьянения и был поэтому невменяем. Отменив данное определение Верховного Суда как неправильное и находящееся в противоречии с законом, Пленум в своем постановлении от 15 июня 1939 г. указал: «... Согласно примечанию к статье 11 УК РСФСР совершение преступления в состоянии опьянения при недоказанности, что совершивший

¹ При решении вопроса об ответственности за деяния, совершенные в состоянии опьянения, наступившего в результате принуждения, необходимо иметь в виду, что в некоторых случаях не исключается возможность освобождения человека от уголовной ответственности в силу отсутствия вины в его действиях. Например, в судебной практике был случай, когда одного гражданина, ранее никогда не употреблявшего спиртные напитки, насильственно напоила группа товарищей, в результате чего он впал в состояние сильной степени опьянения и в связи с этим учинил хулиганские действия. Естественно, такого рода исключительные случаи могут служить основанием для освобождения от уголовной ответственности за содеянное.

преступление находился в неменяемом состоянии, само по себе не освобождает лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности. . . Освобождение Ш. от уголовной ответственности могло иметь место лишь в том случае, если бы по делу было установлено, что он находился в неменяемом состоянии. Железнодорожная коллегия, утверждая, что Ш. находился в таком состоянии без заключения по этому поводу экспертизы, нарушила примечание 1 к ст. 63 УПК РСФСР, согласно которому при возникновении у суда сомнения по поводу психического состояния подсудимого вызов эксперта является обязательным»¹.

Состояние физиологического опьянения в целом ряде случаев может и по существу должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство.

Рабочий депо одного из заводов тяжелого машиностроения Б., напившись 23 апреля 1955 г. пьяным в рабочее время, нанес топором тяжкие телесные повреждения рабочему П., сбил с ног пытавшегося его задержать мастера Р., нанес последнему несколько ударов топором по голове, причинил тяжкие телесные повреждения рабочему Ю. После этого Б. ворвался в кабинет начальника депо, изрубил топором дверь, столы и другую мебель. При задержании работниками милиции оказал им упорное сопротивление.

За все эти преступления Б. был осужден народным судом к длительному лишению свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Мособлсуда оставила приговор в силе, указав при этом, что состояние физиологического опьянения, в котором находился Б., в данных конкретных условиях является отягчающим обстоятельством, характеризующим повышенную общественную опасность преступника и совершенного им преступления².

Состояние физиологического опьянения как отягчающее обстоятельство особенно важно учитывать по делам о преступлениях, связанных с тяжелыми авариями на транспорте, сопровождающимися человеческими жертвами.

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (за второе полугодие 1939 года)», Юриздат, 1941, стр. 17.

² См. Архив Московского областного Суда, 1955.

Т., работая шофером грузовой автомашины, вместо того, чтобы согласно полученному приказу ехать в город за грузом, самовольно уехал в деревню на проводы в армию своего брата, где принял участие в пьянке. После этого он, будучи в нетрезвом состоянии, посадил в кузов автомашины более 20 человек пассажиров. Т., ведя автомашину с недозволенной скоростью, столкнулся со следовавшим ему навстречу тракторным прицепом. В результате этого столкновения 6 человек были убиты и многие получили тяжкие телесные повреждения. Областной суд справедливо осудил Т. за это по ч. 2 ст. 59^{3в} УК к 25 годам лишения свободы. Верховный Суд РСФСР, признав состояние опьянения, в котором находился Т. во время аварии, в данном конкретном случае отягчающим обстоятельством, приговор областного суда оставил в силе¹.

Физиологическое опьянение может быть признано смягчающим обстоятельством в исключительных случаях и лишь тогда, когда будет установлено, что вследствие опьянения человек, совершивший преступление, действительно не мог ориентироваться в окружающей обстановке и сознавать свое поведение.

В каких именно случаях допустимо признание состояния опьянения смягчающим обстоятельством, заранее предопределить невозможно. Решение этого вопроса всегда зависит от конкретных условий индивидуального случая.

Все изложенное о значении состояния опьянения при установлении уголовной ответственности в основном может быть отнесено и ко всем другим видам наркотического отравления организма человека, как, например: опиум, гашишом, морфием и др. На почве злоупотребления этими наркотиками также возможно учинение различных общественно опасных деяний.

Уголовные кодексы союзных республик вопрос об оценке физиологического опьянения и его влиянии на ответственность разрешает так же, как и ст. 11 УК. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР не содержит какого-либо постановления относительно опьянения, предоставляя тем самым суду право решать вопрос об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, в соответствии с общим смыслом понятия невменяемости, определение которого дано в законе. Уголовный ко-

¹ См. Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 1-14-244.

декс УССР, в отличие от большинства уголовных кодексов других союзных республик, несколько иначе формулирует постановление об опьянении.

В примечании к ст. 10 УК УССР говорится: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются к лицам, которые для совершения общественно опасного деяния привели себя в состояние опьянения, при котором они временно не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими».

В такой формулировке примечание к ст. 10 УК УССР вызывает разноречивые толкования в нашей литературе. С одной стороны, человек, не способный отдавать отчет в своих действиях или руководить ими в состоянии опьянения, но не приведший себя заранее в это состояние с целью совершения преступления, как это вытекает из смысла закона, может быть признан невменяемым и не подлежать ответственности. С другой стороны, тот же самый человек, приведший себя в состояние опьянения заранее с целью совершения преступления и временно не способный отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, не может быть признан невменяемым и подлежит уголовной ответственности за содеянное на общих основаниях.

Получается так, что в обоих случаях человек в момент совершения общественно опасного деяния не способен отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, но в одном случае почему-то он не подлежит ответственности, в другом—подлежит. В действительности, как в одном, так и в другом случаях нет никакой принципиальной разницы. Если признавать состоянием невменяемости не преднамеренное опьянение, при котором человек временно не отдает отчет в своих действиях или не может руководить ими, то в равной степени понятием невменяемости охватывается и состояние преднамеренного опьянения, ибо и здесь человек также временно не способен осознавать свои действия и управлять ими. Кроме того, если человек сознательно со специальной целью приводит себя в состояние опьянения, то он делает это не для совершения преступления вообще, а для совершения определенного задуманного им преступления. Тогда возникает вопрос, каким же образом человек, не способный отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, все же совершает именно то, что было им задумано еще в трезвом состоя-

нии? На самом деле, если человек совершит именно то, что было им задумано заранее в трезвом состоянии, значит в момент учинения деяния он отдает отчет в совершаемом, правильно ориентируется в окружающей среде и может управлять своими действиями, хотя психическая деятельность иногда от употребления алкоголя и значительно ослабляется.

Только умышленное преступление в форме бездействия может быть совершено в состоянии тяжелой, глубокой формы опьянения. Например, сторож склада, войдя в преступный сговор с грабителями, заранее умышленно приводит себя в состояние сильного опьянения и тем самым облегчает совершение задуманного ограбления. Следовательно, из смысла примечания к ст. 10 УК УССР можно ошибочно сделать вывод о том, что человек, случайно совершивший преступление в состоянии опьянения или не то преступление, которое было задумано им в трезвом состоянии, не должен нести ответственности за свое общественно опасное поведение. Между тем в жизни чаще всего бывает так, что человек совершает преступление в состоянии опьянения, заранее не имея такой цели.

Если в этом случае состояние опьянения признать обстоятельством, исключаящим вину, то это только способствовало бы выработке у отдельных людей сознания ненаказуемости и безответственности за свои общественно опасные действия.

В примечании к ст. 10 УК УССР речь идет об особом состоянии, возникающем при глубокой степени опьянения, в результате которого человек становится почти неспособным осознавать свои действия и руководить ими. Именно в этом, по нашему мнению, состоит мысль законодателя, выраженная в примечании. Вводя особое примечание к статье о невменяемости, законодатель имел в виду подчеркнуть тем самым, что при совершении преступления в состоянии опьянения не может быть и речи о невменяемости, даже если человек в момент учинения деяния не мог отдавать отчет в своем поведении руководить им.

В примечании особо подчеркивается повышенная общественная опасность случаев совершения преступления в состоянии преднамеренного опьянения и, следовательно, безусловность признания ответственными в уголовном порядке лиц, которые специально привели себя в состояние опьянения для совершения преступления.

Таким образом, по мысли законодателя, с нашей точки зрения, примечание к ст. 10 УК УССР в равной мере охватывает случаи совершения преступлений как в состоянии преднамеренного, так и в состоянии не преднамеренного опьянения, независимо от того, отдавал ли человек при этом отчет в своих действиях или не отдавал.

Состояние физиологического опьянения, по Уголовному кодексу УССР, не влечет за собой признания невменяемости и не исключает уголовной ответственности за содеянное в этом состоянии. Именно из этого исходит и судебная практика Украинской ССР, признавая состояние опьянения обстоятельством, исключающим вменяемость только в тех случаях, когда оно возникло на патологической почве и является действительно болезненным расстройством психической деятельности человека. Эту правильную практику судебно-прокурорских органов Украинской ССР поддерживает Верховный Суд СССР¹.

В системе законодательства представляется целесообразным вместо особого примечания к статье о невменяемости выделить вопрос о влиянии опьянения на уголовную ответственность в самостоятельную статью, дав ее в следующей редакции:

«Приведение себя в состояние опьянения, вызванное употреблением алкоголя, или в состояние, вызванное употреблением других наркотических средств, не освобождает от уголовной ответственности за совершенное в таком состоянии преступление».

Это означало бы, что постановление, относящееся к оценке состояния опьянения, в одинаковой степени относится и к оценке состояний, вызванных употреблением наркотических ядов вообще. Кроме того, выделение вопроса об опьянении в самостоятельную статью имеет то преимущество перед особым примечанием к статье о невменяемости, что оно указывало бы на безусловную ответственность лиц за совершение преступления в состоянии простого или физиологического опьянения и не вызвало бы различных толкований в этом важном, с точки зрения советского уголовного права, вопросе.

В связи с вышерассмотренными положениями возникает ряд вопросов, по которым существуют разноречивые,

¹ См., например, «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 11—13.

порой совершенно противоположные мнения в теории и практике судебнопсихиатрической экспертизы. Естественно, такое положение иногда может повлечь за собой производство судебнопсихиатрической экспертизы не в соответствии с требованием закона и тем самым внести путаницу в деятельность судебно-прокурорских органов. Поэтому правильное теоретическое освещение многих спорных вопросов, связанных с проведением судебнопсихиатрической экспертизы, практически важно для отправления правосудия по уголовным делам.

В настоящей работе нет необходимости специально останавливаться на всех спорных вопросах организации и проведения судебнопсихиатрической экспертизы. Мы остановимся лишь на тех из них, которые непосредственно относятся к проблеме невменяемости.

Одним из основных спорных вопросов судебнопсихиатрической экспертизы является вопрос о том, должен ли эксперт в заключении делать вывод о вменяемости или невменяемости человека, психическое состояние которого вызывает сомнение у судебно-прокурорских органов, или же он обязан ограничиться только указанием на наличие или отсутствие у него психического заболевания определенного вида и тяжести?

Часть советских психиатров и криминалистов за последние годы в своих устных выступлениях и частично в печати высказывают мысль о том, что эксперты-психиатры не должны давать прямого ответа о вменяемости или невменяемости, так как в этом случае они якобы вмешиваются в прерогативы суда. Сторонники этого взгляда исходят из того положения, что проблема вменяемости и невменяемости есть чисто юридическая проблема, поэтому решение вопроса о признании состояния вменяемости или невменяемости человека, по их мнению, всецело должно принадлежать суду. Эксперт-психиатр обязан лишь давать заключение о наличии или отсутствии психической болезни. При этом одни полагают, что эксперты в своем заключении должны ограничиваться только констатацией наличия или отсутствия психического заболевания определенного вида и тяжести, не делая при этом никаких выводов ни о вменяемости, ни о невменяемости, как и вообще о способности человека отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Другие считают, что эксперты в своем заключении, помимо суждения о на-

личии или отсутствии психического заболевания, обязаны дать вывод и о способности или неспособности человека отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, однако, не употребляя термины «вменяемость» или «невменяемость». Короче говоря, указанный спор сводится к вопросу, должен или не должен эксперт при проведении судебнопсихиатрической экспертизы высказывать свое суждение по психологическим критериям невменяемости?

В нашей литературе справедливо отмечается, что нельзя формально подходить к расчленению критериев невменяемости и утверждать о недопустимости высказывания экспертов по психологическим критериям¹.

Если стать на точку зрения, что в компетенцию психиатров-экспертов должно входить только высказывание по медицинским критериям, а выводы по психологическим критериям считать выходящими за пределы их компетенции, то это значит по существу признать существование двух родов невменяемости—медицинской и юридической. Между тем в природе не существует двух понятий невменяемости. Оно является единым правовым понятием хотя и связано теснейшим образом с медицинской наукой. Психологические критерии невменяемости фиксируют основное свойство психических заболеваний, их влияние на способность человека сознавать свои действия или руководить ими. Из этого вытекает, что в данном вопросе противопоставлять медицинскую точку зрения юридической нельзя.

Разграничение компетенции суда и эксперта в решении вопроса о вменяемости или невменяемости человека должно проводиться не по линии искусственного расчленения медицинских и психологических критериев. По мнению большинства судебных психиатров и криминалистов, эксперт-психиатр обязан высказывать свое суждение одновременно и по медицинским, и по психологическим критериям, т. е. давать прямой ответ о вменяемости или невменяемости человека, совершившего общественно опасное деяние². Суд же, по прямому указанию закона, дол-

¹ См. И. Ф. Случевский, Спорные вопросы судебнопсихиатрической экспертизы, «Социалистическая законность» 1955 г. № 5, стр. 38; А. Н. Бунеев, Понятие невменяемости и практика судебнопсихиатрической экспертизы, «Социалистическая законность» 1954 г. № 10, стр. 21—23 и др.

² См. Сборник «Вопросы судебнопсихиатрической экспертизы», М., 1955, стр. 132 и след.

жен окончательно решать этот вопрос на основе сопоставления данных экспертизы со всеми обстоятельствами конкретного дела.

В уголовном и уголовно-процессуальном кодексах нет прямого указания об обязанности экспертов-психиатров в своих заключениях делать выводы о вменяемости или невменяемости того или иного лица. Однако судебнопсихиатрическая практика прочно стоит на той позиции, что эксперты должны давать заключение о вменяемости или невменяемости обвиняемого, психическое состояние которого вызывает сомнение у судебно-прокурорских органов. Эта практика проведения судебнопсихиатрической экспертизы основана на прямом предписании ранее действующей Инструкции о производстве судебнопсихиатрической экспертизы в СССР от 17 февраля 1940 г., а в настоящее время действующей Инструкцией от 31 мая 1954 г.

Поэтому постановка судебно-прокурорскими органами перед экспертами-психиатрами вопросов, требующих четкого определения состояния вменяемости или невменяемости человека, направленного на экспертизу, является, на наш взгляд, правомерной.

Непризнание за экспертами-психиатрами права и обязанности давать свое заключение о вменяемости или невменяемости человека означает не что иное, как отказ от судебнопсихиатрической экспертизы вообще. Заключение экспертов, ограничивающихся лишь констатацией факта психического заболевания человека, направленного на экспертизу, но не делающих выводов о его вменяемости или невменяемости, не может отвечать задачам, стоящим перед экспертизой.

Д. Р. Лунц правильно указывает, что само содержание критериев невменяемости определяет задачу эксперта-психиатра. Известно, что медицинские и психологические критерии не отделимы друг от друга, и они должны исследоваться в их единстве. Психологические критерии отражают тяжесть и глубину поражения психических способностей человека при его психических заболеваниях, клиническую форму которых и представляют медицинские критерии. В соответствии с этим можно сказать, что в задачу экспертов-психиатров прямо входит необходимость указывать в своем заключении на вменяемость или невменяемость. Всякая попытка ограничить задачу эк-

спертов только фиксированием наличия того или иного психического заболевания, даже с его детальным описанием в акте судебнопсихиатрической экспертизы, противоречит правильному пониманию сущности вменяемости или невменяемости¹.

Предложение о том, чтобы эксперты-психиатры при даче заключения, не употребляя термин «вменяемый» или «невменяемый», в то же время высказывали свое суждение обязательно и по медицинским, и по психологическим критериям, не представляет какой-либо ценности. Такой порядок заключения экспертизы не имеет никаких преимуществ над актом, в котором эксперты прямо дают свои выводы о вменяемости или невменяемости лица, подвергнутого экспертизе. В самом деле, изменит ли что-либо по существу в ныне установившейся практике порядок, при котором эксперты в своих заключениях будут указывать только на способность или неспособность человека отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, но не употреблять при этом терминов «вменяем» или «невменяем». Конечно, нет.

Будут ли эксперты давать прямой ответ о вменяемости или невменяемости или высказывать то же самое только в формулировке психологических критериев, приведенной в ст. 11 УК, окончательно решать этот вопрос будет суд. Поэтому, как нам представляется, спор о том, должны или не должны эксперты употреблять термины «вменяемость» или «невменяемость», лишен какой-либо целесообразности.

В теории и практике судебнопсихиатрической экспертизы часто спорят и по вопросу, должны ли эксперты в своих заключениях давать выводы о вменяемости или невменяемости человека только в момент совершения им общественно опасного деяния или эти выводы должны быть даны и о психическом состоянии, в котором находился человек в момент проведения экспертизы.

В течение многих лет господствовала установка о том, что эксперты-психиатры в своем заключении должны были высказывать мнение о вменяемости или невменяемости человека как в момент учинения им общественно опасного деяния, так и во время нахождения его на экспертизе.

¹ См. Д. Р. Лунц, Проблема невменяемости в практике судебнопсихиатрической экспертизы, Сборник «Вопросы судебнопсихиатрической экспертизы», М., 1955, стр. 15 и след.

Судебно-прокурорские органы, как правило, так же требовали от экспертов ответа на два вопроса: был ли вменяем или невменяемым обвиняемый в момент совершения общественно опасного деяния и является ли он таковым «в настоящее время», т. е. в момент экспертизы?

Постановка вопросов перед экспертами в таком виде не являлась случайной. Она прямо вытекала из требования инструкции «О производстве судебнопсихиатрической экспертизы в СССР» от 17 февраля 1940 г., согласно которой перед экспертами, наряду с задачей определения вменяемости или невменяемости испытуемого в момент совершения деяния, ставилась и задача определить это состояние в «настоящее время», т. е. в момент исследования. Сознвая неправильность постановки вопроса о вменяемости в момент экспертизы, ЦНИИ судебной психиатрии им. Сербского в конце 1952 года дал инструктивно-методическое указание о том, чтобы эксперты в заключениях не давали своих выводов о вменяемости или невменяемости испытуемого в момент проведения экспертизы. Эта методическая рекомендация требовала четкого разграничения состояния невменяемости, охватываемого ч. 1 ст. 11 УК от болезненного состояния, предусмотренного ч. 2 ст. 11 УК.

По мнению некоторых психиатров указанная методическая рекомендация Института им. Сербского вызвала большую путаницу в работе экспертов и чрезвычайно затруднила работу судебно-прокурорских работников. В частности, проф. И. Ф. Случевский высказывался за то, чтобы в заключениях экспертов давались выводы о вменяемости или невменяемости испытуемого как в момент совершения им общественно опасного деяния, так и в момент производства экспертизы¹.

Позднее он несколько изменил свою точку зрения, считая, что эксперт не должен высказываться о вменяемости или невменяемости испытуемого в момент производства экспертизы, а обязан лишь указывать на его способность в этот момент осознавать свои действия или руководить ими².

¹ См. И. Ф. Случевский, Спорные вопросы судебнопсихиатрической экспертизы, «Социалистическая законность» 1955 г. № 5, стр. 39.

² См. И. Ф. Случевский, О понятии невменяемости и спорных вопросах, с этим понятием связанных. Тезисы доклада

Большинство советских психиатров и криминалистов правильно, по нашему мнению, считают, что сама постановка вопроса о вменяемости в «настоящее время», т. е. в момент экспертизы, является неправильной.

Такая постановка вопроса основана на смешении совершенно различных понятий. О вменяемости или невменяемости человека может идти речь только в момент совершения им общественно опасного деяния. Психическое заболевание, наступившее после совершения преступления, никакого отношения к вопросу о вменяемости или невменяемости не имеет. В этом случае можно говорить только об особом положении обвиняемого, при котором он вследствие психического заболевания, возникшего после совершения преступления, лишается возможности осознавать значение инкриминируемого ему преступления, правильно воспринимать следствие или судебное разбирательство и в конечном счете понимать приговор и роль наказания. Поэтому нельзя пользоваться одним и тем же наименованием—вменяемость или невменяемость—для обозначения двух совершенно различных состояний, влекущих за собой различные правовые последствия для человека, страдавшего психическим расстройством в момент учинения общественно опасного деяния и заболевшего уже после совершения преступления.

В самом деле, если будет установлено, что человек, совершивший общественно опасное деяние, в момент учинения последнего находился в невменяемом состоянии, то он не может нести уголовной ответственности за свои действия независимо от того, в каком состоянии будет его психика в дальнейшем.

Другое дело, когда человек заболевает психической болезнью после совершения преступления, лишь к моменту вынесения приговора, т. е. во время предварительного следствия или судебного процесса.

В этом случае ранее совершенное им общественно опасное деяние должно рассматриваться как преступление, поскольку оно было совершено, когда данный человек отдавал отчет в своих действиях или мог руководить ими. Поэтому он должен признаваться субъектом пре-

на теоретической конференции по вопросам борьбы с общественно опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых, Издательство Ленинградского университета, 1956, стр. 20.

ступления и при доказанности его вины в совершении деяния подлежат наказанию в уголовном порядке.

Однако он не может быть подвергнут наказанию лишь потому, что в этом случае применение наказания не достигнет своего назначения и цели, о которых со всей четкостью указывается в ст. 9 УК.

Часть 2 ст. 11 УК говорит лишь о неприменении наказаний в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели психической болезнью. Закон в данном случае не имеет в виду критерии невменяемости, предусмотренные в ч. 1 ст. 11 УК, а ограничивается только общим указанием на психическое заболевание, наступившее уже после совершения преступления. Следовательно, во 2 ч. ст. 11 УК не говорится о невменяемости, понятие которой предполагает единство медицинских и психологических критериев.

Наличие в одной статье двух по существу не связанных частей мешает четкому и ясному пониманию вопросов невменяемости. Первая часть имеет в виду состояние невменяемости в момент совершения общественно опасного деяния, когда человек, страдающий психическим расстройством, был лишен способности правильно ориентироваться в окружающей среде и руководить своими поступками. В этом случае психически больной, признанный судом невменяемым, не подлежит уголовной ответственности независимо от дальнейшего состояния его психики.

В ч. 2 ст. 11 УК речь идет не о способности человека отдавать отчет в совершаемом или управлять своим поведением в момент совершения деяния, а о неспособности в силу психического заболевания во время судебного процесса разумно понимать значение выносимого приговора и назначаемого по нему наказания.

Такое построение ст. 11 УК, как правильно отмечает проф. А. М. Халецкий¹, до некоторой степени может вызвать неправильное толкование вопроса о невменяемости и в практическом отношении привести к тому, что чело-

¹ См. А. М. Халецкий, Вопросы вменяемости в советском законодательстве, «Социалистическая законность» 1939 г. № 7, стр. 30; его же, Трактровка понятия невменяемости, «Социалистическая законность» 1952 г. № 8, стр. 29 и след.

век, заболевший психической болезнью после совершения общественно опасного деяния, будет признан невменяемым по отношению инкриминируемого преступления. А это значит, что лицо, совершившее преступление во вменяемом состоянии, но к моменту вынесения приговора заболевшее психической болезнью, может ошибочно оказаться в таком же правовом положении, что и человек, совершивший общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, когда всякая ответственность за содеянное исключается.

Поэтому вопросы, предусмотренные ч. 2 ст. 11 УК, целесообразнее было бы выделить в отдельную статью, чтобы они рассматривались вне тех задач, которые имеет в виду часть первая той же статьи.

По смыслу ч. 2 ст. 11 УК неприменение наказания к лицам, заболевшим после совершения общественно опасного деяния, не освобождает их от уголовной ответственности навсегда.

Это вытекает также из смысла ч. 2 ст. 322 УПК, в которой указывается, что суд, в случае заболевания человека психической болезнью после совершения приписываемого ему деяния, выносит определение о приостановлении дела впредь до выздоровления подсудимого или о прекращении дела производством, если болезнь будет признана «неизлечимой».

Таким образом, из этого можно сделать вывод, что при доказанности вины подсудимого, совершившего преступление при наличии здорового рассудка, а затем заболевшего к моменту вынесения приговора временным расстройством психической деятельности и впоследствии выздоровевшего, расследование или производство по делу должно быть возобновлено, и подсудимый подлежит наказанию на общих основаниях.

В случае же заболевания подсудимого хронической психической болезнью в процессе судебного следствия, до вынесения приговора, вопрос о применении к нему наказания отпадает полностью и возникает вопрос о назначении мер медицинского характера, несмотря на доказанность вины в совершении деяния.

Действующее материальное уголовное законодательство не предусматривает, за исключением ч. 2 ст. 16 УК Узбекской ССР, случаев, когда человек во время совершения преступления и суда над ним был психически здо-

ров, но во время приведения обвинительного приговора в исполнение заболел хронической психической болезнью.

В этом случае, как и в предыдущем, речь должна идти также не о невменяемости, а о таком болезненном состоянии психики, при котором исключается возможность приспособления человека к условиям режима места отбывания назначенного судом наказания.

При этом необходимо иметь в виду два варианта. Если осужденный заболевает временным расстройством психической деятельности, он может быть направлен на лечение, а по выздоровлении отбывать наказание в обычном порядке. В случае заболевания хронической психической болезнью после вынесения приговора суд, вынесший приговор, согласно ст. 457 УПК должен решить вопрос о переводе такого больного в специальную психиатрическую больницу или об его освобождении. Если по каким-либо причинам суд, вынесший приговор, не может решить этот вопрос, последний рассматривается судом по месту отбывания наказания.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что при проведении судебно-психиатрической экспертизы судебно-прокурорские органы не должны ставить перед экспертами вопроса об определении состояния невменяемости в «настоящее время», т. е. в момент экспертизы, а эксперты в свою очередь должны высказывать свое суждение лишь в отношении состояния невменяемости в момент совершения общественно опасного деяния. Иное решение вопроса, как нам представляется, противоречило бы действующему законодательству, которое четко разграничивает состояние невменяемости в момент учинения общественно опасного деяния (ч. 1 ст. 11 УК), психическое расстройство, наступившее после совершения преступления в момент расследования (ст. ст. 202 и 203 УПК) или во время рассмотрения дела в суде (ст. 322 УПК), и, наконец, психическое заболевание во время исполнения приговора (ст. 16 УК Узбекской ССР).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТА ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В советском уголовном праве вопросу о возрасте, как об определенном психо-физическом свойстве человека, придается исключительно большое значение. Объясняется это тем, что возраст наряду с вменяемостью является тем основным обстоятельством, обязательное установление которого в каждом конкретном случае необходимо для признания человека, совершившего общественно опасное деяние, субъектом преступления.

Субъектом преступления и ответственным в уголовном порядке за совершение общественно опасного деяния может быть признан лишь человек, достигший определенного возраста.

В уголовно-правовой литературе вопрос о возрасте, с достижением которого возможна уголовная ответственность, решается, на наш взгляд, несколько упрощенно. Все советские криминалисты, за малым исключением, в той или иной мере касающиеся в своих исследованиях вопроса о возрасте, с достижением которого может наступить уголовная ответственность человека, ограничиваются, как правило, лишь общим констатированием того факта, что законодатель установил за одни преступления ответственность с 12-летнего возраста, за другие с 14-лет¹.

¹ См. «Уголовное право». Часть Общая, Юриздат, 1943, стр. 136; 1948, стр. 329—330; 1952, стр. 170, 210; А. А. Герцеи-зон, Уголовное право. Часть Общая, 1948, стр. 318; В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Советское уголовное право, Госюриздат. 1950, стр. 91; А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Юриздат, 1951, стр. 78. Учебник по уголовному праву, часть Общая, 1938 года, давая общее понятие субъекта преступления, вообще не упоминает о возрасте, ограничиваясь общим указанием, что «субъектом преступления является всякое вменяемое лицо, совершившее преступление», стр. 256.

В действительности же этот вопрос является значительно более сложным, и решение его нельзя ограничивать лишь указанием на общий минимальный возрастной предел, с которого человек признается субъектом преступления и несет уголовную ответственность за совершение определенных общественно опасных деяний.

В истории развития советского уголовного законодательства известны случаи, когда сам законодатель, устанавливая уголовную ответственность за отдельные преступления, допускал отступление от предусмотренного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. минимального предела возраста (14 лет), с которого человек может быть привлечен к уголовной ответственности.

Так, например, в период Великой Отечественной войны был издан ряд законодательных актов, которые устанавливали уголовную ответственность за предусмотренные в них деяния не с 14, а с 16 лет. К этим законодательным актам можно отнести, в частности, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г. «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы» и др.

Все эти нормативные акты устанавливали уголовную ответственность за невыполнение деяний, в них предусмотренных, только с 16-летнего возраста.

В некоторых случаях Пленум Верховного Суда СССР в порядке соответствующего разъяснения закона давал указания на повышенный, по сравнению с обычным, возраст, недостижение которого не могло влечь уголовной ответственности за отдельные преступления. Так, например, Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 8 октября 1942 г., в разъяснение Постановления СНК СССР от 13 апреля 1942 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г., указал на недопустимость привлечения к уголовной ответственности под-

ростков до 16 лет за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за самовольный уход мобилизованных с этих работ¹.

В Постановлении от 1 августа 1942 г. Пленум Верховного Суда СССР в разъяснение Указа от 26 декабря 1941 г. также указал, что «работающие на предприятиях военной промышленности ученики-подростки в возрасте моложе 16 лет в отношении ответственности за самовольный уход с предприятия приравниваются к учащимся ремесленных училищ и школ ФЗО, и к ним должен применяться по аналогии Указ от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)»². Аналогичные указания Верховного Суда СССР были даны в различные периоды времени и по некоторым другим категориям дел³.

В ряде случаев законодатель непосредственно устанавливает не только минимальный, но и максимальный предел, до которого человек, совершивший общественно опасное деяние, может быть признан субъектом преступления.

Например, некоторые изданные в годы Великой Отечественной войны законодательные акты прямо предусматривали максимальный возрастной предел, после которого уголовная ответственность за содеянное исключалась. Так, в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г. за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы уголовную ответственность могли нести лишь до

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1924—1944 гг.», Юриздат, 1946, стр. 16.

² См. там же, стр. 37.

³ См. постановление Пленума от 30 августа 1943 г. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1924—1944 гг.», Юриздат, 1946, стр. 37; Постановление Пленума от 10 июня 1943 г. по делу К., «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.», Юриздат, 1948, стр. 34; Постановление Пленума от 3 февраля 1944 г. по делу Г., «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 27.

55-летнего возраста мужчины и до 50-летнего возраста женщины.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. за уклонение от мобилизации на период военного времени для работы на производстве и строительстве уголовной ответственности подлежали мужчины до 55-летнего возраста и женщины до 45-летнего возраста.

Таким образом, исходя из специфики некоторых деяний и учета физической возможности в силу особенностей возраста человека, законодатель в целом ряде случаев точно устанавливает минимальный и максимальный возрастной предел уголовной ответственности, за рамками которого человек уже не может быть признан субъектом данного преступления по советскому уголовному праву. По действующему уголовному законодательству физическая возможность нести уголовную ответственность за содеянное и, следовательно, быть признанным субъектом преступления при более повышенном возрасте, чем общая норма в 14 лет, ограничена в целом ряде случаев спецификой некоторых составов преступлений. Поэтому нельзя согласиться с утверждением проф. А. А. Герцензона, который в общей форме указывает, что лица от 14 лет подлежат уголовной ответственности за все преступления, так как каких-либо ограничений в отношении этой категории несовершеннолетних якобы не существует¹.

В действительности, как нам представляется, положение Указа от 31 мая 1941 г., установившее общую уголовную ответственность за все преступления с 14-летнего возраста, нельзя понимать буквально. В изъятие из общего правила нормы Особенной части, формулирующие составы преступлений, нередко ограничивают фактическую возможность совершения преступлений лицами, достигшими 14-летнего возраста.

Например, состав преступления, предусмотренный ст. 59^{3в} УК, имеет ряд специфических особенностей, связанных с работой на транспорте. Учитывая эти особенности, законодатель не допускает прием на работу, свя-

¹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948, М., стр. 321.

занную с движением поездов, лиц моложе 18-летнего возраста¹.

В § 538 Правил технической эксплуатации указывается: «Лица, моложе 18 лет не принимаются к занятию следующих должностей, непосредственно связанных с движением поездов: машинистов локомотивов, их помощников, кочегаров, водителей автодрезин, диспетчеров, дежурных по станциям, кондукторов, составителей поездов, сцепщиков и скрутчиков вагонов, башмачников, стрелочников, сигналистов, дорожных, мостовых и тоннельных мастеров, бригадиров пути, обходчиков, операторов, дежурных по переездам, электромехаников по обслуживанию устройств СЦБ, телефонистов, обслуживающих аппараты поездного телеграфа, поездных вагонных мастеров, осмотрщиков—автоматчиков, мастеров и бригадиров контактной сети».

Отсюда вытекает, что и субъектом преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК, могут быть лишь лица, достигшие 18-летнего возраста. Это подтверждается и материалами судебной практики. По делу К., обвинявшегося в том, что он, работая паровозным кочегаром, самовольно оставил работу, Верховный Суд СССР в своем определении указал: «В соответствии с Постановлением СНК СССР от 16 июля 1942 г. № 1184 и приказом НКПС от 27 июля 1942 г. № 326/цз на работу кочегара на паровозы с твердым топливом могут быть допущены только лица, имеющие возраст свыше 17 лет. К. к моменту самовольного оставления работы не достиг 17-летнего возраста, поэтому нельзя было допускать его к работе паровозного кочегара»².

По другому делу Верховный Суд СССР определением от 28 января 1946 г. отменил приговор и прекратил дело в отношении Т., которая, как не достигшая 18-летнего возраста, не могла быть допущена к работе в качестве дежурного по станции и в силу этого не могла нести

¹ См. А. А. Чистяков, Уголовно-правовая борьба с нарушениями трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте СССР, Автореферат канд. диссертации, Л., 1954, стр. 8—9; Н. С. Алексеев, Транспортные преступления, Издательство Ленинградского университета, 1957, стр. 64.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 121.

ответственность за нарушение трудовой дисциплины по ст. 59^{3в} УК.

На работу, не связанную с движением поездов, например, в качестве токарей, слесарей и др., могут приниматься лица с 16-летнего возраста. Следовательно, такие лица за нарушение трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте могут нести ответственность по ст. 59^{3в} УК только с указанного возраста, а не с 14 лет.

Субъектами нарушения трудовой дисциплины со стороны работников плавсостава могут быть фактически только лица, достигшие 16-летнего возраста, так как Устав службы на судах морского флота СССР не допускает приема на должность работника плавсостава лиц моложе 16 лет. Поскольку право самостоятельного вождения автомашины представляется лишь с 18-летнего возраста, постольку и субъектом преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК, могут быть лишь лица с этого возраста, если они являются работниками автотранспорта. Лица, моложе 18-летнего возраста, не могут быть субъектом преступления по ст. 59^{3в} УК, так как они допускаются к вождению автомашины только рядом со взрослым водителем и не считаются работниками транспорта.

Исключение составляют водители мотоциклов. Они могут быть работниками транспорта с 16 лет.

То же самое можно сказать в отношении состава преступления, предусмотренного ст. 59^{3с} УК. Совершение этого преступления возможно лишь работниками гражданской авиации и воздухоплавания значительно старше 14-летнего возраста.

¹ Говоря о минимальном возрасте, с которого наступает ответственность за рассматриваемое преступление, следует иметь в виду, что в тех случаях, когда лицо принято на службу работником транспорта вследствие повышения им возраста умышленно или по ошибке, оно должно нести ответственность за совершение преступления, связанного с исполнением служебных обязанностей, на равных основаниях с лицами, фактически достигшими возраста уголовной ответственности за данное преступление. Это положение вытекает из того, что лицо, незаконно принятое на службу в качестве работника транспорта, пользуется всеми правами и преимуществами, установленными для данной категории работников. Поэтому за свои преступные действия оно должно нести ответственность, несмотря на недостижение им в действительности предусмот-

Уголовным кодексом РСФСР предусмотрены некоторые составы преступлений, из характера которых и специфики действий субъекта преступления (в изъятие из общего правила) прямо вытекает повышение возраста, с которого наступает уголовная ответственность. К ним можно отнести составы, предусмотренные следующими статьями: 60, 73², 128, 128^a, 129^a, 133, 133^a, 140 ч. ч. 1 и 2, 140^a, 148, 152, 154, 156¹, 157, 158, 158¹, 176, 180, 184 УК.

К этой же группе составов, предполагающих более высокий минимальный возрастной предел, чем 14 лет, для наступления уголовной ответственности, относятся должностные преступления, предусмотренные главой III УК, и воинские преступления, предусмотренные главой IX УК.

Субъектами преступлений против Оборона СССР могут быть лишь те лица, на которых возлагается обязанность по Обороне СССР, а такая обязанность возлагается на граждан СССР более зрелого возраста, чем 14 лет.

Например, в соответствии со ст. 14 Закона о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 г., субъектом таких преступлений против Оборона СССР, как уклонение от призыва на действительную военную службу (ст. 59⁴ УК), нарушение правил, установленных для учета военнообязанных (ст. 64 УК), уклонение от призыва по мобилизации (ст. 193^{10 a} УК), уклонение от обязательной военной службы военнообязанных запаса Армии и Флота (ст. 68 УК), неявка в срок военнообязанных запаса на учебные сборы, маневры и иные

ренного возраста уголовной ответственности за данные преступления. Иное решение вопроса, как нам представляется, означало бы, что лицо, принятое на службу не в соответствии с возрастом, пользовалось бы только правами и по существу не несло никакой ответственности за свои действия, связанные с исполнением служебных обязанностей, в том числе и за преступления. Лица, фактически не достигшие установленного возраста уголовной ответственности за рассматриваемые преступления, не должны нести ответственность за преступления, связанные с исполнением соответствующих обязанностей по службе, в том случае, если они были допущены к исполнению этих обязанностей по вине администрации, как это имеет место в приведенных примерах из практики Верховного Суда СССР. Изложенное положение необходимо отнести и к другим преступлениям, в частности, к должностным и воинским.

учебные занятия (п. «б» ст. 193¹⁰ УК), уклонение от опытных и поверочных мобилизаций (ст. 66 УК) и т. д. могут быть только лица, достигшие 18-летнего возраста. Более старший возраст, с которого может наступать уголовная ответственность, фактически предусмотрен и за некоторые другие преступления против Обороны СССР, в частности, за уклонение от выполнения военно-конской, военно-повозочной, военно-судовой и других повинностей, за отказ внесения налогов в условиях военного времени (ст. 59⁶ УК), за нарушение правил учета рабочих, животных и транспортных средств (ст. 70 УК).

Уголовными кодексами других союзных республик предусмотрены некоторые специальные составы, характерные для данной республики. Уголовная ответственность за эти преступления может фактически наступить также не с 14 лет, а с более позднего возраста.

Ограничение возраста, в пределах которого может наступить уголовная ответственность в зависимости от характера состава преступлений, проводится не только по линии установления минимального возрастного предела, но в некоторых случаях и по линии установления максимального возрастного предела. В частности, это относится к группе преступлений против Обороны СССР (ст. ст. 64, 68, 193¹⁰ п. «б» и др. УК).

Установление в каждом конкретном случае минимального, а в некоторых случаях и максимального предельного возраста, имеет большое значение в деле правильного отправления социалистического правосудия и соблюдения социалистической законности.

Неустановление точного возраста лица, привлеченного к уголовной ответственности, должно влечь за собой безусловную отмену приговора.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР своим определением от 12 ноября 1951 г. совершенно правильно отменила приговор Верховного суда Башкирской АССР и определение Верховного суда РСФСР в отношении М., возвратив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия на том основании, что возраст и имя осужденного точно не были установлены, а имевшиеся в деле данные по этому вопросу были крайне противоречивыми¹.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952 г. № 2, стр. 26—27

При установлении возраста лица, совершившего общественно опасное деяние, важно иметь в виду, что минимальный или максимальный предел исчисляется к моменту совершения преступления, а не к моменту возбуждения уголовного преследования или судебного следствия.

В судебной практике, однако, встречаются случаи определения возраста не в момент совершения общественно опасного деяния, а к моменту возбуждения уголовного преследования или к моменту рассмотрения дела в суде.

Так, например, приговором народного суда г. Курган-Тюбе Таджикской ССР от 3 сентября 1948 г. был осужден к лишению свободы по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Б. за то, что он совершил подкоп стены вещевого склада детской трудовой колонии и через образовавшееся отверстие похитил 8 пар ботинок.

По данному конкретному делу органы предварительного расследования и суд определили возраст обвиняемого в момент возбуждения уголовного преследования. При этом возраст был определен со слов самого обвиняемого, который и на предварительном следствии и в суде заявил, что ему исполнилось 14 лет. Однако это заявление Б. не было проверено как предварительным следствием, так и судом, и документов, по которым можно было бы судить о возрасте осужденного, в деле не было.

Областной суд, не проверив должным образом материалы дела, приговор народного суда оставил в силе. Впоследствии судебно-медицинским освидетельствованием, было установлено, что Б. в момент освидетельствования имел 12-летний возраст, а в момент совершения хищения ему было только 11 лет. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. Б. в этом возрасте не подлежал уголовной ответственности¹.

Приведенные случаи из судебной практики наглядно показывают, какое большое значение для правильного осуществления социалистического правосудия имеет точное установление возраста привлеченного к уголовной ответственности.

Точное установление возраста совершившего общественно опасное деяние в ряде случаев влияет и на правильную квалификацию преступления.

¹ См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 02/5411—у.

Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 10 октября 1945 г. по делу В. указала: «В тех случаях, когда квалифицирующим признаком преступления является неоднократность его совершения, не должны учитываться в качестве квалифицирующего обстоятельства те однородные действия обвиняемого, которые им совершены в возрасте, исключающем уголовную ответственность»¹.

Правильное установление возраста особенно важно, с точки зрения охраны законных прав и интересов несовершеннолетних правонарушителей, к которым именно и относится непосредственно проблема установления минимального возраста уголовной ответственности за содеянное по советскому уголовному законодательству.

С установлением максимального возраста при решении вопроса об уголовной ответственности человека за совершение общественно опасных деяний судебно-прокурорским работникам приходится сталкиваться очень редко.

Вопрос о минимальном возрасте, с достижением которого несовершеннолетние за совершение ими общественно опасных деяний должны нести уголовную ответственность, в советском уголовном законодательстве, решался не всегда одинаково.

Так, Декретом СНК 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних»² уголовная ответственность в судебном порядке предусматривалась лишь с 17-летнего возраста. Дела же о несовершеннолетних обоого пола в возрасте до 17 лет, замеченных в общественно опасных деяниях, рассматривались не судами, а специальными комиссиями для несовершеннолетних, находившимися в ведении Народного комиссариата Просвещения и местных органов Народного образования.

По «Руководящим началам» 1919 года несовершеннолетние до 14-летнего возраста за совершение общественно опасных деяний не признавались субъектами преступления. Они не несли уголовной ответственности при любых обстоятельствах. Не могли быть признаны субъектами преступления и те несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, которые, совершая общественно опасные

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946 г., вып. I, стр. 22.

² СУ РСФСР 1918 г. № 16, ст. 227.

деяния, действовали при этом «без разумения», т. е. не отдавали себе отчета в своих поступках. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, действовавшие в момент учинения общественно опасных деяний «с разумением», согласно «Руководящим началам», несли ответственность в судебном порядке¹.

Декрет СНК 4 марта 1920 г.² «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», повысил возраст несовершеннолетних обоюго пола, замеченных в общественно опасных деяниях, дела о которых должны были рассматриваться в комиссиях по делам о несовершеннолетних, до 18 лет. Вместе с тем комиссиям представлялось право дела о несовершеннолетних в возрасте 14—18 лет передавать для рассмотрения в народные суды, если признавалось невозможным применение к ним мер медико-педагогического воздействия.

В соответствии с Декретом СНК 4 марта 1920 г. постановлением НКЮ 19 марта 1920 г.³ был изменен п. 13 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР».

По новой редакции этого пункта вопрос о применении воспитательных мер (приспособления) в отношении лиц переходного возраста—14—18 лет—должен был решаться не в зависимости от действия несовершеннолетних данного возраста «без разумения», а в зависимости от возможности применения к ним мер медико-педагогического характера.

В судебном порядке дела о несовершеннолетних в возрасте 14—18 лет, в отличие от старого порядка, также должны были рассматриваться не в зависимости от действия несовершеннолетних в указанном возрасте «с разумением», а в зависимости от признания комиссией невозможности применения к ним мер медико-педагогического воздействия. Уголовный кодекс 1922 года, учитывая отсутствие в стране достаточного числа воспитательных учреждений для несовершеннолетних, снизил возраст несовершеннолетних, к которым должны были применяться меры медико-педагогического воздействия. Ст. 18 УК 1922 года в первоначальной редакции исключала применение наказания к малолетним до 14 лет, а также ко

¹ СУ РСФСР 1919 г. № 66, ст. 590.

² СУ РСФСР 1920 г. № 13, ст. 83.

³ СУ РСФСР 1920 г. № 16, ст. 95.

всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, если в отношении последних можно было ограничиться мерами медико-педагогического воздействия.

В дальнейшем Постановлением 4-й сессии ВЦИК IX созыва 11 ноября 1922 г.¹ УК был дополнен ст. ст. 18-а и 18-б, устанавливавшими обязательное смягчение налагаемого судами наказания для несовершеннолетних от 14 до 16 лет наполовину и для несовершеннолетних от 16 до 18 лет на одну треть, против наивысшего предела, установленного соответствующими статьями.

Тем же постановлением ст. 18 УК была сформулирована так, что решение вопроса о возможности ограничиться применением к несовершеннолетним от 14 до 16 лет лишь мер медико-педагогического характера относилось исключительно к компетенции суда, а не к компетенции комиссии для несовершеннолетних, как это было раньше.

Несколько позднее Постановлением 2-й сессии ВЦИК X созыва 10 июля 1923 г.² ст. 18 УК 1922 года была восстановлена в первоначальной редакции, по которой дела о несовершеннолетних от 14 до 16 лет по-прежнему должны были рассматриваться не судом, а комиссиями для несовершеннолетних, если последние признают возможным ограничиться только мерами медико-педагогического воздействия в отношении указанной категории несовершеннолетних.

«Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 года в ст. 8 лишь в общей форме указывали об обязательном применении мер медико-педагогического характера к малолетним и к тем несовершеннолетним, в отношении которых соответствующие органы признают применение мер судебно-исправительного характера невозможным. Во всех остальных случаях вопрос о применении мер медико-педагогического характера должен решаться судом.

Однако начальный возраст, с которого несовершеннолетние могли признаваться субъектами преступления и нести ответственность за свои деяния в уголовном порядке, «Основные начала» не определяли.

¹ СУ РСФСР 1922 г. № 72—73.

² СУ РСФСР 1923 г. № 48.

Определение конкретного возраста малолетия и несовершеннолетия, а также обязательных случаев применения к несовершеннолетним мер уголовного наказания и предела их смягчения «Основными началами» были отнесены к компетенции законодателя союзных республик. В соответствии с этим уголовные кодексы союзных республик установили различный минимальный возрастной предел, начиная с которого несовершеннолетние могли быть признаны субъектами преступления.

УК 1926 года в первоначальной редакции в постановлении о несовершеннолетних (ст. 12) воспроизводил положение УК 1922 года по этому вопросу. Малолетние до 14 лет по-прежнему не могли быть признаны субъектами преступления, и к ним применялись только меры медико-педагогического характера. Несовершеннолетние от 14 до 16 лет могли нести ответственность в уголовном порядке при условии, если комиссия о несовершеннолетних признает невозможным применить к ним меры медико-педагогического воздействия.

В тех случаях, когда несовершеннолетние от 14 до 16 лет осуждены в судебном порядке к лишению свободы или принудительным работам, то это наказание, согласно ст. 50 УК, должно было обязательно сокращаться наполовину. В отношении несовершеннолетних от 16 до 18 лет те же наказания обязательно должны были сокращаться на одну треть против срока, который мог бы быть назначен за совершение такого же преступления совершеннолетним.

Постановлением ВЦИК и СНК от 30 октября 1929 г.¹ были внесены изменения в ст. ст. 12 и 50 УК 1926 года. Согласно ст. 12 УК в новой редакции меры уголовного наказания не могли применяться к несовершеннолетним до 16-летнего возраста. К ним должны были применяться только меры медико-педагогического характера, назначаемые комиссиями по делам о несовершеннолетних.

В соответствии со ст. 50 в новой редакции, при назначении несовершеннолетним от 16 до 18 лет лишения свободы или принудительных работ, срок этих наказаний подлежал обязательному сокращению на одну треть по сравнению со сроком, который мог бы быть назначен судом за то же преступление, совершенное совершеннолет-

¹ СУ РСФСР 1929 г. № 82.

ним. При всех условиях этот срок наказания не должен был превышать половины предельного срока, предусмотренного уголовным кодексом за данное преступление.

Следовательно, в 1929 году возраст, начиная с которого несовершеннолетние могли быть признаны судом субъектами преступления, был установлен по уголовному кодексу с 16 лет. Этот возрастной признак субъекта преступления, как и другие правила в отношении несовершеннолетних, установленные в 1929 году, действовали без изменений до 7 апреля 1935 г., когда ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»¹, положившее начало новому очередному этапу в борьбе с преступлениями несовершеннолетних.

Это постановление, установившее уголовную ответственность несовершеннолетних с 12-летнего возраста за совершение таких особо опасных преступлений, как кражи, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийства или попытки к убийству, было издано в целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних. Одновременно этим же постановлением была предусмотрена строгая уголовная ответственность тех лиц, которые подстрекают несовершеннолетних к совершению различных преступлений или к участию в них, а также понуждают их к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п.

Таким образом, новый Закон своим острием был направлен прежде всего против тех преступных элементов, которые, пользуясь безнаказанностью несовершеннолетних за общественно опасные деяния, их руками совершали тяжкие преступления, а сами оставались в тени.

Постановление было издано в тот период развития Советского государства, когда в условиях победившего социализма возникла реальная возможность разрешения сложной проблемы сокращения, а затем и ликвидации преступности среди несовершеннолетних.

Приветствуя новый Закон, газета «Правда» в передовой от 9 апреля 1935 г. указывала, что «Постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. несомненно создаст перелом в том недопустимом положении, в котором находится сейчас эта область общественной жизни (борьба с

¹ СЗ СССР 1935 г. № 19.

преступностью несовершеннолетних. — В. О.). И прежде всего оно разорвет цепочку безответственности и безнаказанности, окружавшую преступление подростка».

Предусмотренные постановлением меры наказания в отношении несовершеннолетних за совершение некоторых опасных преступлений не только не означали отказа Советского государства от проведения в отношении несовершеннолетних преступников воспитательной работы, а, наоборот, предполагали ее усиление.

Устанавливая в качестве общего принципа уголовную ответственность несовершеннолетних, совершивших преступления, Постановление тем самым положило конец широко распространенному среди несовершеннолетних убеждению в безнаказанности своих поступков. Этим достигалось большое воспитательно-предупредительное воздействие как в отношении самого несовершеннолетнего преступника, так и в отношении других окружающих его сверстников.

Наказание в судебном порядке—крайнее средство, к которому прибегает Советское государство в борьбе с преступностью несовершеннолетних, но оно составляет необходимый элемент в целой цепи мероприятий правильно поставленного воспитания подрастающего поколения.

«Разумная система взысканий,—писал А. С. Макаренко, — не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их»¹.

Советское государство, рассматривая наказание как крайнюю меру в борьбе с преступностью несовершеннолетних, одновременно принимает конкретные меры, направленные на дальнейшее устранение самих причин, порождающих преступность среди несовершеннолетних.

Вскоре после постановления 7 апреля 1935 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»². Оба эти постановления теснейшим образом связаны между собой, взаимно дополняют друг друга и

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 5, Изд. Академии педагогических наук РСФСР, стр. 379.

² СЗ СССР 1935 г. № 32, ст. 252.

преследуют единую цель—с помощью различных мер добиться ликвидации преступности несовершеннолетних в нашей стране.

Отмечая наличие беспризорных в столицах и других городах страны и объясняя это явление плохой работой местных советских органов и общественных организаций, а также отсутствием организованного участия в этом деле советской общественности, Постановление 31 мая 1935 г. в дополнение к Постановлению 7 апреля 1935 г. дало подробное указание о новых мерах по предупреждению преступности среди несовершеннолетних.

Постановлением, в частности, установлена повышенная персональная ответственность представителей административно-хозяйственного персонала различных детских учреждений за расхищение материальных средств, отпускаемых государством на содержание этих учреждений, побег воспитанников и сокрытие побегов; возлагалась ответственность на председателей городских и сельских Советов за своевременное устройство и обеспечение детей, оставшихся в силу тех или иных причин сиротами. Этим же Постановлением была установлена уголовная ответственность опекунов за использование опеки в корыстных целях и оставление опекаемых детей без надзора и необходимой материальной помощи.

Особая ответственность устанавливалась для председателей сельских Советов и назначаемых сельсоветами опекунов за непринятие мер охраны интересов детей-сирот, отсутствие заботы о их воспитании и за непредотвращение случаев бродяжничества среди них. Кроме того, Постановление обязывало органы милиции усилить борьбу с хулиганством среди несовершеннолетних на улицах (драки, оскорбление прохожих, езда на трамвайных буферах и т. д.). Органам милиции было предоставлено право штрафовать родителей в административном порядке до 200 рублей за озорство и уличное хулиганство их детей, намечен целый ряд других мероприятий по предупреждению преступности несовершеннолетних.

Постановление 31 мая 1935 г. официально отменило комиссии по делам несовершеннолетних при отделах народного образования.

Одновременно с осуществлением широкой программы социально-экономических мероприятий и воспитательной работы, направленных на ликвидацию беспризорности,

безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних, с этой целью были внесены соответствующие изменения в ранее действующее общесоюзное и республиканское уголовное законодательство.

Статья 8 «Основных начал» была полностью отменена.

Постановлением ВЦИК и СНК 25 ноября 1935 г.¹ редакция ст. 12 УК была приведена в соответствие со ст. 1 Постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. и исключена ст. 50 УК. Аналогичные изменения были внесены в уголовные кодексы других союзных республик. Только Уголовный кодекс Белорусской республики в отличие от Постановления 7 апреля 1935 г. устанавливал за преступления, перечисленные в ст. 1 этого Постановления, уголовную ответственность не с 12-летнего возраста, а с 14 лет. Что касается возраста, с которого должна была наступать ответственность несовершеннолетних за преступления, не указанные в ст. 1 Постановления 7 апреля 1935 г., то Уголовный кодекс РСФСР и уголовные кодексы большинства других союзных республик вообще не разрешали этого вопроса. Исключение составляли Уголовные кодексы Украинской ССР, а также Белорусской ССР, первый из которых устанавливал уголовную ответственность несовершеннолетних за все преступления с 14 лет, а второй—с 16 лет.

Несогласованность в решении рассматриваемого вопроса в законодательстве союзных республик вносила значительный разноречивый в судебную практику первых лет действия Постановления 7 апреля 1935 г. Этот разноречивый был полностью устранен изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»², установившего минимальный возраст уголовной ответственности за все преступления, совершенные несовершеннолетними, — 14 лет, кроме предусмотренных Постановлением 7 апреля 1935 г. и Указом 10 декабря 1940 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов»³, пополнил перечень преступлений, данный в Поста-

¹ СУ РСФСР 1936 г. № 1, ст. I.

² См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1941 г. № 25.

³ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1940 г. № 52.

новлении 7 апреля 1935 г., за совершение которых уголовная ответственность несовершеннолетних наступает с 12-летнего возраста. По этому Указу к уголовной ответственности должны привлекаться несовершеннолетние, достигшие 12-летнего возраста, уличенные в совершении действий, могущих вызвать крушение поездов, как-то: развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы разных предметов и т. п.

Постановления 7 апреля и 31 мая 1935 г. имеют большое политическое значение, о чем уже неоднократно указывалось в нашей литературе. Они предоставили в распоряжение советских государственных и общественных организаций глубоко продуманную систему, целый комплекс самых разносторонних мер воздействия предупредительно-воспитательного характера, правильное и последовательное проведение которых должно было привести и привело к значительным достижениям в области ликвидации беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних.

К началу Великой Отечественной войны, благодаря осуществлению основных мероприятий, намеченных указанными Постановлениями, были достигнуты существенные успехи в решении этой важной общенародной задачи. Резко стали снижаться безнадзорность, беспризорность и преступность среди несовершеннолетних в нашей стране. К сожалению, этот процесс был нарушен в годы Отечественной войны, когда беспризорность, безнадзорность и, следовательно, преступность среди несовершеннолетних в силу сложившихся тяжелых условий вновь начали возрастать.

Тяжелая война не могла не наложить свой отпечаток на наше подрастающее поколение. Многие из детей лишились своих отцов и матерей, а многие вместе со взрослыми испытали тяжелую участь беженцев. Многие оставались в течение длительного времени без влияния семьи, перенесли все бедствия и ужасы военного времени. Все это, конечно, самым отрицательным образом сказалось и сказывается до настоящего времени на поведении некоторой части нашей молодежи.

Но даже в самые тяжелые годы войны, несмотря на величайшие трудности, Коммунистическая партия и Советское правительство всегда проявляли заботу о судьбе несовершеннолетних, об их устройстве и воспитании, уде-

ляли внимание борьбе с их беспризорностью, безнадзорностью и преступностью.

«Государство, народ,—писала газета «Правда» 23 августа 1943 г.,—сделает все необходимое, чтобы ни один ребенок не чувствовал себя обездоленным, беспризорным, чтобы все наши дети росли и развивались в обстановке заботы и внимания».

В годы Отечественной войны был принят ряд нормативных актов, непосредственно направленных на устройство детей, оставшихся без родителей¹.

15 июня 1943 г. СНК СССР было издано специальное Постановление «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», сыгравшее большую роль в борьбе с преступлениями несовершеннолетних.

В соответствии с этим Постановлением, кроме уже существующих при НКВД СССР исправительно-трудовых колоний для осужденных несовершеннолетних преступников, были созданы трудовые воспитательные колонии нового типа. Эти колонии представляли собой особого рода воспитательные учреждения для несовершеннолетних, отличающихся особой недисциплинированностью. В них направлялись несовершеннолетние в возрасте от 11 до 16 лет, а именно: 1) беспризорные, лишившиеся родителей или длительное время живущие без родителей и не имеющие определенного местожительства; 2) задержанные за мелкое хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, когда явно нецелесообразно привлекать за это к судебной ответственности; 3) воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме.

На основании этого Постановления НКЮ СССР издал 19 июня 1943 г. приказ № 50 «Об усилении борьбы с ху-

¹ См. постановление СНК СССР 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» (СП СССР 1942 г. № 2, ст. 26), Положение о комиссиях по устройству детей, оставшихся без родителей, утвержденное СНК РСФСР 14 января 1943 г. (СП РСФСР 1943 г. № 3 ст. 25), Положение об общественном инспекторе по охране детства, утвержденное Наркомпросом РСФСР 23 февраля 1943 г., Указ 8 сентября 1943 г. «Об усыновлении» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1943 г. № 34), Инструкция Наркомпроса РСФСР,

лиганством и преступностью несовершеннолетних», согласно которому дела о преступлениях несовершеннолетних до 16 лет включительно в столичных городах, краевых и областных центрах, а также в крупных промышленных городах должны были рассматриваться в специально выделенных участках народных судов под председательством наиболее подготовленных для рассмотрения таких дел народных судей.

К несовершеннолетним, виновным в злостном хулиганстве, хищениях и других серьезных преступлениях, суды должны были применять строгие меры наказания, предусмотренные законом. В случае совершения несовершеннолетними, не достигшими 16-летнего возраста, мелкого хулиганства, мелких краж и других незначительных преступлений, когда судьи признавали применение к ним мер уголовного наказания нецелесообразным, они могли быть направлены в трудовую воспитательную колонию НКВД или переданы на попечение родителей или опекунов, с возложением на них обязанностей осуществлять постоянный надзор за их поведением и воспитанием. Уголовные дела в отношении этих лиц судами прекращались.

Порядок направления и сроки содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР регулировались также специальной Инструкцией НКВД СССР, НКЮ СССР и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г.

По этой Инструкции несовершеннолетние, направленные в трудовые воспитательные колонии, должны были содержаться в них до достижения 16-летнего возраста. За это время они подвергались воспитательному воздействию и одновременно получали определенную трудовую квалификацию. Если несовершеннолетние, содержащиеся в колониях до 16-летнего возраста, не приобретали необ-

Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР о патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей. Утверждена СНК РСФСР 3 апреля 1943 г. (СП РСФСР 1943 г. № 3, ст. 24), Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» («Правда» № 209 от 22 августа 1943 г.), Постановление СНК СССР 1 сентября 1943 г. № 942 «Об улучшении работы детских домов».

ходимой трудовой квалификации, то они должны были оставаться в них до 17-летнего возраста.

Несовершеннолетние до 14-летнего возраста, находящиеся в колониях, могли быть выпущены из колоний лишь в случаях, когда их брали на воспитание родители, опекуны или же ближайшие родственники.

Из приведенных нормативных актов периода Отечественной войны видно, что Коммунистическая партия и Советское правительство даже в тяжелых условиях, вызванных военной обстановкой, акцентировали внимание государственных органов и советской общественности на создание подросткам и несовершеннолетним таких условий и обстановки, которые бы устраняли причины проявления преступности в их среде.

Весь путь развития советского уголовного законодательства по борьбе с преступностью несовершеннолетних свидетельствует об исключительном внимании и заботе Советского государства о подрастающем поколении.

Коммунистическая партия и Советское правительство, как заботливый садовник, всегда прилагали и прилагают все усилия к тому, чтобы вырастить здоровое и счастливое поколение в нашей стране. С особой заботой и вниманием Советское государство всегда подходило к тем детям, которые были выбиты из нормальной жизненной колеи.

Советское государство в наследие от царской России получило миллионы беспризорных и безнадзорных детей, ряды которых в дальнейшем были значительно пополнены в годы гражданской войны и интервенции. Сначала империалистическая, а затем гражданская войны, жестокая блокада и интервенция, голод, хозяйственная разруха— все это выбрасывало на улицу ежедневно и ежечасно тысячи детей, пополнявших армию беспризорных и безнадзорных.

Беспризорность и безнадзорность в течение длительного времени являлись основным источником, порождающим преступность среди несовершеннолетних в нашей стране. Поэтому Советское государство в первые годы своего существования подходило с особой осторожностью и чуткостью к вопросам борьбы с преступлениями несовершеннолетних.

Борьба с преступностью только в судебном порядке, когда за этой борьбой не стояли более широкие меро-

приятия, направленные на предупреждение преступности со стороны несовершеннолетних, оказалась бы бесплодной. Именно поэтому Советское государство, руководствуясь принципом гуманности, и учитывая определенные трудности, существовавшие в стране, пыталось найти новые пути и методы в борьбе с преступлениями несовершеннолетних, отличные от путей и методов, известных капиталистическому обществу. Для этой цели в порядке опыта были созданы специальные комиссии, на которые и возлагалась основная тяжесть борьбы с преступностью среди несовершеннолетних.

Эти комиссии являлись организациями чисто педагогического характера, призванными защищать интересы несовершеннолетних преступников и воспитывать из них полезных членов социалистического общества.

Создание комиссий по делам несовершеннолетних не означало, однако, что Советское государство полностью исключало уголовную ответственность несовершеннолетних и ставило задачу проведения воспитательного воздействия на несовершеннолетних преступников только через комиссии.

Подписанный В. И. Лениным декрет 4 марта 1920 г. свидетельствует о том, что он считал необходимым в определенные периоды развития Советского государства и в отношении определенных случаев, когда положительное воспитательное воздействие на несовершеннолетних преступников без судебного вмешательства не достигается, применять к ним меры уголовно-правового воздействия.

Комиссии не сумели полностью провести в жизнь возложенные на них трудные задачи по борьбе с общественно опасными действиями несовершеннолетних, но тем не менее они проделали значительную работу по ликвидации беспризорности, безнадзорности и устройству несовершеннолетних в различные детские воспитательные учреждения, отдельные семьи и т. д. Тем самым комиссии в значительной мере содействовали уменьшению самих причин, порождающих преступность среди несовершеннолетних.

Организация комиссий и их деятельность были необходимым звеном среди мероприятий, направленных на ликвидацию преступности несовершеннолетних на определенном этапе развития Советского государства.

Советское государство в борьбе с преступностью несовершеннолетних с самого начала пошло по линии сочетания применения мер чисто педагогического характера через комиссии по делам несовершеннолетних и мер уголовного наказания, назначаемых в судебном порядке. Причем меры уголовного наказания выполняли вспомогательную воспитательную роль в борьбе с преступлениями несовершеннолетних. Основная же роль в этом важном деле отводилась мерам медико-педагогического воздействия.

Опыт выдающегося советского педагога А. С. Макаренко и его последователей по перевоспитанию юных правонарушителей, собранных в детские колонии в 20-х—начале 30-х годов, в честных и трудолюбивых граждан Советской страны, активных строителей социализма всему миру показал, каких высоких результатов можно было добиться в этом трудном деле в условиях социалистического общества.

А. С. Макаренко в своей воспитательной работе придерживался правила: воспитание в коллективе, через коллектив и для коллектива. Он стремился поднять в глазах воспитуемых роль и силу коллектива, заставить каждого колониста глубоко уважать его честь и свою личную честь. Он упорно и настойчиво добивался того, чтобы сознание чести было действительным мотивом поведения каждого колониста.

Воспитание чувства чести и забота о его действительном проявлении в жизни были органически связаны со всей системой воспитательной работы А. С. Макаренко.

А. С. Макаренко считал, что наказание будет полезным только в тех случаях, когда сам правонарушитель осознает свою вину и поймет, что он осужден всем коллективом, членом которого состоит наказуемый. Поэтому не случайно в тех колониях, где работали А. С. Макаренко и его последователи, самым тяжким наказанием за серьезные поступки, совершенные колонистами, считалось изгнание нарушителей порядка из колонии. Это оказывало большое воспитательное воздействие на весь коллектив колонистов.

Метод воспитания через коллектив был подсказан А. С. Макаренко самой советской действительностью. Он понял, что в условиях социалистического общества во-

спитание личности каждого отдельного человека осуществляется через воспитание коллектива.

Настойчивая работа по ликвидации беспризорности—этой главной причины, обуславливавшей возникновение преступности среди несовершеннолетних, социалистическое преобразование всего народного хозяйства в годы пятилеток, ликвидация безработицы, повышение культурного и материального уровня жизни всего советского народа привели в начале 30-х годов к значительному сокращению преступности вообще, и преступности среди несовершеннолетних, в частности.

Успехи в борьбе по ликвидации беспризорности и по искоренению преступности среди несовершеннолетних вместе с тем вызывали известное ослабление внимания к этому важному делу со стороны соответствующих государственных органов и учреждений, а также со стороны некоторых работников, непосредственно занимавшихся вопросами ликвидации беспризорности и борьбы с преступностью несовершеннолетних.

В результате происшедшего ослабления внимания к вопросам борьбы с преступностью несовершеннолетних у части несовершеннолетних возникло убеждение о безнаказанности за свои поступки. Чувствуя безответственность за свое поведение, наиболее недисциплинированная часть подростков старшего возраста (главным образом 16—17-летние) совершала те или иные преступления и, оставаясь на свободе, оказывала разлагающее влияние на окружающих сверстников. Следствием этого явилось известное увеличение числа преступлений среди несовершеннолетних.

В связи с этим возникла необходимость в новых условиях предъявить к подрастающему поколению более высокие требования и изолировать от них ту часть, которая совершала опасные преступления и своим поведением разлагала молодежь.

В целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних в 1935 году был принят Закон, установивший ответственность несовершеннолетних преступников только в судебном порядке.

В процессе исполнения Постановления 7 апреля 1935 г. в теории и практике возник ряд спорных вопросов, в настоящее время уже получивших свое положительное разрешение. В частности, Прокуратура и Верхов-

ный Суд СССР при рассмотрении дел о несовершеннолетних 12-летнего возраста, совершивших преступления, предусмотренные Постановлением 7 апреля 1935 г., считали, что за эти преступления несовершеннолетние указанного возраста должны нести ответственность только в случае их умышленного совершения.

В связи с таким произвольным толкованием судебной практикой Постановления 7 апреля 1935 г. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 7 июля 1941 г. разъяснил, что Верховный Суд СССР вводит не предусмотренные Законом ограничения, находящиеся в противоречии со ст. 6 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», согласно которой уголовная ответственность должна наступать за преступления, совершенные как умышленно, так и по неосторожности. Отменяя постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 марта 1941 г., Президиум данным Указом предложил Верховному Суду СССР применять Постановление 7 апреля 1935 г. в точном соответствии с текстом закона и с действующим уголовным законодательством¹.

Этот Указ имел принципиально важное значение. Указывая на необходимость применения Постановления 7 апреля 1935 г. в точном соответствии с действующим уголовным законодательством, он тем самым положительно разрешил общий вопрос о распространении на несовершеннолетних преступников с 12-летнего возраста всех положений Общей части советского уголовного законодательства².

Однако эта принципиально важная мысль законодателя в течение некоторого времени еще не проводилась сразу в жизнь. Часть практических работников, например, считала недопустимым применение к несовершеннолетним 12-летнего возраста в полном объеме норм ст. ст. 17 и 19 УК.

Они утверждали, что Постановление 7 апреля 1935 г. имеет в виду ответственность несовершеннолетних с 12-

¹ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1941 г. № 32.

² Это положение, как и все дальнейшие соображения по вопросу об ответственности несовершеннолетних, в равной мере относится и к случаям совершения несовершеннолетними преступлений, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г.

летнего возраста лишь за оконченные преступления, перечисленные в Законе, и за исполнение этих преступлений, но исключает уголовную ответственность за приготовление или покушение, подстрекательство или пособничество.

Рассматриваемую точку зрения практических работников разделяли некоторые криминалисты в литературе. Так, В. Тадевосян утверждал, что Постановление 7 апреля 1935 г. устанавливает уголовную ответственность несовершеннолетних с 12-летнего возраста лишь за покушение на убийство, но не за приготовление или покушение на другие преступления. Он также отрицал возможность соучастия несовершеннолетних 12-летнего возраста в совершении преступлений в роли подстрекателей или пособников¹.

Четкую и правильную позицию в решении данного вопроса занял Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 7 декабря 1945 г. по делу Д. и др.².

Пленум указал по этому делу на неправильное толкование Постановления 7 апреля 1935 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР, полагавшей, что несовершеннолетние с 12-летнего возраста должны привлекаться к ответственности только за покушение на убийство. В действительности, как разъяснил Пленум, содержащиеся в законе слова «или попытки к убийству» вовсе не противопоставляются остальной части текста, содержащей перечисление других преступлений, и что это указание отнесено к убийству, во-первых, как к наиболее тяжкому из перечисленных в этом законе преступлений, и, во-вторых, как к преступлению, в отношении которого на практике чаще всего могут встречаться случаи неоконченного преступления».

Поэтому, руководствуясь мыслью законодателя, выраженной в Указе 7 июля 1941 г. о применении всех норм Общей части уголовного кодекса к несовершенно-

¹ См. В. Тадевосян, Борьба с детской преступностью в СССР, «Советское государство и право» 1940 г. № 4, стр. 74—75; см. также О. П. Федоров, Уголовная ответственность несовершеннолетних преступников, «Ученые записки МГУ», вып. 145, книга 4, Издательство Московского университета, 1949, стр. 88.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1946 г., вып. 1, стр. 3.

летним, достигшим 12-летнего возраста, Пленум подчеркнул, что... «Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. должно применяться в соответствии с общими началами уголовного законодательства СССР и союзных республик и ни одно из этих начал не подлежит исключению или ограничительному применению, если такое ограничение прямо не предусмотрено этим Постановлением. Следовательно, без такого прямого указания не может быть также исключено или ограничено при применении этого Постановления действие ст. 11 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, в силу которой карается не только совершенное, но и начатое преступление, под каковым... надо разуметь как покушение на совершение преступления, так и приготовление к его совершению».

По соображениям, изложенным в приведенном постановлении Пленума, несовершеннолетние с 12-летнего возраста должны нести ответственность не только за исполнение преступления, но и за соучастие в преступлении в виде подстрекателей и пособников других несовершеннолетних.

Таким образом, в настоящее время вопрос о полном объеме применения положений Общей части уголовного кодекса в отношении несовершеннолетних преступников является бесспорным, поскольку действующее уголовное законодательство не делает специально никаких оговорок об ограничении их применения в определенных случаях¹.

В судебной практике имела место и попытка распространительного толкования Постановления 7 апреля 1935 г. относительно объема применения норм Особой части к несовершеннолетним 12-летнего возраста. Иногда к уголовной ответственности привлекали несовершеннолетних с 12 лет за преступления, не указанные в Постановлении от 7 апреля 1935 г., как, например, мошенничество, хулиганство и некоторые другие.

Против такого расширительного толкования Закона отдельными практическими работниками выступили в

¹ Некоторое исключение составляет применение норм Общей части уголовных кодексов, касающихся наказания несовершеннолетних преступников. Не все виды наказания по действующему законодательству могут быть применены в полном объеме к несовершеннолетним. См. об этом главу восьмую настоящей работы.

свое время Прокуратура и Верховный Суд СССР, правильно указавшие, что несовершеннолетние с 12-летнего возраста за преступления, не перечисленные в Постановлении 7 апреля 1935 г., уголовной ответственности в судебном порядке нести не могут и к ним в этом случае должны применяться меры воспитательного воздействия в соответствии со статьей 25 УК¹.

Однако позднее Верховный Суд СССР изменил свою позицию в рассматриваемом вопросе. 53-й Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 2 января 1936 г. «О случаях ответственности несовершеннолетних за хулиганство» высказался за возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 74 УК несовершеннолетних, совершивших хулиганские действия, сопряженные с насилием, телесными повреждениями или другими преступлениями, за которые они могут нести ответственность согласно Постановлению 7 апреля 1935 г.² Пленум также допускал ответственность несовершеннолетних с 12-летнего возраста за мошенничество по ст. 169 УК.

Позицию, занятую 53-м Пленумом Верховного Суда СССР, полностью разделяли В. Тадевосян и другие криминалисты³. В. Тадевосян прямо утверждал, что «в законе перечислены лишь виды преступлений, юридическая же квалификация тех преступлений, за которые установлена наказуемость детей, как и уголовная санкция за эти преступления, отнесена к ведению уголовных кодексов». Исходя из этого, он считал, что несовершеннолетние должны нести ответственность за хулиганство, если последнее сопряжено с насилием. Он также считал возможным привлечение к уголовной ответственности 12-летних подростков за кражу, совершенную в форме мошенничества, по ст. 169 УК⁴.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 12, стр. 39.

² См. «Сборник постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924—1944 гг.», Юриздат, 1946, стр. 50.

³ См. «Советская юстиция» 1940 г. № 5, стр. 14.

⁴ См. В. Тадевосян, Пять лет закона «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», «Социалистическая законность» 1940 г. № 5, стр. 18—19; см. его же Борьба за ликвидацию детской преступности в СССР (к десятилетию Закона 7 апреля 1935 г.), «Социалистическая законность» 1945 г. № 5, стр. 7 и след.

Подобная позиция, занятая некоторыми советскими криминалистами, вызвала серьезные и справедливые возражения в нашей литературе. Так, например, проф. В. Д. Меньшагин, точку зрения которого разделяли многие другие советские криминалисты, указывал, что «... такая практика ни в коем случае не может быть признана правильной, так как по Закону 7 апреля 1935 г. несовершеннолетние в указанном возрасте подлежат уголовной ответственности лишь за совершение определенных преступлений, перечисленных в законе. Среди этих преступлений хулиганство не указано, а следовательно, привлечение несовершеннолетних от 12 до 16 лет (до Указа 31 мая 1941 г. возраст несовершеннолетних за все преступления определялся не с 14, а с 16 лет.—В. О.) за хулиганство является прямым нарушением закона. В тех случаях, когда хулиганство сопряжено с совершением тех или иных насилий над личностью, предусмотренных Законом 7 апреля 1935 г., уголовная ответственность лиц от 12 до 16 лет наступает не за хулиганство, а по соответствующей статье о преступлениях против личности»¹.

Приведенная точка зрения находится, на наш взгляд, в соответствии со смыслом Постановления 7 апреля 1935 г., давшим исчерпывающий перечень преступлений, за совершение которых могут нести уголовную ответственность несовершеннолетние, достигшие 12-летнего возраста. Этот перечень не подлежит никакому расширительному толкованию, и его изменение в ту или другую сторону может быть произведено только в законодательном порядке.

Несмотря на обоснованное возражение многих советских криминалистов против расширительного толкования Постановления 7 апреля 1935 г., судебная практика, руководствуясь постановлением 53-го Пленума, в течение длительного времени, вплоть до 1950 года, считала возможным привлекать к уголовной ответственности за хулиганство, сопряженное с насилием или телесными повреждениями, несовершеннолетних с 12-летнего возраста.

В настоящее время в связи с отменой постановления

¹ В. Д. Меньшагин, Преступления против порядка управления, Юриздат, 1938, стр. 59; А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948, стр. 319; В. М. Чхиквадзе, Хулиганство, М., 1939, стр. 11 и след.

53-го Пленума¹ вопрос о недопустимости квалификации действий несовершеннолетних с 12 лет по ст. 74 УК является бесспорным.

Действительно, если исходить из признания, что Постановление 7 апреля 1935 г., устанавливая уголовную ответственность несовершеннолетних с 12 лет, имеет в виду совершение ими преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью, независимо от того, по каким статьям уголовного кодекса будут квалифицированы эти преступления, то это с неизбежностью приведет к искусственному расширению круга преступлений, по которым несовершеннолетние должны будут нести уголовную ответственность с 12-летнего возраста.

В этих случаях несовершеннолетние 12-летнего возраста привлекались бы к ответственности не только за хулиганство, но и, например, за самоуправство, за сопротивление представителям власти и другие преступления, если последние сопровождались насилием над личностью потерпевшего. На самом деле законодатель, устанавливая уголовную ответственность за учинение насилия со стороны несовершеннолетних 12-летнего возраста, ясно подразумевал под этим квалификацию насильственных деяний несовершеннолетних только по соответствующим статьям главы уголовного кодекса о преступлениях против личности.

Исключение составляет лишь ответственность за разбой, который обязательно предполагает учинение физического или психического насилия над личностью. Поэтому здесь не требуется дополнительная квалификация этого насилия по статьям о преступлениях против личности. Разбой сочетает в себе элементы кражи (похищение чужого имущества) и элементы посягательства против личности, сопровождающегося насилием. Поэтому ответственность за разбой наступает с 12-летнего возраста.

Не вызывает какого-либо сомнения в настоящее время и вопрос о возрастном признаке субъекта за все другие имущественные преступления, кроме кражи и разбоя. Ответственность в уголовном порядке за их совершение

¹ См. Постановление Пленума 14 февраля, 3 и 17 марта 1950 г., «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 12, стр. 38—39.

может иметь место только с 14-летнего возраста по действующему законодательству.

Постановление 7 апреля 1935 г. установило уголовную ответственность несовершеннолетних с 12 лет лишь за некоторые преступления не случайно. Сама жизнь наглядно указывала, что именно преступления, перечисленные в указанном Постановлении, являются наиболее характерными и вместе с тем наиболее опасными из всех преступлений, которые обычно совершаются несовершеннолетними.

Понижение минимального возраста уголовной ответственности несовершеннолетних до 12 лет за все другие преступления, не перечисленные в Законе, было бы явно нецелесообразным, поскольку общественная опасность совершенных деяний в этих случаях отражается в сознании несовершеннолетнего с недостаточной полнотой и отчетливостью. Сознание, нравственный облик несовершеннолетнего, умение руководствоваться в своих поступках высшими принципами коммунистической морали формируется не сразу, а постепенно. Каждый год в жизни несовершеннолетнего—это веха в его физическом и нравственном формировании, в росте его сознания.

Несовершеннолетние в возрасте 12—14 лет уже не дети, но вместе с тем они еще и не взрослые, хотя часто очень стремятся ими казаться. Возраст в 12—14 лет является одним из самых ответственных периодов в жизни несовершеннолетних. В эти годы происходит осознание несовершеннолетними своей личности.

Как указывал еще И. М. Сеченов, у несовершеннолетних подросткового возраста все чаще «в основу действия кладутся уже не одни чувственные побуждения, но мысль и моральное чувство; само действие получает через это определенный смысл и становится поступком»¹. Поэтому очень важно установить минимальный предельный возраст уголовной ответственности несовершеннолетних, так как это имеет принципиальное значение.

В советском уголовном праве при установлении возрастного признака субъекта преступления всегда учитывалось и учитывается возможность человека разбираться в объективной действительности и сознательно руково-

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, М., 1947, стр. 268.

дить своими действиями. Именно поэтому советское уголовное законодательство, понижая в 1935 году возраст, с которого наступает уголовная ответственность, исключило последнюю в отношении лиц моложе 12-летнего возраста¹.

Объясняется это прежде всего тем, что малолетние до 12-летнего возраста не обладают еще тем уровнем развития физических и духовных способностей, который позволял бы им сознательно относиться к своим поступкам, отдавать отчет в своем поведении и управлять им, правильно понимать и руководствоваться требованиями законов Советского государства и правил социалистического общежития. Недооценка этого обстоятельства отдельными работниками суда и прокуратуры приводила иногда, вопреки закону, к недопустимому осуждению в уголовном порядке малолетних до 12-летнего возраста.

Так, например, М. был осужден народным судом по п. «а» ст. 206 УК Азербайджанской ССР за то, что он совершил кражу у гражданина З. Имевшейся в деле метрической выписью подтверждалось, что М. родился 3 февраля 1928 г., и во время совершения им преступления 7 июля 1939 г. ему было 11 лет 4 месяца и 4 дня. В силу этого следует признать, что М. был привлечен к ответственности и осужден народным судом в уголовном порядке неправильно, поскольку в момент совершения кражи ему не исполнилось 12 лет².

По другому конкретному делу Пленум Верховного Суда СССР в определении от 1 августа 1952 г. также указал: «Дело в отношении К. подлежит прекращению, так как из приобщенной к протесту копии свидетельства о рождении К. видно, что он родился 27 июня 1936 г. и, таким образом, к моменту совершения преступления (хищения государственного имущества) не достиг 12-лет-

¹ Из тех же соображений исходит уголовное законодательство стран народной демократии, устанавливая уголовную ответственность за совершение преступлений лишь с определенного возраста, применительно к особенностям данной страны. См. Уголовные Кодексы Чехословацкой Республики (§ 10), Венгерской Народной Республики (§ 9), Народной Республики Албании (ст. 6), Народной Республики Болгарии (ст. 14).

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР 1940 г.», Юриздат, 1941, стр. 206.

него возраста, ввиду чего в силу ст. 12 УК РСФСР не может нести уголовной ответственности за свои действия»¹.

Несмотря на определенные недостатки в деле организации борьбы с преступностью несовершеннолетних, несмотря на то, что вторая мировая война затормозила успешно начатый у нас процесс ликвидации беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних, Советский Союз в настоящее время имеет значительные достижения в этой области.

Так, в 1955 году в СССР удельный вес несовершеннолетних до 18-летнего возраста среди всех привлеченных к уголовной ответственности за все виды преступлений составил всего лишь 5,6%, а в 1956 году—5,2%. Удельный вес подростков в возрасте до 16 лет в общем числе привлеченных к уголовной ответственности в СССР за те же годы составил в 1955 году—1,2%, а в 1956 году—всего 1%².

В отличие от капиталистических государств, в Советском государстве забота о подрастающем поколении поднята на высоту конституционного принципа—принципа государственной охраны прав и интересов детей. Конституция СССР охрану детей ставит на уровень задач первостепенной важности.

За последние годы Советское государство провело в жизнь ряд мероприятий по улучшению положения женщин-матерей и подрастающего поколения: значительно увеличен отпуск по беременности и родам, увеличены пенсии семьям рабочих и служащих, потерявших кормильца, созданы школы-интернаты, сокращен рабочий день подростков и др.

К услугам детей у нас предоставляются многочисленные внешкольные детские учреждения: дворцы и дома пионеров, детские парки и городки, детские экскурсионные туристические станции, станции юных техников, детские железные дороги и т. п. Весь этот комплекс мероприятий Советского государства в значительной степени и предопределяет успехи Советского Союза в деле предупреждения детской и юношеской преступности.

¹ «Социалистическая законность» 1952 г. № 11, стр. 93.

² См. Р. А. Руденко, Речь на VI сессии Верховного Совета СССР, «Известия» 13 февраля 1957 г.

Однако чем же объясняется то обстоятельство, что известный процент преступлений, падающий на несовершеннолетних, все еще существует в нашей стране?

Каковы причины этого отрицательного явления в нашей общественной жизни в настоящее время?

Как уже указывалось, повышение материального благосостояния нашего народа, государственная помощь многодетным семьям, расширение сети детских домов и т. д. создают материальные предпосылки для устранения причин преступности несовершеннолетних. Поэтому не голод, и не материальная нужда толкают отдельных наших подростков на совершение некоторых корыстных преступлений, в частности краж.

Практика показывает, что в основе краж, совершаемых несовершеннолетними, лежат совершенно другие мотивы. В отличие от взрослых несовершеннолетние совершают кражи, как правило, без заранее обдуманного намерения, их кражи имеют очень много общего с озорством, часто со стремлением показать свою «храбрость» перед сверстниками и т. п.

Так, например, в одном случае были осуждены за хищение государственного и личного имущества граждан подростки Д., Н., Л. Все трое были признаны виновными в том, что совершили хищение мороженого на 100 рублей и в тот же день у жильцов одного дома похитили 22 литра керосина, лопату, топор, ведро, бидон, хозяйственную сумку и другие предметы. Все похищенное было доставлено в так называемый «штаб» для общего пользования всех участников штаба.

Этот штаб, в который входило около 14 человек, был организован учащимися школы для проведения различных игр. Так как для организации отдельных игр ребятам необходимы были некоторые хозяйственные предметы, осужденные подростки и похитили эти предметы, взяв попутно и совсем не нужные им вещи. Сам факт совершения мелкого хищения, вся обстановка совершения «преступления» говорит о том, что в данном случае перед судом предстали подростки, не представляющие опасности для общества. В основе их поведения лежали озорные необдуманные поступки. Поэтому Верховный

Суд РСФСР определением от 11 мая 1956 г. прекратил дело и передал осужденных родителям для воспитания и надзора¹.

Из простого детского любопытства и озорства нередко совершаются не только кражи, но и другие преступления. В качестве примера может служить следующий случай из судебной практики. Ярославским областным судом были осуждены в числе других к лишению свободы Г. 13 лет и З. 14 лет за то, что они принимали участие в изнасиловании. Их участие в этом преступлении выразалось лишь в том, что они наблюдали за появлением прохожих и предупреждали об этом непосредственных организаторов и исполнителей преступления. Материалами дела также было установлено, что Г. и З. сами никого не насиловали, а оказались соучастниками этого преступления исключительно из простого любопытства и озорства.

Учитывая указанные обстоятельства и возраст осужденных, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР прекратила дело в отношении Г. и З.².

Одной из основных причин совершения преступлений несовершеннолетними в СССР является безнадзорность. Безнадзорные дети—это дети, которые имеют родителей, но их родители в силу некоторых причин не в состоянии воспитывать своих детей или же недобросовестно относятся к своим родительским обязанностям. Беспризорность, как основная причина, ранее порождавшая преступность среди несовершеннолетних, в настоящее время практически ликвидирована.

Существующие еще в настоящее время в нашей стране беспризорники—это в основном подростки, сами ушедшие из детских домов, детских колоний или из семей, которыми они были взяты на воспитание в порядке опеки и патронирования.

Указанных детей по существу нельзя считать беспризорными, так как они лишь временно являются таковыми и обычно очень скоро выявляются и вновь устраиваются в соответствующие детские учреждения или отдельные семьи.

¹ См. Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 25—д 6—35.

² См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 1926—у.

Жизнь со всей очевидностью доказывает, что большая часть подростков, совершающая преступления в возрасте 16—17 лет, является в настоящее время не беспризорными, а именно безнадзорными, ставшими таковыми по вине родителей или вследствие ненормальных условий, сложившихся в семье.

Так, например, народным судом Ванского района Грузинской ССР был осужден А. 13 лет, за то, что он совершил кражу продуктов у своих родственников. Верховный суд Грузинской ССР оставил обвинительный приговор в силе. Из материалов данного дела видно, что осужденный проживал со своей неродной матерью, которая постоянно его притесняла. Мачеха систематически запирала от него все продукты и это, естественно, вынуждало подростка добывать себе продукты и некоторые вещи тайно. Будучи предоставленным самому себе, А. совершил кражу сыра и немного муки у своих родственников. При наличии таких данных, у суда не было никаких оснований лишать свободы подростка А. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, учтя конкретные обстоятельства, поступила правильно, вовсе прекратив дело в отношении А.¹

Одной из существенных причин преступности среди несовершеннолетних в нашей стране является отсутствие надлежащего контроля и надзора за поведением подростков со стороны отдельных родителей.

Многие несовершеннолетние лишены своих отцов в результате второй мировой войны, а матери, занятые на производстве, не всегда в состоянии осуществлять повседневный надлежащий контроль за их поведением. Кроме того, часть родителей безответственно относятся к своим обязанностям по воспитанию своих детей и подготовке их к общественно полезному труду, подчас прививая им элементы праздности, эгоизма, лживости, лодырничества и распущенности. Иногда дети из таких семей оставляют школу с ведома родителей, нигде не работают, употребляют спиртные напитки и почти ничем не интересуются. Чаще всего совершают преступления именно подростки, выросшие в таких семьях.

Причиной такого наиболее распространенного среди несовершеннолетних 16—17-летнего возраста преступления, как хулиганство, зачастую является употребление

¹ См. Архив Верховного Суда СССР, 1954.

ими спиртных напитков. Виновниками в таких случаях бывают и отдельные взрослые, которые сами нередко вовлекают подростков в пьянство.

Одной из причин, способствующих возникновению преступности среди несовершеннолетних в нашей стране, в отдельных случаях являются и недостатки в воспитательной работе среди молодежи, которые допускаются школой и некоторыми общественными организациями. Наши комсомольские, пионерские и профсоюзные организации еще не всегда умеют организовать досуг молодежи так, чтобы он был интересным, завлекательным и в то же время воспитывал у наших юношей и девушек необходимые гражданские качества.

В отдельных районах еще плохо поставлена культурно-массовая и спортивная работа среди молодежи. Слабо поставленная воспитательная работа, плохая организация досуга молодежи и приводит к тому, что часть молодежи, предоставленная самой себе, начинает пьянствовать. А пьянство — это путь, который чаще всего ведет к преступлениям.

Не всегда должным образом выполняет свои обязанности по воспитанию учащихся и школа. Еще нередко можно встретить в некоторых школах бездушное отношение к так называемым «трудным» ученикам. В таких школах не только не помогают им исправиться, но, не желая слишком утруждать себя воспитанием таких детей, за малейшую шалость или провинность просто отправляют их с запиской к родителям, требуя принять соответствующие меры. Ученики же в таких случаях записок домой не приносят, а начинают обманывать родителей и школу, большую часть времени находятся на улице, где встречают «сочувствующих» среди более старшего возраста, которые берут их под свое влияние и подчас доводят до преступления.

На существование в нашей стране преступности среди несовершеннолетних оказывают влияние и недостатки в работе отдельных органов юстиции. Органы прокуратуры, например, не всегда и не везде обеспечивают должный систематический надзор за выполнением различных советских законов по охране прав и интересов несовершеннолетних.

Суды при рассмотрении дел о несовершеннолетних еще не всегда учитывают индивидуальные особенности

подсудимых, условия их жизни и воспитания в семье, не выясняют обстановку и причины совершения ими преступления. Это приводит к назначению или чрезмерно сурового, или необоснованно мягкого наказания. Между тем ни то, ни другое не может способствовать эффективной борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Одним из народных судов г. Рязани был осужден по ч. 2 ст. 192-а УК В. 1931 года рождения, за проживание в течение года без паспорта и прописки. 14 декабря 1948 г. он был оштрафован на 50 рублей. Однако этого штрафа он не заплатил и продолжал проживать без прописки и паспорта. Осужденный и на предварительном следствии и в суде заявлял, что его возраст в деле указан неправильно, так как в действительности он 1932 года рождения, а не 1931. В. ходатайствовал об истребовании свидетельства об его рождении. Хотя проверка заявления В. о том, что он родился в 1932, а не в 1931 году, имела существенное значение для правильного разрешения дела, суд оставил ходатайство обвиняемого без внимания. Не было учтено и то, что В. круглый сирота и что о нем, как о подростке, оставшемся без родителей, обязаны были позаботиться органы милиции. Последние же вместо этого оштрафовали его за «нарушение паспортного режима» и возбудили дело. Суд осудил В., тогда как он обязан был в данном конкретном случае проверить его заявление, а в отношении работников милиции, бездушно отнесшихся к подростку и наложивших на него штраф, вынести частное определение о их наказании¹.

Правильно организованный судебный процесс играет воспитательную роль как для подсудимого, так и для других лиц. Однако судебные процессы по делам несовершеннолетних у нас проводятся еще не всегда организовано и хорошо. В частности, суды не всегда обеспечивают несовершеннолетнему активное участие в судебном процессе, полагаясь всецело на адвоката. Пассивное поведение подростка в судебном процессе не способствует точному выяснению всех обстоятельств совершения им преступления.

Иногда бывает и так, что стороны в процессе настолько увлекаются перекрестным допросом несовершеннолет-

¹ См. Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 02/4782—у.

него, находящегося на скамье подсудимых, что он от усталости готов положительно отвечать на любые вопросы и защитника и прокурора лишь бы добиться быстрого окончания тягостной для него обстановки.

В Московском городском суде, например, в декабре 1956 года слушалось дело 13 подростков в возрасте от 15 до 18 лет по обвинению в хищении личной собственности граждан. Так называемый «вожак» этой группы в возрасте 16 лет допрашивался весьма продолжительное время. В конце дня все 13 защитников буквально засыпали его вопросами, которые неоднократно повтрялись и задавались монотонным голосом. В результате такого «допроса» подросток настолько устал, что сбивался, путался и по существу перестал понимать смысл задаваемых ему вопросов и своих же ответов. Совершенно очевидно, что такого рода судебные процессы не могут выполнить своего назначения.

В отношении несовершеннолетних у нас широко применяется условное осуждение. Однако суды и общественные организации не всегда осуществляют контроль над условно осужденными, а школы, желая избавиться от трудностей, связанных с воспитанием ученика, имеющего такую судимость, нередко препятствуют возвращению его в школу после суда. Часто и родители условно осужденного подростка не уделяют должного внимания его воспитанию и контролю за его поведением.

Встречаются факты, когда родители подростка не только не вызываются в суд, но даже и не знают, что их сын или дочь осуждены условно.

Иногда не вполне энергично борются с хулиганством и озорством на улицах и других общественных местах работники милиции. Имеются некоторые недостатки в постановке учебно-воспитательной работы и в трудовых воспитательных колониях для несовершеннолетних, о которых неоднократно сообщалось в нашей правовой печати.

Вот те причины в их совокупности, которые в условиях нашей страны способствуют распространению некоторых видов преступления среди известной части несовершеннолетних.

Какими же методами и способами ведется борьба с преступностью среди несовершеннолетних в настоящее время?

В борьбе с преступностью несовершеннолетних основное внимание обращается прежде всего на предупреждение возникновения преступлений среди них.

С этой целью соответствующие организации и учреждения, непосредственно осуществляющие охрану прав интересов детей, должны направлять свои усилия на борьбу с беспризорностью и безнадзорностью—этими главными источниками, порождающими преступность среди несовершеннолетних.

В нашей стране созданы школы—интернаты, в которых имеются все условия, способствующие всестороннему общему и политехническому образованию учащихся, воспитанию у них высоких моральных качеств и подготовке их к практической деятельности в различных отраслях народного хозяйства. В 1960 году в таких школах-интернатах будет обучаться не менее 1 млн. воспитанников: детей-сирот и детей, родители которых не в состоянии дать им необходимое воспитание в домашних условиях. Политехнизация школы играет большую роль в деле приобщения подростков к трудовой деятельности, в подготовке их к активному участию в строительстве коммунизма.

Большое значение имеет привлечение общественности к организации досуга молодежи и подростков. Положительную роль в этом играют созданные у нас по инициативе трудящихся родительские комитеты и молодежные штабы при многих домоуправлениях. Эти комитеты и штабы организуют культурный отдых и развлечения подростков непосредственно во дворах своих домов.

Воспитательно-предупредительное воздействие на подростков может оказать посылка приговоров в отношении несовершеннолетних в школы, пионерские и комсомольские организации, домоуправления и их обсуждение.

В борьбе по предупреждению преступности несовершеннолетних большую силу имеет периодическая печать и стенные газеты, мобилизующие общественное мнение и создающие обстановку нетерпимости вокруг совершения преступлений.

Так, например, большое воспитательно-предупредительное воздействие оказывают на молодежь вывешиваемые на наиболее людных улицах города сатирические га-

зеты под названием «Сквозняк», «Подзатыльники», «Клещи», «Колючки» и т. д., которые остро и метко бичуют хулиганов.

В некоторых городах перед началом сеансов в клубах и кинотеатрах демонстрируются световые газеты, показывающие фотокарикатуры на нарушителей общественного порядка.

В предупреждении преступлений несовершеннолетних важное значение имеет такая форма воспитательной работы, как проведение открытых судебных процессов в рабочих и колхозных клубах, общежитиях, выезды судебно-прокурорских и милицейских работников на места с докладами и лекциями, связанными с теми или иными судебными процессами, проведение ими бесед на местах с родителями и педагогами по вопросам воспитания молодежи и т. д.

Большую помощь по предупреждению преступлений оказывают комсомольские организации. Тысячи комсомольцев у нас организованы в бригады содействия милиции, составляя огромную силу, которая во время патрулирования по городам и селам страны пресекает на местах любые случаи нарушения общественного порядка. Этой же цели служит и систематическое проведение комсомольских рейдов.

Нельзя сказать, что уже все сделано для ликвидации преступности среди несовершеннолетних в нашей стране. Предстоит еще многое сделать, чтобы добиться окончательной ликвидации преступности среди нашего подрастающего поколения. Однако нет сомнения в том, что с течением времени важная и благородная задача полной ликвидации в СССР преступности среди несовершеннолетних будет успешно разрешена.

В современных условиях расцвета Советского государства, роста его экономического и политического могущества, повышения материального и культурного уровня всего советского народа становится нецелесообразным сохранять уголовную ответственность за отдельные преступления с 12-летнего возраста.

Неустанная забота партии и правительства о подрастающем поколении, большая воспитательная работа, проводимая с детьми с раннего возраста, самым положительным образом сказывается на поведении молодежи.

Благодаря правильному воспитанию, росту образова-

ния и культуры наша молодежь в большинстве своем занимается общественно полезной деятельностью.

Только незначительная часть молодежи под влиянием различных причин становится на неправильный путь и начинает совершать те или иные преступные деяния. Но и среди этой части молодежи с каждым днем все меньше и меньше встречается подростков в возрасте 12—14 лет.

В настоящее время случаи осуждения несовершеннолетних 12—14-летнего возраста в уголовном порядке чрезвычайно редки в судебной практике. Все это убедительно говорит об огромных достижениях Советского государства в ликвидации детской преступности.

Сейчас в стране нет тех условий, в которых более 20 лет назад был издан Закон 7 апреля 1935 г., установивший уголовную ответственность несовершеннолетних за наиболее опасные преступления с 12-летнего возраста.

Поэтому есть основания считать, что у нас в стране созданы все возможности к тому, чтобы полностью отменить уголовную ответственность несовершеннолетних в возрасте от 12 до 14 лет за все преступления, установив эту ответственность лишь для лиц в возрасте от 14 до 16 лет за определенный, строго ограниченный законом круг преступлений. К этим преступлениям можно отнести, например, умышленное убийство, умышленные тяжкие и легкие телесные повреждения с расстройством здоровья, бандитизм, разбой, кражу государственного, общественного и личного имущества граждан, злостное хулиганство. За все другие преступления ответственность, по нашему мнению, должна быть установлена с 16-летнего возраста.

В отношении редких случаев совершения преступлений несовершеннолетними в возрасте от 12 до 14 лет в новых условиях вполне достаточно ограничиться мерами воспитательного воздействия. Все внимание должно быть нацелено на работу по предупреждению преступлений со стороны несовершеннолетних. В этом большую роль должна играть вся советская общественность, располагающая такой силой коллективного воздействия, которая превосходит все возможности судебно-прокурорских органов и милиции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Специальными субъектами преступления в теории советского уголовного права именуется субъекты, обладающие не только вышерассмотренными общими свойствами всех субъектов преступления, но и характеризующиеся дополнительно особыми, лишь им присущими качествами.

Существование в советском уголовном праве особого понятия—специальный субъект преступления, наряду с общим понятием субъекта преступления, обусловлено спецификой отдельных видов преступлений, совершение которых возможно только в связи с определенной деятельностью людей, в связи с выполнением возложенных на них законом определенных обязанностей. Поэтому, устанавливая уголовную ответственность за некоторые преступления, законодатель предусматривает в качестве их субъекта в отличие от всех других преступлений не вообще любого человека, способного совершить преступление, а лишь человека, наделенного по закону особыми свойствами или признаками.

В действующем советском уголовном законодательстве имеется значительное количество норм, содержащих специальные указания на ограничение возможных субъектов определенных преступлений специальными субъектами. К ним относятся, например, нормы, устанавливающие уголовную ответственность за должностные, воинские преступления, за нарушение трудовой дисциплины на транспорте, за обмеривание и обвешивание потребителей, за неоказание медицинской помощи без уважительных причин и другие.

Выделение особого понятия специальных субъектов преступления связано прежде всего с тем, что на определенный круг людей Советское государство возлагает обязанности, сознательное невыполнение или недобросове-

стное выполнение которых в ряде случаев может повлечь за собой тяжелые последствия.

Такие ответственные обязанности возложены, например, на должностных лиц советского государственного аппарата. Работники государственного аппарата непосредственно проводят в жизнь директивы партии и правительства по управлению Советским государством и социалистическим народным хозяйством. Они призваны обеспечивать нормальную, четкую работу государственных учреждений, предприятий и общественных организаций. Без четкой и правильной работы Советского государственного аппарата невозможно последовательное осуществление хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции государства. Без нормальной работы Советского государственного аппарата немыслимо укрепление обороноспособности нашей страны. Именно поэтому работники Советского государственного аппарата—должностные лица, обязаны быть образцом высокой требовательности к себе, строго соблюдать государственную дисциплину и социалистическую законность.

Использование работниками государственного аппарата своего служебного положения в преступных целях дезорганизует нормальную работу в отдельных звеньях государственного аппарата, нарушает общественные и личные интересы советских граждан. Все это обуславливает повышенную общественную опасность преступных действий, совершаемых работниками государственного аппарата, и вызывает необходимость установления за их совершение особой, повышенной ответственности.

По аналогичным мотивам установлена особая ответственность по советскому уголовному законодательству военнослужащих и работников транспорта за совершение общественно опасных действий по службе. На них так же, как и на работников Советского государственного аппарата, возлагаются особые обязанности в определенной сфере их деятельности.

Советские вооруженные силы имеют особое назначение: они призваны обеспечить защиту социалистической родины от нападения любого врага. В вооруженных силах в силу их особого назначения установлены свои специфические условия жизни, быта и деятельности. Служба в советских вооруженных силах возлагает на военнослужащих особые по своей природе и важности обязанности.

К военнослужащим предъявляются высокие требования строгого и беспрекословного соблюдения воинской дисциплины. От соблюдения железной воинской дисциплины каждым военнослужащим зависят мощь и крепость советских вооруженных сил. Интересы обороноспособности Советского государства, укрепления могущества и боеспособности вооруженных сил требуют установления повышенной ответственности за преступное нарушение воинской дисциплины со стороны любого военнослужащего. В связи с этим законодатель и выделяет отдельную группу воинских преступлений, посягающих на обороноспособность страны, боеспособность вооруженных сил и порядок несения воинской службы.

В жизни нашей страны, занимающей огромную территорию, исключительно важное народнохозяйственное значение имеют все виды транспорта. Транспорт связывает в единое хозяйственное целое различные области и экономические районы страны. Без хорошо налаженного транспорта невозможно нормальное функционирование социалистического хозяйства. От состояния и работы транспорта в значительной мере зависит обороноспособность Советского государства. Учитывая все это, Советское государство предъявляет к работникам транспорта особо повышенные требования.

Нарушение работниками транспорта дисциплины и порядка на транспорте может дезорганизовать работу последнего, привести к срыву плана перевозок, к авариям, к нарушению графика движения, к несчастным случаям с людьми и т. д. Поэтому законодатель особо и выделяет в качестве специальных субъектов преступного нарушения трудовой дисциплины именно работников транспорта и устанавливает для них повышенную ответственность.

Повышенные требования предъявляются к медицинским, торговым и другим работникам, а также отдельным гражданам, на которых возложены специальные обязанности. Невыполнение возложенных на них обязанностей нередко может влечь за собой серьезное нарушение законных прав и интересов граждан.

Этим объясняется выделение рассматриваемой категории субъектов преступления и установление в отношении их особой ответственности по советскому уголовному законодательству.

Точное установление в каждом конкретном случае свойств и признаков, характеризующих специальных субъектов преступления, составляет необходимое условие для правильного применения уголовного закона, так как в целом ряде случаев свойства субъекта преступления, его особые качества, оказывают решающее влияние на квалификацию преступлений.

Поэтому правильное уяснение понятия специального субъекта преступления по советскому уголовному праву, четкое определение тех специфических свойств и качеств, которые отличают его от иных, не специальных субъектов преступления, имеет большое теоретическое и особенно практическое значение.

* * *

Одной из важнейших составных частей общей проблемы специального субъекта преступления по советскому уголовному праву является вопрос о субъекте должностных преступлений.

Должностные преступления представляют непосредственную опасность для правильной деятельности советского государственного аппарата, перед которым стоят задачи огромной исторической важности. Борьба с преступными посягательствами на нормальное функционирование государственного аппарата, как и борьба с другими опасными преступлениями, должна находиться в сфере постоянного внимания судебно-прокурорских органов. Успешность этой борьбы в значительной мере зависит от правильного применения норм уголовного права, предусматривающих ответственность за должностные преступления.

Чтобы не допускать нарушения требований социалистической законности в этом случае и правильно применять указанные нормы, необходимо иметь четкое представление не только об объективных свойствах соответствующих должностных преступлений, но и точно определить круг лиц, могущих быть признанными субъектами данных преступлений. Для этого требуется прежде всего уяснить понятие должностного лица в советском праве, без чего невозможно разрешить вопрос о субъекте специальной группы должностных преступлений.

Разрешение вопроса о круге лиц, могущих нести уголовную ответственность за должностные преступления,

неотделимо от разрешения проблемы понятия должностного лица в советском праве.

В теории советского права и судебной практике эта проблема до настоящего времени остается одной из самых спорных проблем, несмотря на наличие определения понятия должностного лица, данного в советском уголовном законодательстве.

Спорным в советской правовой литературе является, в частности, вопрос о том, может ли понятие должностного лица быть единым для всего социалистического права в целом или же каждая отрасль социалистического права, взятая в отдельности, должна вырабатывать свое особое понятие должностного лица?

Правильно, как нам представляется, разрешают этот вопрос те криминалисты и представители других отраслей советского социалистического права, которые считают, что понятие должностного лица должно быть единым для всех отраслей советского права. Этой точки зрения придерживаются такие авторы, как Ц. А. Ямпольская¹, В. Ф. Кириченко², Н. П. Кучерявый³, А. Б. Сахаров⁴ и другие.

Действительно, если встать на точку зрения различного понимания должностного лица для отдельных отраслей советского права, значит по существу отрицать единство всей системы советского права как совокупности различных ее отраслей. Между тем социалистическая система права едина, а в единой системе не может быть различного толкования институтов и понятий, общих для всех отраслей советского права. Это, конечно, не означает, что различные отрасли советского права

¹ См. Ц. А. Ямпольская, О должностном лице в советском государственном аппарате, Сборник «Вопросы советского административного права», М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 134.

² См. В. Ф. Кириченко, О субъекте должностных преступлений, «Советское государство и право» 1956 г. № 2, стр. 89; его же, Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы), М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 23.

³ Н. П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество, Госюриздат, 1957, стр. 105 и сл.

⁴ См. А. Б. Сахаров, Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1956, стр. 79 и сл.

вообще не должны изучать специфические стороны общих понятий применительно к особенностям и задачам именно конкретной отрасли права, взятой в отдельности.

Каждая отрасль единого социалистического права, в соответствии со стоящими перед ней задачами, изучает прежде всего те стороны общего понятия, которые наиболее существенны для данной отрасли права и в то же время не придает особого значения другим признакам этого понятия, не представляющим для нее интереса. Это положение в равной мере относится и к такому общему понятию для различных отраслей социалистического права, как понятие должностного лица.

Так, например, для уголовного права важно уяснение понятия должностного лица лишь в плане установления особой ответственности этой категории лиц за причинение вреда правильной деятельности советского государственного аппарата.

Однако, решая вопрос о понятии должностного лица в указанном аспекте, советское уголовное право вместе с тем в определении должностного лица отражает тот минимум основных признаков или свойств, который присущ всем должностным лицам, независимо от того, выступают ли они в качестве субъекта должностных преступлений или в качестве субъекта административного или трудового правоотношения. Без определенного минимума основных свойств или признаков, как нам представляется, не может быть и самого понятия должностного лица в любой отрасли социалистического права. Этот минимум основных свойств является общим и необходимым в определении должностного лица для всех без исключения отраслей социалистического права. Разница в определении понятия должностного лица в различных отраслях права состоит лишь в том, что каждая отрасль права к общему минимуму основных свойств или признаков должностного лица добавляет свои специфические особенности, исходя из характера регулируемых ими правоотношений.

В области уголовного права установление определенного минимума основных свойств должностного лица позволяет ограничить эту группу работников государственного аппарата от работников иной категории и тем самым решать вопрос о субъекте должностных преступлений, так как именно работник, обладающий миниму-

мом свойств или признаков должностного лица, вследствие преступного отношения к исполнению своих служебных обязанностей, может совершать деяния, нарушающие правильную деятельность советского государственного аппарата.

В этой связи нельзя согласиться с утверждением некоторых советских административистов и криминалистов, считающих, что «уголовное право имеет в виду не определение понятия должностного лица (его прав и обязанностей и всего его статуса в целом), а лишь установление возможности повышенной ответственности для лиц, выполняющих функции, важные для государства»¹, или, что «уголовное право имеет дело с должностным лицом не в том понимании, в каком это понятие трактуется наукой административного права»². Понятие должностного лица в основных его свойствах или признаках должно быть единым для всего советского права в целом. Как правильно указывает Н. П. Кучерявый, «какой бы отраслью науки определение должностного лица не давалось, оно должно содержать в себе все необходимые, общие для данного правового понятия признаки»³.

Такие общие признаки, имеющие значение для определения понятия должностного лица, установлены непосредственно в законодательстве единственной отрасли социалистического права—в уголовном праве. Определение должностного лица дано в примечании 1 к ст. 109 УК. Это определение должностного лица в своей основе пригодно для всего советского права. В отличие от определений, даваемых другими отраслями права, оно является наиболее полным, так как содержит в себе главные при-

¹ И. И. Евтихийев и В. А. Власов, Административное право СССР, М., 1946, стр. 49; см. также И. И. Евтихийев, Институт государственной службы в советском административном праве, Сборник «Научная сессия, посвященная 20-летию существования ВИЮН», 1946, стр. 17; см. также А. И. Королев, Должностные лица в колхозах, Автореферат канд. диссертации, Л., 1952, стр. 9.

² М. М. Кисенижский, Уголовная ответственность за злоупотребление служебным положением по советскому уголовному праву, Автореферат канд. диссертации, М., 1951, стр. 22.

³ Н. П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, Автореферат канд. диссертации, М., 1954, стр. 9.

знаки понятия должностного лица, хотя быть может, эти признаки выражены в законе недостаточно четко.

В нашей литературе можно встретить многочисленные, порой противоположные одно другому высказывания, посвященные понятию должностного лица.

Многие криминалисты и частично административисты, аргументируя свои взгляды, отождествляют понятие должностного лица по существу с понятием служащего. С их точки зрения все служащие государственных или общественных учреждений, предприятий или организаций, независимо от наименования занимаемой должности, объема и характера выполняемых по службе функций, в равной мере являются должностными лицами¹.

Подобная широкая трактовка понятия должностного лица в советском праве вызывает справедливое возражение со стороны целого ряда других советских юристов². Есть основание согласиться с мнением тех советских юристов, которые считают недопустимым отождествление любого служащего советского государственного аппарата³ с должностным лицом. Всякое должностное лицо, занимающее должность в советском государственном ап-

¹ См. Г. Р. Смолицкий, Должностные преступления, Юридат 1947, стр. 4—5; М. А. Гельфер, Вопросы Особенной части уголовного права в практике Верховного Суда СССР, Юридат, 1948, стр. 10—11; Б. С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях, Юридат, 1948, стр. 384; М. И. Блумс, Ответственность за преступную халатность по советскому уголовному праву, Автореферат канд. диссертации, М., 1951, стр. 18; С. Г. Закутский, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, Автореферат канд. диссертации, Ташкент, 1952, стр. 15; И. И. Евтихийев, Институт государственной службы в советском административном праве, Сборник «Научная сессия, посвященная 20-летию существования ВИЮН», 1925—1945 гг. Тезисы докладов, М., 1946, стр. 17.

² См. «Социалистическая законность» 1937 г. № 5, стр. 47; В. Ф. Кириченко, Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы), М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 37; А. Б. Сахаров, Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву, Госюридат, 1956, стр. 89; И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, М., 1955, стр. 186.

³ Здесь и в дальнейшем изложении имеется в виду в широком смысле понятие советского государственного аппарата, охватывающее не только государственные учреждения, предприятия, но и общественные организации.

парате, относится к государственным служащим, но отнюдь не всякий служащий есть должностное лицо¹.

В. И. Ленин употреблял термин «должностное лицо» не в отношении всех без исключения служащих государственного аппарата, а только в отношении определенной категории работников. В поправках к проекту декрета о взяточничестве В. И. Ленин в 1918 году указывал, что «Лицо, состоящее на государственной или общественной службе в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике (как-то: должностное лицо Советского Правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и т. п. учреждений и организаций или служащие в таковых), виновное в принятии взятки за выполнение действия, входящего в круг его обязанностей, или **содействие в выполнении действия, составляющего обязанность должностного лица другого ведомства, наказывается ...**»².

Советское законодательство в целом ряде норм также проводит строгое разграничение между должностными лицами и остальными служащими государственного аппарата.

Ныне действующее уголовное законодательство, определяя понятие должностного лица в примечании 1 к ст. 109 УК, имеет в виду не всех, а лишь определенную группу служащих государственного аппарата. Этот вывод вытекает непосредственно из анализа примечания 1 к ст. 109 УК. Действительно, согласно указанному примечанию должностными лицами являются не вообще работающие в том или ином учреждении, предприятии или организации, а лишь лица, занимающие должность в советском государственном аппарате. Делая эту оговорку, законодатель, как нам представляется, подчеркивает тот факт, что лица, не занимающие платную или бесплатную, временную или постоянную, выборную или по назначению должность в государственном учреждении, предприятии или организации, не могут рассматриваться в качестве должностных лиц. Но в связи с данной оговоркой возникает другой важный вопрос, могут ли быть

¹ См. Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е, т. 15, стр. 22.

² Ленинский сборник XXI, стр. 224.

признаны должностными лицами все служащие государственных учреждений, предприятий или организаций, в том числе и рядовые, поскольку они формально занимают определенную должность и выполняют те или иные служебные обязанности.

Правильно разрешить этот вопрос помогает сам законодатель, который подсказывает мысль о том, что должностным лицом по смыслу примечания 1 к ст. 109 УК может быть не просто служащий, занимающий ту или иную должность, а лишь выполняющий функции публично-правового характера, возложенные на учреждение, предприятие или организацию. Именно эта категория служащих, наделенная определенными правами и несущая определенные обязанности в осуществлении административно-хозяйственных, оперативно-распорядительных, контрольно-ревизионных, судебных, профессиональных, и иных задач, стоящих перед соответствующими учреждениями, предприятиями или организациями, способна противодействовать нормальной деятельности советского государственного аппарата.

Очевидно, что рядовые служащие, не уполномоченные в силу занимаемой ими формально определенной должности на выполнение функции публично-правового характера, не могут быть отнесены к должностным лицам. Своими действиями по службе они могут причинить тот или иной ущерб учреждению или предприятию, но они не в состоянии непосредственно нарушить их правильную деятельность в направлении выполнения ими задач общегосударственного значения. Было бы неправильно относить всех служащих государственного аппарата к должностным лицам только на том основании, что они формально занимают какую-то должность в учреждении, предприятии или организации. При отнесении той или иной категории служащих к должностным лицам следует исходить не из формального занятия служащим той или иной должности, а из характера фактических полномочий, которыми наделен этот служащий.

Решающим моментом в определении круга должностных лиц среди служащих государственного аппарата является не сам по себе факт выполнения учреждением, предприятием или организацией общегосударственных задач, а фактически выполняемые функции самим служащим в направлении осуществления общегосударствен-

ных задач, стоящих перед данным учреждением, предприятием или организацией.

В советской правовой литературе в настоящее время наметилась тенденция к выделению среди служащих государственного аппарата определенной категории лиц, именуемой должностными лицами, исходя из характера тех функций, которые они непосредственно выполняют по службе. Причем определяющим для этого признаком признается наделение этих лиц оперативно-распорядительными, административно-хозяйственными, контрольно-ревизионными и иными функциями, связанными с совершением юридически значимых действий, влекущих определенные правовые последствия¹.

Эту тенденцию нельзя не признать правильной, так как она исходит не из формальных признаков наименования работника государственного аппарата, а из материального признака—реальной деятельности, из характера фактического выполнения им должностных функций, которые и определяют отнесение данного работника к должностным лицам.

Должностные лица в советском государственном аппарате облечены особым доверием. Они выполняют почетную и ответственную задачу по организации и управлению важными участками социалистического строительства. Им нередко вверяются огромные материальные ценности. От их добросовестного отношения к исполнению своих обязанностей зависит правильное функционирование учреждения, предприятия или организации. Кроме материально-технических операций, должностные лица выполняют целый комплекс административно-правовых актов и других юридических значимых действий судебного, хозяйственного и иного характера. В пределах своей компетенции, в зависимости от занимаемой должности, должностные лица полномочны направлять деятельность подчиненных им по службе лиц; от имени государ-

¹ См. И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, М., 1955, стр. 187; С. С. Студеникин, Советская государственная служба, Сборник «Вопросы советского административного права», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 76—77; Ц. А. Ямпольская, О должностном лице в советском государственном аппарате, стр. 147; Н. П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество, Госюриздат, 1957, стр. 111;

ства осуществлять организацию, контроль, планирование, учет, устанавливать обязательные правила поведения и т. п.¹.

Все эти качества должностных лиц, непосредственно осуществляющих функции, имеющие чрезвычайно важное значение для советского государства, отличают их от тех служащих государственного аппарата, которые не наделяются подобными правомочиями, а являются лишь техническими исполнителями распоряжений вышестоящих должностных лиц.

Многие работники советского государственного аппарата относятся к служащим. Но в отличие от должностных лиц они не обладают особыми полномочиями. Их права и обязанности, в сравнении с правами и обязанностями должностных лиц, носят вспомогательный, главным образом, технический характер.

Наделение должностных лиц особыми полномочиями налагает на них и особую ответственность за выполнение предприятием, учреждением и организацией, в которых они работают, общегосударственных задач. Именно особое доверие и повышенные требования, предъявляемые к должностным лицам, обуславливают их ответственность за преступное отношение к исполнению своих обязанностей, в результате которого наносится ущерб правильной деятельности советского государственного аппарата. Только должностные лица, наделенные функциями публично-правового характера, фактически могут причинять ущерб правильной деятельности советского государственного аппарата в силу злоупотребления властью или служебным положением, превышения власти или бездействия власти, халатного отношения к служебным обязанностям и т. д.

Таким образом, понятие служащего не адекватно понятию должностного лица, так как последним может быть не любой работник советского государственного аппарата, а лишь тот, который уполномочен на выполнение особых функций, связанных с осуществлением данным учреждением, предприятием или организацией стоящих перед ними общегосударственных задач.

В основу определения понятия должностного лица должен быть положен фактический характер выполняе-

¹См. Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е, т. 15, стр. 22.

мых им функций административно-хозяйственного, оперативно-распорядительного, контрольно-ревизионного, судебного, профессионального и иного публично-правового характера. На это, как правило, за исключением некоторых колебаний по отдельным делам, ориентирует судебную практику Верховный Суд СССР, который при определении круга должностных лиц, ответственных за должностные преступления, исходит не из формального занятия служащими должности в государственном аппарате, а из характера выполняемых ими фактически функций по службе¹. Только выяснив специфику работы служащих, объем их работы, пределы прав и обязанностей, можно отнести ту или иную категорию служащих, занимающих должность в государственном учреждении, предприятии или организации, к должностным лицам. Причем полномочия, предоставленные отдельным должностным лицам при осуществлении ими названных функций, могут быть различными. Одни должностные лица могут обладать большими правами и обязанностями по осуществлению общегосударственных задач, другие—меньшими. Это обстоятельство, однако, не играет решающей роли при отнесении служащего к должностным лицам. Оно влияет лишь на степень ответственности должностных лиц за совершенные ими злоупотребления по службе. Для признания служащего должностным лицом важным является общий принцип, что служащий может быть признан должностным лицом только в том случае, если он выполняет функции административного, оперативно-распорядительного, хозяйственного, контрольно-ревизионного и иного характера.

Верховным Судом СССР, а также другими судами в разное время были признаны должностными лицами: объездчик колхоза, обменщик почты, фельдшер, секретарь народного суда, старший чабан, весовщик железнодорожной станции, багажный раздатчик, ответственный приемщик скота, заготовщик сельскохозяйственных продуктов, буфетчик, продавец магазина, инструментальщица мостопоезда, машинист вагонного депо,

¹ См. «Социалистическая законность» 1935 г. № 5, стр. 58; «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 17; «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.», Юриздат, 1948, стр. 29.

дежурный врач скорой помощи, учетчик тракторной бригады и т.д.

Все эти лица, независимо от наименования занимаемой ими должности, так же как и лица, занимающие более ответственные должности в советском государственном аппарате, наделены в той или иной степени определенными полномочиями, выполняют известные административные, хозяйственные, оперативно-распорядительные и другие функции. В пределах предоставленных им полномочий они способны совершать те или иные злоупотребления по службе и поэтому нести ответственность за свои действия как должностные лица.

Наоборот, лица, лишённые полномочий по осуществлению административных, хозяйственных, контрольно-ревизионных, оперативно-распорядительных и иных служебных функций, не могут быть признаны должностными лицами в смысле примечания 1 к ст. 109 УК.

С этой точки зрения к должностным лицам нельзя отнести, например, служащих из числа обслуживающего персонала, как-то: уборщиц, лифтеров, швейцаров, истопников, курьеров, машинисток, вахтеров, дворников, охранников и т. п.

Перечисленная категория служащих может работать в различных государственных учреждениях и организациях, но их деятельность носит подсобный характер и непосредственно не связана с выполнением общегосударственных задач, возложенных на учреждение, предприятие или организацию, в которых они работают. Как бы ни была важна их работа для учреждения, предприятия или организации, она по своему характеру не может отражать специфики тех учреждений, предприятий и организаций, где они формально занимают определенную должность.

Деятельность технических служащих, исполняющих подсобные работы, не связана с управлением какой-либо областью социалистического строительства, с выполнением ими тех или иных административных, хозяйственных, оперативных и других функций служебного характера. Поэтому они не могут быть признаны должностными лицами в смысле примечания 1 к ст. 109 УК. Совершая общественно опасные деяния при исполнении своих трудовых обязанностей, технические служащие

посягают не на правильную деятельность государственного аппарата, а на другие объекты.

В литературе по вопросу об отнесении технических служащих к должностным лицам высказаны противоречивые мнения. Одни криминалисты относят технических служащих к должностным лицам¹, другие—считают такое мнение ошибочным². Имеются колебания в решении рассматриваемого вопроса и в судебной практике. Верховный Суд СССР в одних случаях признает технических служащих ответственными по статьям о должностных преступлениях³, в других—не считают их должностными лицами⁴.

По изложенным выше соображениям технические служащие, по нашему мнению, не являются должностными лицами. Причинить ущерб правильной деятельности советского государственного аппарата могут только те злоупотребляющие своим служебным положением служащие, которые осуществляют функции публично-правового характера. Технические служащие за злоупотребление при исполнении своих трудовых обязанностей должны нести ответственность на общих основаниях с недолжностными лицами.

Практически вопрос о признании технических служащих должностными лицами должен возникать только в том случае, когда они фактически исполняют обязанности должностного лица. В литературе этот вопрос

¹ См. Б. С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*, Юриздат, 1948, стр. 381; М. И. Блумс, *Ответственность за преступную халатность по советскому уголовному праву*, Автореферат канд. диссертации, М., 1951, стр. 18.

² См. А. Б. Сахаров, *Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву*, Госюриздат, 1956, стр. 93 и сл.; Б. В. Здравомыслов, *Должностные преступления*, М., 1956, стр. 28 и сл.; Н. П. Кучерявый, *Ответственность за взяточничество*, Госюриздат, 1957, стр. 119—120.

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1945 г., вып. VII; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1946 г., вып. I, стр. 12—13; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 9, стр. 22; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 18.

⁴ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1944 г., вып. II, стр. 12; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1946 г., вып. VIII, стр. 9.

решается положительно целым рядом советских криминалистов¹.

Противники данной точки зрения считают, что это ведет к чрезмерному расширению понятия должностного лица. Но с этим согласиться нельзя. Если технические служащие в какой-то промежуток времени действительно выполняют в соответствии с задачами, стоящими перед учреждением, предприятием или организацией и по их поручению, функции административно-хозяйственного, оперативно-распорядительного, контрольно-ревизионного и иного характера, то они с полным основанием могут быть признаны должностными лицами.

Поручая техническим служащим выполнение административных, хозяйственных, распорядительных, оперативных и других служебных функций, учреждение, предприятие или организация тем самым наделяет их фактически полномочиями должностного лица. В силу предоставленных им полномочий они в определенных пределах и в определенный отрезок времени пользуются всеми преимуществами должностного лица. Их распоряжения по службе так же обязательны для подчиненных лиц, как и распоряжения должностных лиц, формально занимающих данное штатное должностное положение.

Правовое положение таких служащих в момент выполнения функций должностного лица по поручению государственного учреждения, предприятия или организации по существу ничем не отличается от правового положения должностных лиц, занимающих должностное положение по штату. Отсюда и ответственность лиц, выполняющих должностные функции по поручению, должна строиться на общих с обычными должностными лицами основаниях.

Конечно, суды должны весьма вдумчиво и осторожно подходить к решению вопроса о привлечении к ответственности по статьям уголовного кодекса о должностных преступлениях лиц, лишь временно исполняющих

См. А. Б. Сахаров, Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1956, стр. 96 и сл.; Б. В. Здравомыслов, Должностные преступления, М., 1956, стр. 29; Т. Л. Сергеева, Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву, М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 89.

должностные функции. Только действительное, фактическое исполнение функции административно-хозяйственного, оперативно-распорядительного и т. п. характера дает основание в определенных случаях признать технических или иных рядовых служащих должностными лицами. На этой точке зрения, как правило, стоят Верховный Суд СССР и Верховный суд РСФСР, давшие ряд руководящих указаний по рассматриваемому вопросу¹.

Рассмотренные положения можно отнести и к лицам, которые не являются служащими, формально вообще не занимают какой-либо должности в государственном учреждении, предприятии или организации, но тем не менее наделены определенными правомочиями по осуществлению юридически значимых публично-правовых или общественных функций, например, члены ревизионных комиссий, члены правления, общественные контролеры и т. п.

Аналогичным образом, как нам представляется, должен быть решен вопрос и в отношении возможного признания в качестве должностных лиц рядовых рабочих и колхозников, выполняющих фактически обязанности должностного лица по поручению учреждения, предприятия или организации, на которые возложены задачи общегосударственного значения.

Недопустимость признания рядовых рабочих и служащих должностными лицами теоретически является бесспорной.

Только Б. С. Утевский относит к должностным лицам рабочих и колхозников, выполняющих отдельные поручения учреждений, предприятий или организаций². Эта точка зрения встретила серьезное возражение на страницах нашей печати³. Судебная практика иногда до-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда РСФСР» 1927 г. № 3, стр. 3; «Судебная практика Верховного Суда РСФСР 1931 г.» № 7, стр. 1; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 9, стр. 31.

² См. Б. С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях, Юриздат, 1948, стр. 386 и сл.

³ См. А. А. Пионтковский, За принципиальность в юридической науке, «Литературная газета» от 11 февраля 1950 г.; В. Ф. Кириченко, О субъекте должностных преступлений «Советское государство и право» 1956 г. № 2, стр. 94; Б. В. Здравомыслов, Должностные преступления, М., 1956, стр. 31.

пускала возможность привлечения к ответственности рядовых рабочих и служащих по статьям о должностных преступлениях. Однако в большинстве случаев судебная практика с полным основанием отвергает допустимость отнесения рядовых рабочих и служащих к должностным лицам¹.

Мы полагаем, что вопрос о привлечении к ответственности за должностные преступления рядовых рабочих и колхозников может встать не в случаях выполнения ими каких-либо поручений учреждения, предприятия или организации вообще, а только при наделении их в определенных пределах административными, хозяйственными, оперативно-распорядительными функциями по руководству конкретным участком работы. Только исходя из учета фактически выполняемых административных, распорядительных и т. п. функций по поручению соответствующих учреждений, предприятий или организаций, возможно в определенных случаях признание их должностными лицами.

В. Е. Ефимочкин правильно отмечает, что «в уголовном порядке, как должностные лица, колхозники могут быть привлечены в тех случаях, когда они постоянно или временно исполняют административно-хозяйственные обязанности»².

Указанное обстоятельство не нарушает по существу общего положения, установленного законодателем, относительно особого порядка ответственности должностных лиц советского государственного аппарата. Выполняя по поручению фактические функции должностных лиц, рядовые рабочие и колхозники на какой-то промежуток времени становятся должностными лицами и пользуются в этот момент всеми правами и привилегиями последних. Они, совершая при исполнении обязанностей должностного лица общественно опасные деяния, так же как и должностные лица, формально занимающие эти должно-

¹ Верховный Суд СССР не признал в качестве должностных лиц: электромонтера, рабочего мясоруба, комбайнера, кочегара, шофера, пастуха, рядового рабочего, рядового колхозника и т. п.

² В. Е. Ефимочкин, Бережно хранить кадры колхозов и сельских советов, «Социалистическая законность» 1948 г. № 7, стр. 48.

сти в государственном аппарате, непосредственно могут посягать на правильное функционирование последнего.

Поэтому вряд ли будет противоречить судебной политике по борьбе с должностными преступлениями привлечение таких лиц (в отдельных строго определенных случаях) к ответственности за должностные преступления, если они совершают посягательства на правильную деятельность советского государственного аппарата в процессе и в связи с исполнением возложенных на них обязанностей должностного лица.

Привлечение в отдельных случаях рядовых рабочих и колхозников за должностные преступления отнюдь не означает приравнивание их в смысле повышенной ответственности к должностным лицам.

Речь должна идти не о приравнивании в смысле повышенной ответственности к должностным лицам рядовых рабочих и колхозников, выполняющих должностные функции по поручению, а об ответственности их на общих основаниях со всеми должностными лицами, поскольку они в своем правовом положении на период исполнения временно возложенных на них обязанностей по существу ничем не отличаются от обычных должностных лиц.

Разница между ними лишь в том, что первые являются должностными лицами только на момент исполнения порученных должностных обязанностей, а вторые являются таковыми в силу занятия ими должности в советском государственном аппарате.

В этой связи представляется более правильным положение, установленное в примечании к ст. 97 УК УССР, по которому должностными лицами признаются не только лица, занимающие должности, но и исполняющие постоянно или временно те или иные должностные обязанности в различных государственных или общественных учреждениях, предприятиях или организациях.

Конечно, суды должны иметь в виду, что в духе Указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» при привлечении к ответственности по статьям о должностных преступлениях рабочих и колхозников, выполняющих обязанности должностных лиц, следует подходить осторожно и по возможности, когда это вызывается необходимостью, переходить от уголовной ответственности к административной или дисциплинарной.

В отдельных случаях на практике возникает вопрос о том, можно ли привлечь к ответственности по статьям о должностных преступлениях некоторых работников в связи с особой спецификой их профессиональной или служебной деятельности, например, адвокатов, экспертов, врачей, педагогов, опекунов, попечителей, свидетелей, понятых, переводчиков.

Мы полагаем, что этот вопрос должен быть решен не вообще в отношении всех перечисленных работников, а дифференцирован в каждом конкретном случае.

Так, адвокаты, эксперты, как правило, не могут быть признаны должностными лицами, хотя они и выполняют функции публично-правового характера, поскольку выполнение этих функций связано лишь с их профессиональной, а не служебной деятельностью. Адвокат является должностным лицом в том случае, когда он как член коллегии занимает в ней должность, а эксперт—если он занимает должность в экспертном учреждении.

Врачи и педагоги, как правило, являются служащими тех или иных учреждений и занимают в них определенную должность. Их деятельность, несомненно, носит организационно-распорядительный характер. Поэтому не исключена возможность признания их должностными лицами и привлечения к ответственности за злоупотребление по статьям главы Уголовного кодекса о должностных преступлениях, но не в связи с их профессией, а в связи с исполнением обязанностей по службе, так как только в этом случае они могут нарушить нормальное функционирование того учреждения, где они работают.

Опекуны, попечители, понятые, свидетели, переводчики, по нашему мнению, не могут быть признаны должностными лицами, ибо их деятельность не связана с исполнением обязанностей по службе, в процессе которого только и возможно посягательство на правильное функционирование советского государственного аппарата. За злоупотребление своим положением они могут нести ответственность по соответствующим статьям Уголовного кодекса, предусматривающим общие или специальные преступления.

Таким образом, в заключение можно сказать, что под должностными лицами в смысле примечания 1 к ст. 109 УК следует понимать: служащих государственных или

общественных учреждений, предприятий и организаций, выполняющих в последних по должности постоянно или временно, по выборам или по назначению, за вознаграждение или безвозмездно функции административно-хозяйственного, оперативно-распорядительного, контрольно-ревизионного или иного специального характера в связи с осуществлением актов власти или управления, имеющих юридическое значение, а также служащих и лиц, не являющихся таковыми, но выполняющих фактически функции того же характера по поручению государственных или общественных учреждений, предприятий или организаций в исполнение последними возложенных на них по закону общегосударственных задач¹.

В связи с данным определением должностного лица возникает вопрос, тождественно ли понятие должностного лица понятию субъекта должностных преступлений?

В литературе нет единства во взглядах по этому вопросу. Одни криминалисты считают, что «понятие субъекта должностных преступлений шире, чем понятие должностного лица»², другие—ставят знак равенства между этими понятиями или рассматривают понятие субъекта должностного преступления как более узкое, по сравнению с понятием должностного лица³.

С нашей точки зрения, понятие субъекта должностных преступлений не может быть ни шире, ни уже понятия должностного лица, оно является только равным понятием, но равным в том смысле, что субъектом должностных преступлений может быть только должностное лицо.

¹ Уголовное законодательство народно-демократических государств по-разному определяет понятие должностного лица. Уголовные кодексы Корейской Народно-Демократической Республики (примечание к ст. 178), Монгольской Народной Республики (примечание к ст. 123) содержат нормы, аналогичные примечанию 1 к ст. 109 УК. Уголовные кодексы Народной Республики Албании (ст. 206), Народной Республики Болгарии (ст. 373), Румынской Народной Республики (п. 4 ст. 183), Чехословацкой Республики (п. 10 § 75) дают более широкое определение должностного лица.

² Б. С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*, Юриздат, 1948, стр. 373.

³ См. Н. Г. Филановский, *Борьба с преступлениями по должности по советскому уголовному праву*. Автореферат канд. диссертации, Л. 1953, стр. 9.

Этот общий принцип должен быть незыблемым, и всякое отступление от него несовместимо с требованием соблюдения социалистической законности.

То обстоятельство, что в ряде норм предусматривается ответственность за должностные преступления не любых должностных лиц, а лишь должностных лиц, выполняющих специальные обязанности, вовсе не означает, что законодатель в этих случаях считает понятие субъекта специального должностного преступления уже понятием должностного лица. Общий принцип, что субъектом должностных преступлений может быть только должностное лицо остается нерушимым и здесь. Разница между должностными лицами, выступающими в качестве субъектов общих и специальных должностных преступлений, состоит лишь в том, что субъектами последних являются должностные лица, обладающие, помимо общих свойств, присущих всем должностным лицам, еще и особыми признаками, отграничивающими их от обычных должностных лиц.

Вызывает споры в литературе вопрос о том, всякое ли должностное лицо может быть субъектом любого должностного преступления и, в частности, таких общих должностных преступлений, как, например, злоупотребление, превышение и бездействие власти. По мнению некоторых советских авторов, субъектом указанных должностных преступлений может быть не всякое должностное лицо, а только наделенное более или менее значительными полномочиями¹.

С данной точкой зрения, как нам представляется, согласиться нельзя. Практика показывает, что злоупотребить своим служебным положением или властью могут не только должностные лица, наделенные значительными полномочиями, но и должностные лица, не наделенные таковыми. Разница между теми и другими состоит в том, что одни могут своими преступными действиями по службе причинить больший ущерб правильной деятельности советского государственного аппарата, другие—меньший. Это обстоятельство должно влиять на меру наказания. Но в принципе оно не отрицает допустимость ответственности в отдельных случаях по ст. ст. 109, 110 и 111 УК любых должностных лиц, независимо от их полномочий.

¹См. А. Н. Трайнин, Должностные и хозяйственные преступления, М., 1938, стр. 17—18; «Уголовное право, часть Особенная». Юриздат, 1943, стр. 271.

Решение данного вопроса зависит от учета условий места, времени и всех конкретных обстоятельств совершения общественно опасного деяния.

Сказанное, однако, вовсе не означает, что должностное лицо во всех случаях может быть субъектом любого должностного преступления. Так, субъектом некоторых преступных нарушений Устава сельскохозяйственной артели может быть только определенная категория должностных лиц колхоза. Например, субъектами нарушения демократических принципов управления делами колхозов могут быть лишь председатель и члены правления колхоза. Субъектом нарушения финансовой дисциплины—председатель и счетовод колхоза.

Вторую значительную группу преступлений со специальным субъектом по действующему уголовному законодательству составляют воинские преступления, составы которых предусмотрены Положением о воинских преступлениях.

Воинские преступления, в отличие от всех иных преступлений, имеют свои специфические особенности. Эти особенности состоят в том, что воинские преступления посягают на установленный в Вооруженных Силах СССР порядок несения военной службы и совершаются только лицами, находящимися на военной службе.

Такой вывод вытекает непосредственно из содержания ст. 57 Закона от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» и ст. 1 Положения о воинских преступлениях. Ст. 57 Закона «О всеобщей воинской обязанности» устанавливает, что «за преступления, направленные против установленного порядка несения воинской службы, военнослужащие, а также призванные на учебные сборы военнообязанные несут ответственность согласно Положению о воинских преступлениях».

Развивая данное постановление, ст. 1 Положения о воинских преступлениях (ст. 193¹ УК) подчеркивает, что субъектами воинских преступлений могут быть только военнослужащие и военнообязанные запаса в период нахождения тех и других в рядах советских вооруженных сил.

Служба в Вооруженных Силах СССР состоит из действительной военной службы и службы в запасе. В соответствии с Законом «О всеобщей воинской обязанности» все граждане, состоящие на действительной военной службе, т. е. на службе в кадровых частях советских

вооруженных сил, именуются военнослужащими. Граждане, проходящие военную службу в запасе, называются военнообязанными. В запас Вооруженных Сил СССР зачисляются лица, отслужившие установленный срок, призванных на службу, но в силу тех или иных причин не отслуживших полностью установленный срок, освобожденных от военной службы по броне, по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам.

Следовательно, понятия военнослужащий и военнообязанный не тождественны между собой. Это значит, что вопрос о признании тех и других субъектами воинских преступлений должен решаться по-разному. Военнослужащие могут быть признаны субъектами воинских преступлений в течении всего периода пребывания на действительной службе, наоборот, военнообязанные запаса только во время прохождения учебных и поверочных сборов—в сроки, предусмотренные ст. ст. 33—38 Закона «О всеобщей воинской обязанности».

Важное значение имеет определение начального и конечного моментов пребывания военнослужащих на действительной службе, а военнообязанных запаса—на учебных или поверочных сборах.

В законе «О всеобщей воинской обязанности» конкретно не указываются начальный и конечный моменты нахождения гражданина СССР на действительной военной службе или военнообязанного запаса—на учебных сборах.

В теории и судебной практике началом нахождения на действительной военной службе со всеми вытекающими отсюда последствиями принято считать: для призывников—время фактической явки последних в военный комиссариат для отправки их в воинскую часть; для сверхсрочнослужащих—день зачисления последних приказом на сверхсрочную службу, а для лиц офицерского состава—день зачисления соответствующим приказом на действительную военную службу.

Начальным моментом признания военнослужащими военнообязанных, находящихся на учебных и поверочных сборах, считается первый день их фактического пребывания на указанных сборах.

Окончанием нахождения на действительной военной службе считается день получения военнослужащими соответствующих документов от воинской части об увольнении их в запас.

Для лиц офицерского состава, увольняемых в отставку, окончанием нахождения на действительной военной службе является день получения ими соответствующих документов об увольнении в отставку. Конечным моментом нахождения военнообязанного на учебных и поверочных сборах считается последний день указанных сборов. Как начальный, так и конечный день учебных или поверочных сборов для военнообязанных устанавливается соответствующими приказами, издаваемыми военным ведомством.

Военнослужащие и военнообязанные запаса могут быть признаны субъектами воинских преступлений только в период времени между указанными начальными и конечными моментами и только в связи с совершением преступления, направленного против установленного порядка несения военной службы. В случае совершения преступления, не связанного с прохождением службы или сборов, военнослужащие и военнообязанные не могут быть признаны субъектами воинских преступлений, а должны нести ответственность на общих основаниях.

В соответствии со ст. 13 Закона «О всеобщей воинской обязанности» субъектами воинских преступлений могут быть не только мужчины, но и женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и специальную техническую подготовку и призванные на действительную службу или привлеченные на учебные сборы.

По Положению о воинских преступлениях советские военнослужащие несут ответственность не только за совершение воинских преступлений на территории СССР, но и за совершение преступлений в местах временной дислокации советских воинских частей на территориях некоторых социалистических стран за границей.

Между Правительством СССР и Правительствами Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики и Румынской Народной Республики в настоящее время заключены соглашения о правовом статусе советских войск, временно находящихся на территориях перечисленных государств.

По этим соглашениям советские военнослужащие, совершившие преступления при исполнении служебных обязанностей на территориях вышеуказанных государств, должны нести уголовную ответственность по статьям

Положения о воинских преступлениях. Советские военнослужащие несут уголовную ответственность по советским законам и перед советским судом также в случаях совершения ими преступлений против интересов Советского Союза, против лиц, входящих в состав Советских войск¹, или членов их семей. За все другие преступления, совершенные на территориях названных государств, советские военнослужащие несут уголовную ответственность, как правило, перед судами и по законам этих государств.

Военнослужащие действительной службы и военнообязанные запаса в период прохождения ими сборов составляют основной круг возможных субъектов воинских преступлений. К ним, с точки зрения ответственности по статьям Положения о воинских преступлениях, могут приравниваться некоторые другие категории лиц. В частности, в условиях Великой Отечественной войны Положение о воинских преступлениях распространялось на лиц начальствующего и рядового составов военизированной охраны предприятий и военизированной пожарной охраны МВД СССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1944 г.), на лиц начальствующего и рядового состава военизированной охраны мест лишения свободы (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1942 г.), на работников железнодорожного транспорта (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г.), на работников морского и речного транспорта (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1943 г.), на лиц, состоящих в народном ополчении (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля и 11 октября 1941 г.), в истребительных батальонах (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14 августа 1941 г.), и ряд других лиц.

В настоящее время наряду с военнослужащими и военнообязанными запаса во время нахождения последних на учебных или поверочных сборах по соответствующим

¹ К лицам, входящим в состав советских войск, относятся военнослужащие Советской Армии и гражданские лица, являющиеся советскими гражданами, работающими в частях советских войск, расположенных на территориях договаривающихся государств.

щим статьям Положения о воинских преступлениях несут ответственность за преступления, направленные против установленного для них порядка несения службы, лица оперативного состава органов МВД СССР, Комитета государственной безопасности, лица начальствующего состава Главного Управления мест лишения свободы.

Перечень лиц, которые могут нести уголовную ответственность по действующим законам о воинских преступлениях, предусмотрен примечанием I к ст. 1 Положения о воинских преступлениях в редакции, измененной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1953 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов».

По этому Указу к ведению военных трибуналов должны относиться не только дела о преступлениях вышеуказанных лиц, но и дела о преступлениях по службе работников военизированной охраны мест лишения свободы первой категории. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что законодатель приравнивает работников военизированной охраны первой категории по ответственности за совершенные ими преступления против установленного порядка несения службы к военнослужащим и другим перечисленным в законе лицам. За преступления по службе они должны нести ответственность по статьям Положения о воинских преступлениях.

Согласно новой редакции примечания I к ст. 1 Положения о воинских преступлениях (примечание I к ст. 193¹ УК)¹ субъектами воинских преступлений не могут быть признаны лица строевого и административно-хозяйственного состава милиции. Не могут нести ответственность по статьям Положения о воинских преступлениях рабочие и служащие Вооруженных Сил СССР, воспитанники Суворовских и Нахимовских училищ, учащиеся, проходящие допризывную подготовку в гражданских учебных заведениях, и некоторые другие лица.

Из изложенного видно, что субъект воинских преступлений очерчен в законе шире, чем субъект должностных преступлений. Если при должностных преступлениях приравнивание к должностным лицам тех, кто не обладает признаками этих лиц, не допускается, то по воинским

¹ См. ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1953 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов».

преступлениям законодатель сам приравнивает значительную категорию лиц, не являющихся военнослужащими или военнообязанными, к фактическому положению военнослужащих и военнообязанных запаса в период прохождения последними учебных сборов.

Следует отметить также, что уголовная ответственность военнослужащих предусматривается не только статьями Положения о воинских преступлениях. В ряде случаев законодатель установил повышенную ответственность военнослужащих и за совершение общеуголовных преступлений, в том числе контрреволюционных.

Так, например, предусматривается повышенная ответственность военнослужащих за измену Родине (ст. 58¹⁵ УК), за убийство при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 136 УК), за разглашение сведений военного характера, составляющих государственную тайну (ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г.), утрату документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну (ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г.).

* * *

Третью группу преступлений с весьма широким кругом специальных субъектов составляют преступления, дезорганизующие нормальную работу транспорта. Транспорт СССР представляет чрезвычайно сложную отрасль народного хозяйства, где четкое взаимодействие всех звеньев, частей и служб зависит от строжайшего соблюдения надлежащей трудовой дисциплины.

В борьбе с нарушением трудовой дисциплины на транспорте немаловажное, хотя и не основное значение имеет специальная уголовно-правовая норма—ст. 59^{3в} УК.

По прямому смыслу ст. 59^{3в} УК, субъектом преступления по этой статье может быть лишь работник железнодорожного или водного транспорта. Однако в силу необходимости, за отсутствием указания на аналогичный состав преступления на автотранспорте, судебная практика распространяет действие указанной статьи и на случаи нарушения трудовой дисциплины работниками автотранспорта.

Преступление, связанное с нарушением трудовой дисциплины на автотранспорте, имеет свои специфические

особенности. Поэтому было бы более правильно предусмотреть состав этого преступления в отдельной статье уголовного кодекса¹.

Действующий закон (ст. 59^{3в} УК) не раскрывает, кто конкретно может быть субъектами рассматриваемого преступления, а лишь в общей форме называет ими работников транспорта.

Верховный Суд СССР, исправляя ошибки нижестоящих судов, постоянно напоминает, что субъектом преступления в смысле ст. 59^{3в} УК может быть только работник транспорта².

Самое понятие «работник транспорта» весьма широкое. Оно охватывает разнообразную категорию рабочих и служащих на транспорте. В связи с этим возникает вопрос, всякий ли работник транспорта может быть субъектом преступления по ст. 59^{3в} УК? В литературе не дается четкого ответа на данный вопрос.

Учебники по уголовному праву ограничиваются общим указанием, что субъектом преступления в смысле ст. 59^{3в} УК является работник транспорта.

Некоторые советские криминалисты пытаются дать определение субъекта преступления в смысле ст. 59^{3в} УК в зависимости от профессии и занимаемой работником транспорта должности³. Другие, наоборот, полагают, что субъектом преступления по указанной статье может быть работник транспорта независимо от занимаемого им служебного положения⁴.

¹ В настоящее время только в Казахской ССР действует специальный закон, предусматривающий ответственность за нарушения правил движения и эксплуатации автотранспорта (см. Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 15 августа 1957 г. «Об ответственности за нарушения правил движения и эксплуатации автотранспорта на территории Казахской ССР»).

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.)», Юриздат, 1940, стр. 39; «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.» Юриздат, 1948, стр. 39.

³ См. М. М. Исаев, Применение ст. 59^{3в} УК РСФСР в условиях военного времени, «Социалистическая законность» 1942 г. № 1, стр. 16.

⁴ См. А. Н. Трайнин, В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, М., 1946, стр. 84—87.

Все эти определения, правильные в своей основе, не раскрывают специфических особенностей субъекта нарушения трудовой дисциплины на транспорте, в силу которых он может нести ответственность по ст. 59^{3в} УК.

Более четко и подробно разрешают этот вопрос применительно к особенностям каждого вида транспорта в отдельности авторы Курса по советскому уголовному праву¹.

Из смысла закона вытекает, что субъектом рассматриваемого преступления может быть не всякий работник транспорта, а лишь работник, обладающий особо специфическими свойствами и отвечающий определенным требованиям.

Субъектами преступления в смысле ст. 59^{3в} УК могут быть только те работники железнодорожного и водного транспорта, на которых распространяется действие Устава о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта СССР и соответственно Уставов о дисциплине рабочих и служащих речного и морского флотов СССР. Но ограничиваться этим общим, хотя и очень важным положением было бы неправильно, так как не всякий работник железнодорожного и водного транспорта, подпадающий под действие Устава о дисциплине, может быть признан субъектом преступления по ст. 59^{3в} УК.

Согласно этой статье, работник железнодорожного и водного транспорта подлежит уголовной ответственности не во всех случаях нарушения трудовой дисциплины, а лишь тогда, когда это нарушение повлекло или могло повлечь указанные в законе последствия.

Эти последствия могут быть вызваны непосредственно нарушением трудовой дисциплины лишь со стороны тех работников транспорта, которые связаны с движением транспорта и железнодорожными, речными и морскими перевозками. Поэтому и субъектами нарушения трудовой дисциплины по ст. 59^{3в} УК могут быть только работники железнодорожного и водного транспорта, связанные с движением и перевозками.

При этом, как нам представляется, связь работника транспорта с движением или перевозками не должна

¹ См. А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, часть Особенная, т. I, Госюриздат, 1955, стр. 312-319.

пониматься лишь в смысле прямой, непосредственной связи. Такое понимание не вытекает из содержания закона. Оно неосновательно суживает круг работников железнодорожного и водного транспорта, которые своим нарушением трудовой дисциплины причиняют последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК.

Отдельные работники железнодорожного и водного транспорта непосредственно не связаны с движением или перевозками, но тем не менее, нарушая трудовую дисциплину, они могут вызвать последствия, предусмотренные ст. 59^{3в} УК и, следовательно, быть признаны субъектами данного преступления.

К этой категории работников транспорта в соответствии с Правилами технической эксплуатации железных дорог, судов морского и речного флота СССР, в частности, можно отнести работников транспорта, на обязанности которых лежит контроль за качеством произведенного ремонта, а также работников, непосредственно производящих ремонт подвижного состава железных дорог и путей, речных и морских судов.

Трудовая деятельность этой группы работников транспорта, если не прямо, то косвенно, также связана в конечном счете с движением железнодорожного и водного транспорта. Произведя недоброкачественный ремонт, рассматриваемая категория работников своим недобросовестным отношением к исполнению обязанностей ставит под угрозу безопасность движения на транспорте, а следовательно, может вызвать последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК. Этой точки зрения последовательно придерживается и Верховный Суд СССР¹.

При определении круга работников транспорта, связанных с движением, следует руководствоваться не только Правилами технической эксплуатации железных дорог СССР, судов речного и морского флота СССР, но также и соответствующими Правилами медицинского освидетельствования работников железнодорожного и водного транспорта. В некоторых случаях Правила медицинского освидетельствования несколько расширяют по сравнению с Правилами технической эксплуатации круг работников,

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1941 г.», Юриздат, 1947, стр. 73.

связанных в конечном счете с движением или перевозками.

Так, например, Правила медицинского освидетельствования железнодорожников (от 20 июля 1949 г.) дополняют перечень профессий и должностей работников транспорта, непосредственно связанных с движением, рядом профессий и должностей, исполнение функций которых связано с обеспечением безопасности движения. К этим профессиям Правила относят, например: проводников вагонов, проводников-истопников, слесарей-сварщиков, станционных смазчиков, поездных электромонтеров, кочегаров центрального отопления поездов, технических конторщиков, старших путевых рабочих, слесарей-автоматчиков и целый ряд других работников по безотцепочному ремонту вагонов и ремонту вагонов на путях.

Перечисленные работники транспорта Правилами технической эксплуатации железных дорог СССР не включены в перечень работников, непосредственно связанных с движением. Однако не вызывает сомнения, что нарушения трудовой дисциплины работниками транспорта данной категории могут вызвать последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК. Следовательно, и эти работники при известных условиях могут быть признаны субъектами преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК. По этому пути идет судебная практика при разрешении конкретных дел¹. Но вместе с тем бывают случаи, когда данное обстоятельство иногда на практике не учитывается, что порою приводит к противоречивым решениям.

Так, например, по делу П., работавшего техническим конторщиком и допустившего вследствие халатности направление вагонов с грузом не по назначению, Пленум Верховного Суда СССР переквалифицировал его деяние со ст. 59 УК на ст. 111 УК².

Наоборот, по делу О., совершившего аналогичное преступление, Верховный Суд СССР, отменяя определение суда первой инстанции по мотивам недостаточного рас-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 35—36; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 № 5, стр. 18.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР» 1940 г., Юриздат, 1941, стр. 84.

следования, по существу признал правильным квалификацию его деяния по ст. 59^{3в} УК¹.

Нам представляется, что поскольку в обоих случаях речь идет о работниках транспорта (технические конторщики), совершивших аналогичные преступления, повлекшие одно из последствий, указанных в законе, постольку и квалификация их деяния должна быть одинаковой, а именно по ст. 59^{3в} УК.

К работникам транспорта относятся и те работники промышленных предприятий, которые непосредственно связаны с эксплуатацией подъездных путей и движением на этих путях. Данная категория работников транспорта также может рассматриваться в качестве субъектов нарушения трудовой дисциплины на транспорте, если их действия повлекли за собой последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК.

В отдельных случаях последствия, предусмотренные ст. 59^{3в} УК, могут наступить в результате нарушения трудовой дисциплины работниками промышленных предприятий, непосредственно не связанными с эксплуатацией подъездных путей и подвижного состава. Например, непроизводительный простой вагонов может произойти вследствие халатного отношения к исполнению обязанностей или злоупотребления служебным положением со стороны должностных лиц промышленных предприятий. В таких случаях ответственность этих лиц наступает не по ст. 59^{3в} УК, а по статьям о должностных преступлениях².

В настоящее время в связи с отменой постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1942 г. «О квалификации нарушений порядка несения службы со стороны работников военизированной охраны железнодорожного и водного транспорта»³ указанные лица не должны рассматриваться в качестве работников транспорта и нести ответственность по ст. 59^{3в} УК за нарушение порядка несения службы, в результате которого наступили или могли наступить перечисленные в законе последствия.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 3, стр. 42.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 23.

³ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 3, стр. 46, п. 96.

Аналогично решается вопрос об ответственности работников водного транспорта, не состоящих на службе в органах Министерства морского и речного флота СССР. Работники водного транспорта, принадлежащего многочисленным государственным, кооперативным или общественным организациям, так же как и работники транспорта, принадлежащего Министерству морского и речного флота, обязаны соблюдать соответствующие правила безопасности движения флота в данном бассейне. Нарушения ими правил движения водного транспорта может повлечь за собой последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК. Поэтому их следует признать субъектами рассматриваемого преступления¹.

Следовательно, нельзя ограничивать круг субъектов преступления по ст. 59^{3в} УК только работниками транспорта, непосредственно связанными с движением и перевозками, как-то: машинистами, кочегарами, начальниками станций, стрелочниками, штурманами, а также весовщиками товарных дворов, по вине которых происходит непроизводительный простой вагонов или судов, аварии или крушение вследствие неправильного крепления грузов при их перевозке и т. д.

В ряде случаев субъектами преступления в смысле ст. 59^{3в} УК могут быть и работники транспорта, лишь косвенно связанные с движением и перевозками на железнодорожном и водном транспорте.

Все работники железнодорожного и водного транспорта, на которых распространяется действие Устава о дисциплине, независимо от того, какое они имеют отношение к движению поездов и судов, а также к железнодорожным, морским и речным перевозкам, в случаях допущения ими во время исполнения своих обязанностей нарушения трудовой дисциплины, повлекшего последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК, должны признаваться субъектами рассматриваемого преступления.

Нарушение же трудовой дисциплины работником транспорта или совершение им иных общественно опасных деяний, не находящихся в какой-либо связи с исполнением возложенных на него обязанностей и не могущих

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 января 1950 г., «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 3, стр. 4—5.

повлечь за собой указанные в законе последствия, не дает основания признать его субъектом преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК¹.

Работник транспорта не может быть признан субъектом преступления по ст. 59^{3в} УК и в том случае, если указанные в законе последствия, хотя и связанные с его служебной деятельностью, наступили по вине третьих лиц².

Точно так же не могут быть признаны субъектами преступления по ст. 59^{3в} УК работники транспорта в случае, когда последствия, предусмотренные законом, наступили по причинам, устранение которых зависело от соответствующих начальников, своевременно предупрежденных данным работником транспорта о необходимости их устранения³.

Кроме того, для признания субъектом преступления по ст. 59^{3в} УК работников транспорта, согласно Правилам технической эксплуатации железных дорог СССР (§ 460 и 461), Правилам технической эксплуатации судов морского флота СССР (§ 390) и Правилам технической эксплуатации судов речного флота СССР (§ 464), требуется, чтобы они по своей профессиональной подготовленности и состоянию здоровья могли фактически выполнять должным образом возложенные на них служебные обязанности⁴.

Работники транспорта, фактически неспособные, по состоянию здоровья или в силу недостаточной профессиональной подготовки, выполнять порученные им обязанности, но допущенные администрацией к работе, не могут

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (второе полугодие 1939 г.)», Юриздат, 1941, стр. 21; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 11, стр. 24.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР» 1944 г., Юриздат, 1948, стр. 125; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954 г. № 1, стр. 16.

³ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР» 1944 г., Юриздат, 1948, стр. 124.

⁴ См. А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, часть Особенная, т. 1, Госюриздат, 1955, стр. 318; Н. С. Алексеев, Транспортные преступления, Изд-во Ленинградского университета, 1957, стр. 64—65.

быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК¹.

Не могут быть субъектами преступления по ст. 59^{3в} УК и работники транспорта, допустившие нарушение трудовой дисциплины, которое повлекло или могло повлечь последствия, указанные в законе, вследствие нахождения их на работе сверх установленного рабочего времени² или другого нарушения режима работы и отдыха по вине администрации³.

Только учет всех рассмотренных условий и специфических свойств и признаков, характеризующих работников транспорта, позволяет правильно решить вопрос о признании или непризнании каждого из них субъектом преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК.

Некоторые особенности, как субъекты преступления, предусмотренные ст. 59^{3в} УК, имеют работники автотранспорта.

Они не имеют специального устава о дисциплине, но, как и работники железнодорожного и водного транспорта, в своей трудовой деятельности обязаны соблюдать дисциплину, соответствующие правила и инструкции, регулирующие работу автомобильного транспорта.

Понятие автомобильного транспорта охватывает такие транспортные средства, как, например, автобусы, троллейбусы, разнообразные грузовые и легковые автомобили, мотоциклы, а также автопогрузчики, автомостокраны, снегоочистители и др. механические транспортные средства со скоростью движения больше 5 км в час.

В эту группу не входят экскаваторы, конвейеры и другие механические приспособления чисто производственного характера. Отсюда и работники, обслуживающие их, не должны признаваться работниками автотранспорта.

Работниками автотранспорта, следовательно, можно назвать лишь тех лиц, трудовая деятельность которых связана с движением, перевозками и ремонтом назван-

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.)», Юриздат, 1940, стр. 69; «Советская юстиция» 1941 г. № 19, стр. 32.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 10, стр. 9—10.

³ См. там же № 3, стр. 12—13.

ных выше транспортных средств, а также с нахождением их на службе в специальных транспортных или в любых других государственных, общественных учреждениях, предприятиях и организациях¹.

Работники автотранспорта могут быть признаны таковыми, если они оформлены на соответствующую должность в установленном законом порядке, отвечают соответствующим требованиям по состоянию здоровья, профессиональной подготовке и имеют в силу исполнения возложенных на них служебных обязанностей отношение к эксплуатации и ремонту автотранспортных средств.

Все вышерассмотренные свойства и признаки, характеризующие работников транспорта, дают основание в случае нарушения ими во время или в связи с исполнением служебных обязанностей трудовой дисциплины, повлекшего за собой последствия, указанные в законе, отнести их к числу специальных субъектов преступления в смысле ст. 59^{3в} УК.

С этой точки зрения к работникам автотранспорта следует отнести прежде всего водителей автомашин, имеющих права на вождение машин и зачисленных соответствующим приказом на должность шофера². К работникам автотранспорта можно отнести также некоторые категории должностных лиц, работающих в специальных транспортных организациях или предприятиях, как-то:

¹ С. А. Домохин, Ответственность за преступления на автотранспорте, Госюриздат, 1956, стр. 9—11; Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, Госюриздат, 1957, стр. 98—100.

² В литературе встречается утверждение, что при характеристике субъекта преступления на автотранспорте в смысле ст. 59³ УК излишне указывать на способность лица по состоянию своего здоровья выполнять должным образом свои служебные обязанности, так как это обстоятельство предполагается уже при выдаче прав на вождение автомашин. (См. Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, Госюриздат, 1957, стр. 103—104). С данной точки зрения вряд ли можно согласиться. Действительно, суд не должен в каждом конкретном случае обязательно устанавливать способность водителя по состоянию своего здоровья управлять автомашиной. Эта способность предполагается, поскольку выдача прав на вождение машины производится только при условии физической и психической пригодности к управлению автомашиной. Однако

механиков, начальников авторемонтных мастерских, начальников гаражей или автопарков и т. д. При этом следует иметь в виду, что перечисленные работники транспорта могут быть субъектами преступления в смысле статьи 59^{3в} УК РСФСР лишь в том случае, если они допустили нарушение трудовой дисциплины, находясь за рулем или в связи с недоброкачественным ремонтом, вследствие чего наступили или могли наступить указанные в законе последствия. В других случаях за злоупотребление или упущение по службе они должны нести ответственность по соответствующим статьям уголовного кодекса о должностных преступлениях.

Верховный Суд СССР по ряду конкретных дел не нашел возможным признать субъектами преступления по ст. 59^{3в} УК работников государственных или общественных учреждений, предприятий или организаций, не связанных по роду своей службы с эксплуатацией автотранспортных средств¹; лиц, работающих в специальных транспортных организациях и имеющих права водителей, но не связанных по роду своей службы с вождением или перевозками на автотранспорте², а также имеющих права шофера-любителя, но фактически используемых по распоряжению администрации в качестве водителей автомашин, принадлежащих государственному или общественному учреждению или организации, без надлежащего оформления на эту должность в установленном законом порядке³; шоферов, лишенных прав на вождение автомашины, но не отстраненных от работы и продолжающих фактически выполнять, по распоряжению админи-

при общей характеристике субъекта преступления по ст. 59^{3в} УК указывать на признак здоровья, как и на признак профессиональной подготовки, с нашей точки зрения, необходимо. Такое указание со всей четкостью и ясностью подчеркивает, что работниками автотранспорта (в данном случае речь идет о шоферах и других работниках, имеющих право на управление автомашиной), а следовательно, субъектами преступления в смысле ст. 59^{3в} УК могут быть именно те работники, которые отвечают вышеуказанным требованиям.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 10, стр. 10.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 2, стр. 24—25.

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 15.

страции, обязанности водителя¹; лиц, выполняющих обязанности водителя автомашины в государственных или в общественных учреждениях и организациях, но не имеющих надлежащих прав и не оформленных на эту должность в установленном порядке²; учеников водителей, нарушивших соответствующие правила работы автотранспорта в момент самостоятельного управления машиной без присмотра обучающего³; работников транспорта, не находящихся в момент нарушения правил движения при исполнении своих служебных обязанностей⁴.

Водители, предоставившие вверенную им автомашину лицам, не имеющим право на управление и допустившим вследствие этого аварию, должны рассматриваться как исполнители преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК, независимо от того, что машина не находилась фактически под их управлением в момент аварии⁵.

В судебной практике отдельных союзных республик, наряду с правильной квалификацией преступлений, совершенных на автотранспорте, встречаются случаи и неправильной квалификации. Для иллюстрации приведем несколько примеров из судебной практики некоторых союзных республик.

Так, народным судом был осужден по ст. 253¹ УК Узбекской ССР О. за то, что он, будучи за рулем в нетрезвом состоянии, вел автомашину с недозволенной скоростью, в результате чего автомашина перевернулась и находящиеся в ней двое пассажиров получили легкие телесные повреждения. Верховный суд Узбекской ССР, рассмотрев дело в порядке надзора, правильно указал, что О. является работником транспорта, находился при исполнении

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 5, стр. 5—6.

Работники транспорта, отстраненные от работы по каким-либо причинам, но не лишённые водительских прав и продолжающие фактически выполнять обязанности водителя по распоряжению администрации, за нарушение правил движения должны нести ответственность по ст. 59^{3в} УК.

² См. «Социалистическая законность» 1953 г. № 5, стр. 91.

³ См. «Социалистическая законность» 1954 г. № 10, стр. 93—94.

⁴ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 5, стр. 10—11; «Социалистическая законность» 1954 г. № 8, стр. 94.

⁵ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (второе полугодие 1939 г.)», Юриздат, 1941, стр. 76—77.

служебных обязанностей в момент нарушения правил движения и поэтому его действия надлежит квалифицировать не по ст. 253¹, а по ст. 78³ УК Узбекской ССР¹.

В другом случае народным судом был осужден по ч. 1 ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР Е. за то, что, управляя автомашиной, принадлежащей гражданину М., нарушил правила движения, вследствие чего произошла авария. Верховный суд Грузинской ССР неправильно оставил приговор народного суда в силе. Указанные действия Е. надлежало квалифицировать не по ч. 1 ст. 58^{17в} УК, а по ч. 2 ст. 103 УК Грузинской ССР, так как осужденный работником автотранспорта не являлся².

В третьем случае народным судом был осужден Г. по ст. 96¹ УК УССР за то, что он, будучи шофером грузовой автомашины, совершил аварию, в результате которой причинен материальный ущерб и 4 человека получили легкие телесные повреждения. Верховный суд Украинской ССР признал Г. работником транспорта и на этом основании переквалифицировал его действия со ст. 96¹ на ст. 56^{30а} УК УССР. В действительности, Г. работником транспорта не являлся, поскольку он прав на вождение автомашины не имел, хотя и был принят на работу в качестве шофера³.

К работникам транспорта, могущим быть субъектами преступления по ст. 59^{3в} УК, судебная практика относит также работников городского железнодорожного транспорта, допустивших нарушение трудовой дисциплины, повлекшее за собой человеческие жертвы.

Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР определением от 20 августа 1956 г. признала правильным осуждение народным судом г. Воронежа по ч. 1 ст. 59^{3в} УК Б., который, работая вагоновожатым, допустил грубое нарушение правил технической эксплуатации: вел трамвай с недозволенной скоростью, вследствие чего наехал на гражданина Клеменко, скончавшегося от полученных тяжких ранений⁴.

К работникам транспорта в соответствии со ст. 59^{3г} УК относятся работники гражданской авиации и гражданского воздухоплавания. К ним относятся лица, выпол-

¹ См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 02/1906—у.

² См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 39/542—у.

³ См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 02/2015—у.

⁴ См. Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 14—дб—пр129.

няющие служебные обязанности, связанные с организацией полетов, воздушным передвижением и ремонтом летательных аппаратов при условии, если на них распространяется действие Устава о службе в гражданском воздушном флоте СССР. Остальные вышерассмотренные свойства, присущие работникам транспорта, и условия, при которых они могут быть признаны субъектами преступлений за нарушение трудовой дисциплины, повлекшей за собой указанные в законе последствия, соответственно относятся и к работникам гражданской авиации и гражданского воздухоплавания.

Так, например, К. был осужден по ст. 59^{3г} УК за то, что он, будучи начальником авиапорта, систематически нарушал трудовую дисциплину в авиапорту, пользуясь своим служебным положением, самовольно уходил из порта, передоверял прием и отправку самолетов авиамотористу, допускал без разрешения на то командования использование самолетов для катания посторонних граждан. Когда же в авиапорте произошла катастрофа, в результате которой погиб пилот, два пассажира получили телесные повреждения, а самолет разбился, вследствие чего был нанесен государству ущерб на сумму 27 120 руб., К. был привлечен к уголовной ответственности. Указанные действия К. Верховный суд одной из союзных Республик неправильно переqualificировал со ст. 59^{3г} на ст. 109 УК, так как эти действия прямо предусмотрены ст. 59^{3г} УК¹.

Помимо рассмотренных составов, с весьма широким кругом специальных субъектов преступления, действующее советское уголовное законодательство содержит большое количество норм, предусматривающих составы со значительно более узким кругом специальных субъектов преступления.

В литературе в отношении этой более узкой группы специальных субъектов преступления применяется термин «конкретные» субъекты преступления². Сам термин «конкретные» субъекты нам представляется не вполне

¹ См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 02/5379—у.

² См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, Госюриздат, 1957, стр. 191—194.

удачным, так как понятие конкретности предполагает точное, реально существующее явление.

Применительно к субъекту преступления это понятие означает, что именно этот человек, а не кто-либо другой совершил преступление.

Предусмотреть заранее в законе, кто конкретно может явиться субъектом данного преступления, естественно, не представляется возможным. Поэтому более правильным было бы именовать рассматриваемую категорию субъектов преступления не конкретными, а специально-конкретными. Такое наименование указывает на то, что субъектом отдельных видов преступления может быть не любой человек, совершивший преступление в связи с неисполнением специальных обязанностей вообще, а лишь человек, совершивший преступление в связи с нарушением более конкретно определенных специальных обязанностей.

Специальный субъект, таким образом, является как бы родовым понятием по отношению к видовому понятию специально-конкретный субъект.

Составы со специально-конкретными субъектами преступлений предусмотрены в действующем уголовном законодательстве в различных главах уголовного кодекса, имеются они и внутри глав, охватывающих составы со специальными субъектами преступления.

Так, например, субъектами отдельных видов должностных преступлений могут быть признаны не всякие должностные лица вообще, как специальные субъекты целой группы преступлений, предусмотренной главой III Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими главами уголовных кодексов других союзных республик, а лишь должностные лица, на которых по службе возложены конкретно-определенные специальные обязанности. Эти должностные лица, обладающие дополнительными, по сравнению со всеми должностными лицами, специальными признаками, и выступают в качестве специально-конкретных субъектов определенных должностных преступлений.

К ним можно отнести: представителей власти—субъектов дискритирования власти (ст. 113 УК)¹, судей—

¹ В литературе вопрос о понятии представителя власти разработан мало. Из всех определений понятия представителя власти наиболее приемлемым нам представляется определение,

субъектов постановления неправоудного приговора, решения или определения (ст. 114 УК), прокуроров, следователей и других работников судебно-прокурорских органов, а также органов дознания—субъектов незаконного задержания, привода или допроса (ст. 115 УК), должностных лиц, регулирующих и контролирующих деятельность кооперативов,—субъектов содействия организации лжекооперативов (ст. 111-а УК), руководителей центрального аппарата—субъектов злоупотребления властью и т. д. (ч. 1 ст. 112 УК).

Кроме того, составы отдельных преступлений со специально-конкретными субъектами рассредоточены по другим главам уголовного кодекса.

Таковы, например: должностные лица таможенных органов—субъекты квалифицированной контрабанды (ст. 59⁹ УК); должностные лица, имеющие отношение к пропуску через государственные границы—субъекты способствования незаконному переходу через государственные границы (ст. 59¹⁰ УК); должностные лица, ответственные за соблюдение установленной производственно-технической дисциплины—субъекты нарушения технической дисциплины или режима во взрывоопасных цехах (ч. 3 ст. 108¹ УК); должностные лица («наниматели»), ответственные за соблюдение правил по технике безопасности производимых работ—субъекты нарушения законодательства о труде и правил по технике безопасности (ч. 3 ст. 133 УК).

данное проф. С. С. Студеникиным, который пишет: «Представители власти, так же как должностные лица, совершают не только материально-технические операции, но и юридические действия. Этим они отличаются от государственных служащих, составляющих вспомогательный и обслуживающий персонал. Представители власти отличаются вместе с тем и от должностных лиц тем, что они обладают более широкими правами для совершения юридических действий. Они наделены полномочиями самостоятельно решать подведомственные вопросы. Они могут самостоятельно в пределах предоставленных им прав применять принудительные меры, добиваясь выполнения предписаний государственных органов не только внутри своего аппарата, как это имеет место в отношении иных должностных лиц, но и во вне данного органа, в отношениях с внешней средой (С. С. Студеникин, Советская государственная служба, «Труды Военно-Юридической Академии», вып. 7, 1948, стр. 90).

При этом следует иметь в виду, что субъектами преступления в смысле ч. 3 ст. 133 УК могут быть не только должностные лица, пользующиеся правом найма и увольнения с работы, но и должностные лица, на которых возложены обязанности по обеспечению техники безопасности. Должностные лица, в обязанность которых не входит обеспечение техники безопасности производимых работ, не могут быть субъектами преступления по ч. 3 ст. 133 УК. При установлении конкретных лиц, в обязанность которых вменено обеспечение техники безопасности, необходимо руководствоваться соответствующими правилами по технике безопасности и производственной санитарии, положениями по организации работ по технике безопасности и производственной санитарии.

К специально-конкретным субъектам преступления относятся должностные лица, стоящие во главе учреждения или предприятия—субъекты бесхозяйственности (ст. 128 УК). По прямому смыслу закона субъектами этого преступления не могут быть признаны заведующие отдельными отраслями работ данного учреждения или предприятия, но могут быть ими признаны заместители руководителей учреждений или предприятий в случае замены последних или лица, уполномоченные на руководство учреждением или предприятием вследствие отсутствия по каким-либо причинам работников, постоянно возглавляющих данное учреждение или предприятие.

Специально-конкретными субъектами преступления являются директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля—субъекты выпуска недоброкачественной продукции (ст. 128-а УК). Субъектами рассматриваемого преступления могут быть не только поименованные в ст. 128-а УК должностные лица, но и должностные лица иных наименований, которые фактически выполняют функции директора, главного инженера и начальника отдела технического контроля¹.

Субъектом преступления по ст. 128-а УК может быть признано лицо, временно замещающее директора, главного инженера и начальника отдела технического контроля или соответствующих им должностных лиц иных наименований, если они фактически выполняют их обязан-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 4—5.

ности в момент выпуска недоброкачественной продукции. Должностные лица, лишь формально числящиеся на должности поименованных в законе лиц, но фактически не исполняющие их функции в момент выпуска недоброкачественной продукции, не могут быть признаны субъектами преступления в смысле ст. 128-а УК.

Субъектами выпуска недоброкачественной продукции признаются, как правило, одновременно все поименованные в законе лица или им равнозначные должностные лица иных наименований (заведующий или начальник предприятия, председатель промартели, технорук или завпроизводством, старший мастер, старший инспектор или бригадир бракеров и т. п.), поскольку на них в равной степени возложен контроль за качеством выпускаемой продукции. Однако здесь не должно быть формального подхода: должностные лица, не принимавшие какого-либо участия в выпуске недоброкачественной продукции, не могут считаться субъектами преступления в смысле ст. 128-а УК. С другой стороны, надо иметь в виду, что поименованные в законе лица, а также равнозначные им лица иного наименования должны признаваться субъектами преступления по ст. 128-а УК даже в том случае, если они приняли соответствующие меры по привлечению к ответственности подчиненных им работников, непосредственно виновных в выпуске недоброкачественной продукции¹.

Специально-конкретными субъектами преступления являются также работники розничной торговли—субъекты обмеривания, обвешивания и обсчета потребителей (ст. 128-в УК). Субъектами данного преступления могут быть не только работники розничной торговли, непосредственно обслуживающие потребителей, как-то: продавцы, официанты, буфетчики и т. п., но и директора, завмаги, завсекциями или отделами, если они временно выполняют функции по непосредственному обслуживанию покупателей.

Субъектами преступления в смысле ст. 128-в УК могут быть директора, завсекциями или отделами, бухгалтеры, калькуляторы учреждений общественного питания

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 36—37.

и т. п., если им предоставлено право самостоятельно определять конкретные розничные цены на товары, предназначенные для продажи населению.

К специально-конкретным субъектам преступления можно отнести и должностных лиц Совета или членов избирательной комиссии—субъектов подделки избирательных документов и производства заведомо неправильного подсчета голосов (ст. 110 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»).

Все перечисленные лица выполняют конкретно-определенные специальные обязанности, и поэтому только они могут совершать преступления в строго ограниченной по закону сфере служебной деятельности.

Составы со специально-конкретными субъектами преступления имеются среди группы воинских преступлений. Субъектом некоторых воинских преступлений могут быть не вообще военнослужащие, военнообязанные запаса или лица, к ним приравненные, а только военнослужащие, выполняющие конкретно-определенные специальные обязанности.

К ним следует отнести, например, военнослужащих начальствующего состава—субъектов воинских должностных преступлений (ст. 17 Положения о воинских преступлениях)¹.

К специально-конкретным субъектам воинских преступлений, по нашему мнению, можно также отнести субъектов нарушения уставных правил караульной или конвойной службы—военнослужащих, входящих в состав караула или конвоя (часовые, конвойные, разводящие, помощники начальников караула, начальники караула, дежурные по караулам и его помощники—ст. 15 Положения о воинских преступлениях); субъектов нарушения правил несения пограничной службы—военнослужащих, входящих в состав наряда по охране государственной границы СССР (ст. 15¹ Положения о воинских престу-

¹ Субъектами преступления в смысле ст. 17 Положения о воинских преступлениях могут быть и военнослужащие, не относящиеся к лицам начальствующего состава, но фактически выполняющие должностные функции последних (см. Руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР от 6 апреля 1945 г. «Социалистическая законность» 1945 г. № 4, стр. 51; см. также Ю. А. Шулмейстер, Воинские должностные преступления по советскому уголовному праву, Автореферат канд. диссертации, М., 1955, стр. 18).

плениях); субъектов невыполнения правил несения службы на радиотехнических постах (ст. 15² Положения о воинских преступлениях)¹ и т. д.

Специально-конкретными субъектами отдельных преступлений могут быть некоторые работники транспорта, например, капитаны судна (ст. ст. 156¹, 176, 184 УК).

К числу составов со специально-конкретным кругом субъектов преступлений относятся составы преступлений, предусмотренные ст. 92 УК (свидетели, эксперты, переводчики, понятые, народные заседатели), ст. 95 УК (свидетели, эксперты, переводчики), ч. 1 ст. 140 УК (врачи²), ст. 158 УК (родители), ст. 158¹ УК (опекуны).

Иногда конкретизация специальных субъектов преступления вытекает из содержания самого состава преступления. Например, субъектами некоторых преступлений против обороны могут быть не все граждане вообще, а лишь те, на которых возложены соответствующие обязанности по обороне. Таковы субъекты уклонения от очередного призыва на действительную военную службу (ст. 59⁴ УК), отказа или уклонения в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения определенных повинностей (ст. 59⁶ УК), нарушения правил учета для военнообязанных (ст. 64 УК), уклонения от опытных или поверочных мобилизаций (ст. 66 УК), отказа или уклонения от обязательной военной службы военнослужащих или военнообязанных запаса Советской Армии и Флота (ст. 68 УК) и другие.

К данной группе специально-конкретных субъектов преступлений в соответствии с содержанием и особенностями отдельных составов можно отнести: лиц, не имеющих права участвовать в выборах Советов (ст. 91 УК), лиц, не имеющих специального медицинского образования (ч. 2 ст. 140 УК), лиц, в материальной или иной зависимости от которых находился самоубийца (ч. 1 ст. 141 УК), лиц, в отношении которых потерпевшая была материально или по службе зависима (ст. 154 УК), лиц,

¹ Статьи Положения о воинских преступлениях упоминаются с учетом изменений, внесенных в данное Положение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. («Ведомости Верховного Совета СССР» 1957 г. № 5, ст. 100).

² Статья 104 УК имеется в виду в новой редакции, измененной в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 января 1956 г.

имевших возможность и обязанных оказывать помощь пострадавшему (ст. 156 УК), лиц, обязанных оказывать медицинскую помощь больному по закону или по специальному правилу (ч. 1 ст. 157 УК), лиц, занимающихся медицинской практикой (ч. 2 ст. 157 УК), лиц, не имеющих надлежаще удостоверенного медицинского образования (ст. 180 УК), лиц, коим были доверены сведения, составляющие государственную тайну (ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г.).

Четкое установление в каждом конкретном случае особенностей субъекта преступления, его специфических свойств и признаков играет исключительно важную роль в деле правильного отправления социалистического правосудия.

Свойство субъекта преступления в целом ряде случаев оказывает решающее влияние на правильную квалификацию совершенного деяния. Одно и то же по своим объективным признакам деяние может получить совершенно различную квалификацию в зависимости от специфических особенностей субъекта преступления. Это можно проиллюстрировать, хотя бы на примерах истребления или повреждения социалистического имущества и некоторых воинских преступлений. Если истребление или повреждение социалистического имущества совершается не должностным лицом, оно квалифицируется по ст. ст. 79, 79² или 79⁴ УК. То же деяние совершенное должностным лицом в связи с исполнением им служебных обязанностей, приобретает совершенно новое качество: оно должно квалифицироваться как должностное преступление¹.

Только по субъекту преступления в некоторых случаях можно провести разграничение между воинскими преступлениями и преступлениями против обороны СССР, которые по своим объективным свойствам оказываются иногда одинаковыми.

Нарушения обязанностей по военной службе, например, совершенные лицами, не состоящими на действительной военной службе, (уклонение от призыва на действительную военную службу, уклонение от учебных и пове-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 8, стр. 31; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 32—33.

рочных сборов, нарушение правил воинского учета и др.) должны квалифицироваться как преступления против обороны (ст. ст. 59⁴, 64, 66, 68 УК). Наоборот, нарушение обязанностей по военной службе со стороны военнослужащих, состоящих на действительной военной службе, например, уклонение от военной службы, в зависимости от его способа квалифицируются как воинские преступления по ст. ст. 7, 8, 10, 12, 13 Положения о воинских преступлениях¹.

¹ См. В. Д. Меньшагин, Преступления против обороны СССР, М., 1946, стр. 9—10; его же, Преступления против обороны СССР, Автореферат докторской диссертации, М., 1951, стр. 14 и сл.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИНОСТРАНЦЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Субъектами преступления по советскому уголовному праву могут быть не только граждане СССР, но и иностранцы. Вопрос об уголовной ответственности иностранцев за преступления, совершенные ими на советской территории, непосредственно регламентируется советским уголовным законодательством уже с первых дней существования и развития Советского государства. Так, еще ст. 27 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 года со всей четкостью устанавливала, что «уголовное право РСФСР действует на всем пространстве республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление...».

В дальнейшем это положение «Руководящих начал» получило свое развитие в первом советском Уголовном кодексе—УК РСФСР 1922 года в ст. 1, согласно которой «действие Уголовного кодекса распространялось на все преступления, совершенные в пределах РСФСР как ее гражданами, так и иностранцами, если последние по своему дипломатическому положению не пользовались правом экстерриториальности».

С образованием Союза Советских Социалистических Республик в соответствии с принципом суверенитета государства, действие советских уголовных законов распространялось на граждан СССР и иностранцев, совершивших преступление на территории Советского Союза¹.

¹ В советском уголовном законодательстве отсутствует определение понятия территории СССР, это понятие определяется теорией и отдельными законодательными актами. См. «Советское уголовное право», часть Общая, Госюриздат, 1952, стр. 130; А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, 1948, стр. 228; М. Д. Шаргородский, Уголовный закон, Юриздат, 1948, стр. 237—244.

Общесоюзный уголовный закон.—«Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1924 года в ст. 1 прямо указали: «Все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, подлежат за совершенные ими на территории Союза ССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления».

Это положение «Основных начал» нашло свое отражение и конкретизацию во всех действующих уголовных кодексах союзных республик.

Согласно ст. 4 УК, в частности, действие этого кодекса распространяется на иностранцев, совершивших преступление в пределах территории РСФСР. Таким образом, советское уголовное законодательство на всем протяжении своего исторического развития устанавливало единый общий принцип: иностранцы признаются субъектами преступления и подлежат уголовной ответственности по законам места совершения преступления.

В связи с образованием после второй мировой войны ряда социалистических государств в настоящее время необходимо дифференцированно подходить к решению вопроса об ответственности иностранцев по советскому уголовному законодательству. С одной стороны, следует различать иностранцев—граждан социалистических государств, с другой стороны, иностранцев—граждан капиталистических государств.

Необходимость такого различия вызывается тем, что между СССР и другими социалистическими странами существуют особые отношения, касающиеся юрисдикции, правовой помощи, выдачи преступников. В частности, по соглашениям, заключенным между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой о правовом статусе советских войск, временно находящихся на территории указанных стран,—дела о преступлениях, совершенных лицами, входящими в состав советских войск или членами их семей, как правило, рассматриваются судами и по законам соответствующих государств, участвующих в соглашении.

Компетентные советские органы и органы государств—участников соглашения—могут взаимно обращаться

друг к другу с просьбой о передаче или принятии юрисдикции в отношении отдельных дел, предусмотренных соглашением. Такие просьбы рассматриваются благожелательно.

В случаях совершения преступлений против Советских войск или военнослужащих, входящих в их состав, граждане Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской и Румынской Народных Республик несут ответственность перед судами и по законам этих государств. В соответствии с соглашениями компетентные органы СССР и органы вышеуказанных государств оказывают взаимно друг другу всякого рода помощь, в том числе и правовую, в преследовании преступлений, предусмотренных соответствующими статьями соглашений.

В практике вопрос об особом регулировании ответственности иностранцев—граждан социалистических государств за преступления, совершенные ими на своей территории против советских вооруженных сил, а следовательно, против интересов СССР и его граждан, возникал с самого начала освобождения от фашизма ряда иностранных государств советскими войсками, вступившими в связи с военными действиями в период Великой Отечественной войны на территории этих государств.

Иностранцы—граждане государств, территории которых были освобождены от фашистских захватчиков в ходе Великой Отечественной войны, признавались субъектами преступления по советскому уголовному праву и несли уголовную ответственность по советским законам, если они совершили преступления против интересов советских вооруженных сил.

Так, например, вскоре после освобождения территории Польской Народной Республики военными властями Советского фронта была арестована группа поляков, которые обвинялись в подготовке и совершении в тылу Советской Армии террористических и диверсионных актов, а также в организации и содержании нелегальных радиопередаточных станций.

Эта группа, создав по указанию так называемого польского эмигрантского правительства на освобожденной Советской Армией территории Польши законспирированную военно-политическую организацию под названием «НЕ»—«Неподлежность» («Независимость»), вела

Общесоюзный уголовный закон—«Основные начала уголовного законодательства о подготовке и совершении преступлений в тылу советских войск на территории западных районов Белоруссии и Украины, в Литве и Польше.

Руководители и участники подполья организовывали не только налеты на советские военные и гражданские учреждения, террористические акты и диверсии, но и занимались сбором разведывательных данных о Советской Армии.

Все участники вышеуказанной подпольной организации за свои преступные деяния против советских вооруженных сил понесли уголовную ответственность по советским законам. Они были осуждены 18—21 июня 1945 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР по ст. ст. 58⁶, 58⁸, 58⁹, 58¹¹ УК к различным срокам лишения свободы¹.

После окончания Великой Отечественной войны за совершения преступлений против советских вооруженных сил, временно находящихся на территории некоторых социалистических государств, иностранцы—граждане этих государств, как правило (если иное не было оговорено в соглашении), несли ответственность по законам своих государств.

В настоящее время это положение получило свое дальнейшее развитие в соглашениях Правительства СССР с правительствами ряда социалистических государств по вопросу о правовом статусе советских войск, временно пребывающих на территориях данных государств.

В процессе дальнейшего развития дружественных взаимоотношений между СССР и другими социалистическими странами могут быть заключены особые соглашения, касающиеся вопроса о юрисдикции, правовой помощи, выдаче преступников, как-то: военнослужащих, членов их семей и других лиц, входящих в состав вооруженных сил, а также любых гражданских лиц, совершивших преступление против интересов договаривающихся государств.

Такое соглашение, например, уже имеется между СССР и Чехословацкой Республикой. Между этими го-

¹ См. Судебный процесс по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины, «Правда» от 21 июня 1945 г.

сударствами был подписан 31 августа 1957 г. договор об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам.

По уголовным делам правовая помощь согласно договору касается главным образом вопроса о выдаче преступников. Договор устанавливает, за какие конкретно преступления допускается выдача и при каких условиях эта выдача исключается. В договоре подробно регламентируется также порядок разрешения всех вопросов, непосредственно связанных с выдачей преступников и вещей, приобретенных путем преступлений.

В соответствии с договором правовая помощь по уголовным делам не может оказываться, если она касается деяний уголовно ненаказуемых по законодательству государства, к которому обращена просьба о выдаче преступника. Правовая помощь не оказывается также в тех случаях, когда она касается преступлений, не влекущих выдачу преступника.

Аналогичные договоры заключены между СССР и Германской Демократической Республикой, Народной Республикой Болгарии, Корейской Народно-Демократической Республикой и другими странами социалистического лагеря.

В действующем уголовном законодательстве содержится норма, которая специально предусматривает уголовную ответственность за посягательство, направленное на подрыв, свержение или ослабление власти трудящихся, основных политических, хозяйственных и национальных завоеваний социалистических революций в ряде стран Европы и Азии.

Статья 1 ч. 2 Положения о преступлениях государственных (ч. 2 ст. 58¹ УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) прямо устанавливает: «В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия (речь идет о действиях, направленных на свержение, подрыв или ослабление диктатуры пролетариата,—*О.В.*) признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР».

Эта норма не декларативная, она отражает реально существующий факт. С каждым годом крепнут братские связи советского народа с трудящимися всех стран и

особенно с трудящимися социалистических стран. Известно, что против социалистических государств империалистические реакционные силы усиленно ведут подрывную деятельность, засылая в эти государства шпионов, диверсантов, террористов и других врагов трудящихся.

Советское государство, руководствуясь принципом интернационализма и братских связей между социалистическими странами, рассматривает как контрреволюционное преступление всякое посягательство на диктатуру рабочего класса всех социалистических государств. Это значит, что любое лицо, будь то гражданин СССР или гражданин любого другого государства, совершившее деяние, направленное на свержение, подрыв или ослабление диктатуры рабочего класса в любом социалистическом государстве и задержанное на территории СССР, может быть осуждено по статьям о контрреволюционных преступлениях.

Вопрос об уголовной ответственности иностранцев— граждан капиталистических государств, а также иностранцев— граждан социалистических государств, если в отношении последних нет специальных соглашений между СССР и другими социалистическими странами, должен решаться, с нашей точки зрения, следующим образом.

Ответственность иностранцев, совершивших преступление на территории СССР, непосредственно регулируется действующим советским уголовным законодательством.

Во всех случаях совершения преступления на территории СССР иностранцы признаются субъектами преступления по советскому уголовному праву и несут уголовную ответственность за свои деяния на общих основаниях с гражданами СССР.

Народным судом пограничного района был осужден по ст. 103³ УК Туркменской ССР на три года лишения свободы подданный одного из иностранных государств Р. за то, что нарушил государственную границу Туркменской ССР¹.

Иностранцы должны нести ответственность по советским уголовным законам независимо от того, где наступили вредные последствия совершенного ими преступления: на территории СССР или за его пределами.

¹ См. Архив Верховного Суда СССР, 1950.

Во всех случаях действует общий принцип—ответственность иностранцев должна наступать по законам места совершения преступления.

Не имеет значения для ответственности по советским уголовным законам и то обстоятельство, что преступление было совершено на территории СССР против интересов Советского государства и его граждан или против интересов своего государства и его граждан, или против интересов любого другого государства и его граждан. Правда, в последнем случае ответственность иностранцев по советским уголовным законам может иметь место только при условии наказуемости совершенного деяния по советским законам и по законам соответствующего государства, против интересов которого было совершено преступление. В отдельных случаях может встать вопрос о выдаче преступника в порядке особого соглашения, если такового еще не существует между СССР и заинтересованным государством.

Несколько сложнее решается вопрос об ответственности иностранцев за преступления, совершенные ими за границей, а затем оказавшихся на территории СССР.

Здесь необходимо различать несколько случаев. Если преступление было совершено иностранцем на своей территории или же на территории другой страны против Советского государства или его граждан, то в случае его задержания на территории СССР, он должен нести ответственность по советским законам, хотя бы данный иностранец был уже осужден или отбывал наказание по законам своей страны или законам страны, на территории которой было совершено преступление. Факт отбытия наказания должен учитываться при рассмотрении дела советским судом.

Действующее советское уголовное законодательство не регламентирует рассматриваемый вопрос. Однако Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 3 предусматривал, что «действие сего кодекса распространяется также на прибывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне пределов Республики преступления против основ государственного строя и военной мощи РСФСР». В ст. 4 этого же кодекса оговаривалась возможность изъятий из указанного правила в отношении ответственности иностранцев, совершивших преступления в быт-

ность их за границей, «в порядке особых договоров, заключенных РСФСР с отдельными государствами».

Аналогичные постановления содержались и в других советских кодексах редакции 1922 года¹.

Отсутствие в действующем советском уголовном законодательстве постановлений об ответственности иностранцев, совершивших преступления против интересов СССР или его граждан за границей, отнюдь не означает, что преступные действия этих лиц должны оставаться безнаказанными. В этом отношении следует полностью согласиться с мнением высказанным в свое время в нашей литературе, что «у нас нет оснований отказываться от уголовной ответственности иностранцев, совершивших против Союза ССР тягчайшие преступления за границей и оказавшихся в дальнейшем по каким-либо основаниям на территории СССР»².

Иностранец, совершивший преступление на территории своего государства против интересов или граждан последнего, в случае его задержания на территории СССР может быть привлечен к уголовной ответственности по советским законам при условии, если совершенное деяние признается уголовно-наказуемым по советским законам, а равно и по законам той страны, к которой принадлежит иностранец, лишь тогда, когда он уклонился от ответственности по законам своей страны. В таких случаях может встать вопрос о выдаче преступника, задержанного на территории СССР, заинтересованному государству. Выдача преступника может быть осуществлена или на основе уже имеющегося соглашения, или же на основе особой договоренности между СССР и заинтересованным государством по конкретному факту.

Таким же образом должен решаться вопрос и об ответственности иностранцев, совершивших преступление на территории своей страны против интересов другого

¹ В настоящее время такого рода постановления содержатся в Уголовных кодексах Венгерской Народной Республики (§ 4, 5, 6), Народной Республики Болгарии (ст. 67), Корейской Народно-Демократической Республики (ст. 4), Румынской Народной Республики (ст. ст. 10 и 11), Чехословацкой Республики (§ 14 и 15), подробно регламентирующих уголовную ответственность иностранцев, совершивших преступления вне пределов территории указанных государств.

² См. «Проблемы социалистического права» 1938 г. № 6 стр. 12.

государства или его граждан и затем задержанных на территории СССР.

Если иностранец совершил преступление на территории другого государства против интересов данного государства и его граждан или против своего государства и его граждан, а затем задержан на территории СССР, то ответственность по советским законам может иметь место, при условии, когда совершенное иностранцем преступление наказуемо по законам советского государства и законам государства, на территории которого было совершено преступление, или по законам государства, к которому принадлежит преступник.

В этом случае также может встать вопрос о выдаче преступника заинтересованному государству.

По «Руководящим началам» 1919 года субъектом преступления по советскому уголовному праву прямо признавались иностранцы, которые совершили преступления за границей, но уклонились от суда и наказания по законам места совершения преступления и оказались на территории РСФСР (ст. 27). В дальнейшем, однако, это положение не было воспринято советским уголовным законодательством.

Наконец, в случае совершения иностранцами на территории своего или территории другого государства преступлений, предусмотренных международными конвенциями, вопрос об их ответственности при задержании на территории СССР должен решаться на общих основаниях. Они несут ответственность перед советским судом по советским уголовным законам.

Советский Союз с первых дней своего существования признал ряд международных конвенций о законах и обычаях войны. Еще в 1918 году Советское государство присоединилось к Женевской конвенции 1906 года об улучшении участи больных и раненых. В этой конвенции впервые был поставлен вопрос об уголовной ответственности за нарушения установленных международным соглашением правил ведения войны.

Советское государство присоединилось также к Гаагской конвенции 1907 года о применении в морской войне начал Женевской конвенции.

В дальнейшем Советский Союз присоединился к ряду других конвенций. В 1928 году Советский Союз присоединился к Женевскому протоколу 1925 года о запреще-

нии применения на войне всякого рода ядов и бактериологических средств, в 1931 году—к Женевской конвенции 1929 года об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях. Конвенция 1929 года развила положение Женевской конвенции 1906 года и подробно регламентировала отношение к больным и раненым. Эта же конвенция предусматривала уголовную ответственность за нарушение установленных ею правил.

Советский Союз еще до Женевской конвенции 1929 года установил уголовную ответственность за нарушение некоторых законов и обычаев войны. Эта уголовная ответственность предусмотрена и в ныне действующем советском уголовном законодательстве (ст. ст. 193²⁸—193³¹ УК).

В 1949 году в Женеве при участии Советского Союза были разработаны и приняты четыре новых международных конвенции: о защите гражданского населения во время войны, об обращении с военнопленными, об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, об улучшении участи раненых, больных и лиц из состава вооруженных сил на море, которые потерпели кораблекрушение.

Все эти конвенции, ратифицированные 23 апреля 1954 г. Президиумом Верховного Совета СССР, содержат определенные нормы, направленные на защиту жертв войны.

Женевские конвенции 1949 года, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение положений конвенций, обязывают соответствующие правительства предавать суду нарушителей конвенций¹.

Иностранцы, виновные в нарушении законов и обычаев войны, установленных перечисленными конвенциями, если они задержаны на территории СССР, несут уголовную ответственность по советским уголовным законам.

Советский Союз установил уголовную ответственность также за нарушение некоторых других международных договоров и соглашений, что нашло свое прямое отражение в ст. ст. 94, 182¹, 183 УК. Иностранцы, нарушившие со-

¹ См. подробнее об этих конвенциях А. Н. Т р а й н и н, Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, Изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 180—221; П. С. Р о м а ш к и н, Военные преступления империализма, Госюриздат, 1953, стр. 23—58.

ответствующие международные соглашения и задержанные на территории СССР, должны нести уголовную ответственность по указанным статьям.

Следовательно, во всех рассмотренных выше случаях иностранцы, совершившие преступления за границей, могут быть признаны субъектами преступления по советскому уголовному праву и нести ответственность по советским законам. При этом дела об иностранцах могут рассматриваться в зависимости от соответствующих условий, по месту задержания и предания суду или следствию с применением законов места совершения преступления или законов места задержания.

При решении вопроса в выдаче преступника заинтересованному государству следует иметь в виду, что выдаче не подлежат иностранцы, преследуемые за границей за свои политические или религиозные убеждения. Это положение было провозглашено в советском законодательстве еще декретом ВЦИК от 28 марта 1918 г.¹ и в дальнейшем нашло свое закрепление и развитие в Конституции СССР, а также в Конституциях всех союзных республик.

Статья 29 Конституции СССР предоставляет право убежища в СССР иностранцам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, научную деятельность или национально-освободительную борьбу. Эта категория иностранцев ни в каких случаях не подлежит выдаче заинтересованным государствам.

Само собой разумеется, что иностранцы, как субъекты преступления по советскому уголовному праву, должны обладать соответствующими психо-физическими свойствами, при отсутствии которых они не могут быть признаны субъектами преступления и нести уголовную ответственность за свои деяния. Такими свойствами, присущими всем субъектам преступления вообще, являются вменяемость, и наличие определенного возраста в момент совершения преступления.

В изъятие вышеприведенного общего правила об уголовной ответственности иностранцев советское уголовное законодательство делает одно весьма существенное исключение. Иностранные подданные, пользующиеся правом экстерриториальности, изымаются из подсудности

¹ СУ РСФСР 1918 г. № 41, ст. 519.

советских судов по всем видам преступлений, совершенных ими на территории СССР.

Право экстерриториальности представляется обычно узкому кругу лиц на началах взаимности между государствами. Оно означает, что дипломатические представители, находящиеся в иностранном государстве и надлежаще аккредитованные при правительстве этого государства, а также другие лица, обусловленные договоренностью заинтересованных государств, за совершенные ими преступления не подлежат уголовной ответственности по законам страны, в которой они представлены.

Советское законодательство с самого начала предусматривало право экстерриториальности в отношении определенной группы иностранных представителей, пребывающих в советском государстве.

Так, еще декрет СНК от 30 июня 1921 г. «О дипломатических представителях иностранных государств, аккредитованных при Рабоче-Крестьянском правительстве РСФСР» устанавливал, что дипломатические представители и члены дипломатического корпуса пользуются правом личной неприкосновенности, в силу которого названные лица не подлежали задержанию ни в административном, ни в судебном порядке. В дальнейшем в ст. 1 УК 1922 года было подчеркнуто, что действие этого кодекса не распространяется на иностранцев, если они по своему дипломатическому положению пользуются правом экстерриториальности.

В настоящее время вопрос об определении круга иностранцев, которым предоставляется право экстерриториальности, регулируется «Положением о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР» 1927 года.

В соответствии со ст. 1 этого Положения дипломатическими представителями иностранных государств на территории СССР признаются представители этих государств, аккредитованные в настоящее время при Президиуме Верховного Совета СССР или при Министерстве иностранных дел СССР¹.

¹ В связи с выступлением на международной арене советских союзных республик в качестве суверенных государств и создания в них самостоятельных Министерств иностранных дел возможно признание в качестве дипломатических представите-

Согласно ст. 2 того же Положения дипломатическим представителям и членам дипломатических представительств иностранных государств, а именно: советникам (в том числе торговым), первым, вторым, и третьим секретарям и атташе (в том числе торговым, финансовым, военным и морским) предоставляются на началах взаимности все права и преимущества, присвоенные их положению, в соответствии с нормами международного права. В частности, дипломатические представители и члены упомянутых выше дипломатических представительств пользуются личной неприкосновенностью в силу которой они не могут быть подвергнуты аресту или задержанию в административном или судебном порядке; не подлежат юрисдикции судебных учреждений Союза ССР и союзных республик по уголовным делам за исключением тех случаев, когда на это имеется согласие правительства надлежащего иностранного государства; они также не обязаны давать показания по судебным делам, а в случае согласия давать такие показания, не обязаны для этого являться в суд. Права и преимущества, представленные ст. 2 Положения, распространяются на супругов и несовершеннолетних детей перечисленных в ней лиц.

Все лица, поименованные в ст. 2 Положения, в случае оставления территории Союза ССР пользуются всеми присвоенными их положению правами и преимуществами до момента выбытия из пределов Союза ССР.

Помещения, занимаемые дипломатическими представителями, и помещения, в которых проживают лица, указанные в ст. 2 Положения, и их семьи, являются неприкосновенными. В этих помещениях без согласия или просьбы дипломатического представителя не допускается производство каких-либо следственных действий. Эти помещения не могут быть опечатаны, и доступ в них разрешается лишь с согласия дипломатического представителя.

Статья 8 Положения устанавливает, что дипломатические курьеры, везущие дипломатическую почту в ад-

лей иностранных государств на территории союзных республик, представителей этих государств, надлежащим образом аккредитованных при Президиумах Верховных Советов и Министерствах иностранных дел соответствующих союзных республик.

рес дипломатических представительств иностранных государств на территории Союза ССР или дипломатическую почту, отправленную последними в адрес Министерства иностранных дел подлежащего государства или дипломатических представительств своего государства в третьих странах, а равно дипломатические курьеры иностранных государств, находящихся с Союзом ССР в дипломатических сношениях, везущие дипломатическую почту транзитом через территорию Союза ССР, пользуются личной неприкосновенностью. Они также не могут быть подвергнуты аресту или задержанию в административном или судебном порядке, а почта, перевозимая ими, ни при каких обстоятельствах не подлежит вскрытию или задержанию. Перечисленные преимущества предоставляются дипломатическим курьерам только на началах взаимности.

По общему правилу, право экстерриториальности не распространяется на консульских представителей иностранных государств, которыми на территории Союза ССР в соответствии со ст. 9 Положения о дипломатических и консульских представительствах 1927 года признаются лица, назначенные соответствующими представительствами в качестве генеральных консулов, консулов, вице-консулов и консульских агентов и принятых в качестве таковых Правительством Союза ССР в лице Министерства иностранных дел. Однако Положение ст. 11 устанавливает, что консульские представители иностранных государств пользуются на началах взаимности правами и преимуществами, присвоенными их положению, согласно нормам международного права. В частности, консульские представители не подлежат юрисдикции судебных учреждений Союза ССР и союзных республик по делам о должностных преступлениях; могут быть лишены свободы не иначе, как по вступившему в законную силу приговору суда, а в порядке меры пресечения—не иначе, как по постановлению подлежащего судебному следственному органу и притом только в случаях возбуждения против них судебного преследования за деяния, подсудные Верховному Суду СССР, Верховным судам союзных республик, краевым (и соответствующим им) судам и военным трибуналам; пользуются неприкосновенностью служебной переписки, хранящейся в помещении консуль-

ских представителей отдельно от личной корреспонденции консульского персонала. Означенная переписка не подлежит осмотру, выемке или опечатанию¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 г. «О порядке представления прав и преимуществ техническому и обслуживающему персоналу иностранных посольств и миссий в СССР» установлено, что права и преимущества, предусмотренные «Положением о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР» от 14 января 1927 г., могут распространяться на технический и обслуживающий персонал иностранных посольств и миссий в СССР (за исключением граждан СССР), исходя в отношении каждой отдельной страны из принципа взаимности².

Кроме вышеуказанных дипломатических представителей, правом экстерриториальности в соответствии с нормами международного права пользуются главы государств и члены правительств иностранных государств, находящихся в СССР и по его приглашению с официальным визитом, а также в отдельных случаях иные лица, если между СССР и заинтересованным государством имеется соответствующая договоренность об этом.

Содержание права экстерриториальности дается только в соответствующих постановлениях о дипломатических и консульских представительствах, а советское уголовное законодательство в соответствии с этими постановлениями исключает из-под действия советских уголовных законов иностранцев, пользующихся экстерриториальностью, в случае совершения ими на территории СССР какого-либо преступления. При этом освобождение от уголовной юрисдикции иностранцев, пользующихся правом экстерриториальности, вовсе не означает, что мы тем самым не считаем этих иностранцев, совершивших преступления на территории СССР, субъектами преступления по советскому уголовному праву.

В данном случае речь может идти лишь об особом порядке привлечения иностранца, пользующегося экс-

¹ См. «Сборник законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик 1927 г.», М., 1928, стр. 68—71.

² См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1956 г. № 12 (854), стр. 296, ст. 256.

территориальностью, к уголовной ответственности. Прямое указание на это имеется в действующем советском уголовном законодательстве.

В части 3 ст. 1 «Основных начал» указывается, что «вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся экстерриториальностью, разрешается дипломатическим путем». Это положение в несколько иной формулировке содержится в ст. 5 УК 1926 года.

В случае совершения на территории СССР преступлений иностранцами, обладающими правом экстерриториальности, они должны быть отозваны в свою страну, где и должен решаться вопрос об уголовной ответственности их по отечественным законам или же о передаче этих лиц с согласия заинтересованного государства советскому государству для предания суду по законам места совершения преступлений.

Несколько особо стоит вопрос о признании субъектами преступления по советскому уголовному праву иностранцев-военнопленных.

Советское уголовное законодательство не содержит постановлений, специально касающихся вопроса об ответственности иностранцев-военнопленных. Их ответственность в уголовном порядке регулируется международными конвенциями. Эти конвенции обеспечивают особое положение военнопленных, но вместе с тем не исключают их ответственность перед государством, пленившим их, за совершенные ими на временно занятой территории или в период пребывания в плену преступления.

Так, Конвенция 1949 года об обращении с военнопленными, развивая положения Женевской конвенции 1929 года, допускает уголовную ответственность военнопленных по законам государства, пленившего их. Согласно конвенции военнопленные должны подчиняться законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах пленившего их государства. За нарушение этих законов, уставов и приказов они могут быть привлечены к уголовной или дисциплинарной ответственности. Все дела о военнопленных рассматриваются военными судами. Гражданские суды могут рассматривать дела о военнопленных только в случае, когда по местному законодательству им подсудны также дела о преступлениях, совершенных военнослужащими.

При рассмотрении дел о военнопленных последним по конвенции должен быть предоставлен ряд гарантий, обеспечивающих справедливость при рассмотрении дела в суде, как-то: право иметь квалифицированного защитника, заранее получить обвинительное заключение, право вызывать свидетелей, выступать на родном языке, иметь переводчика и т. д.

Таким образом, не вызывает каких-либо сомнений, что иностранцы-военнопленные в соответствии с Конвенцией 1949 года, как правило, могут быть признаны субъектами преступления по советскому уголовному праву и нести ответственность на основании советских уголовных законов за преступления, совершенные ими на временно оккупированной территории или в период пребывания в плену. Однако круг преступлений, субъектами которых могут быть признаны иностранцы-военнопленные, в советском уголовном праве ограничен.

Самое положение военнопленных обуславливает возможность привлечения их к уголовной ответственности лишь за некоторые преступления, предусмотренные статьями о воинских преступлениях, как-то: неисполнение приказа, оскорбление, оказание сопротивления, самовольная отлучка и некоторые другие.

Круг общеуголовных преступлений, за которые могут быть привлечены к ответственности военнопленные, фактически также ограничен, главным образом преступлениями против личности, разбоем, бандитизмом, хищениями и т. п.

Особенности и характер отдельных составов преступлений, предусмотренных советским уголовным законодательством, в ряде случаев фактически ограничивают возможность признания субъектом преступления не только иностранцев-военнопленных, но и вообще всех иностранцев как пользующихся правом экстерриториальности, так и не пользующихся этим правом. Так, в силу особого характера воинских преступлений, большинства преступлений против обороны СССР (ст. ст. 59^а, 59^б, 64, 66, 68, 70 УК, Указ Президиума Верховного Совета СССР 9 июня 1947 г. и др.) и должностных преступлений (ст. 111-а, ч. 1 ст. 112, ст. ст. 113, 114, 115, 121 УК) иностранцы фактически не могут быть субъектами этих преступлений. Кроме того, иностранцы не могут быть субъектами преступления и нести ответственность по

советским уголовным законам по целому ряду других преступлений вследствие их специфики. К ним можно отнести преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{1а}, 58^{1с}, 60, 62, 128, 128-а, 128-в, 156, 157, 158 и некоторыми другими статьями УК.

На территории Советского Союза проживают или временно могут находиться не только иностранцы, но и так называемые «лица без гражданства». Действующему советскому законодательству известного рода категория лиц, проживающих в пределах СССР.

Статья 8 «Закона о гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» от 19 августа 1938 г. к лицам без гражданства относит лиц, «проживающих на территории СССР, не являющихся . . . гражданами СССР и не имеющих доказательств своей принадлежности к иностранному государству»¹.

Советское уголовное законодательство не содержит никаких постановлений относительно ответственности лиц без гражданства.

Отсюда вытекает, что эти лица могут быть признаны субъектами преступления и нести уголовную ответственность перед советским судом за совершенные ими преступления на общих основаниях с гражданами СССР.

Этой точки зрения последовательно придерживается и наша судебная практика. Так, например, народным судом был осужден по ч. 2 ст. 243 УК Таджикской ССР на два года лишения свободы А., не имеющий гражданства. Он был признан виновным в том, что являясь лицом без гражданства и будучи предупрежденным соответствующими органами о правилах проживания и передвижения по СССР лиц без гражданства, систематически нарушал эти правила. Так, в октябре 1942 года А. нарушил срок явки на регистрацию, за что был оштрафован. В феврале 1945 года он вообще не явился на регистрацию и самовольно переехал на жительство в другое место, за что также был оштрафован. В августе 1946 года за просрочку визы на жительство был снова оштрафован. В мае 1947 года без разрешения выехал в город Н.

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1938 г. № 11.

Верховный Суд Таджикской ССР прекратил данное дело по тем мотивам, что действия А. якобы не охватываются ч. 2 ст. 243 УК Таджикской ССР, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение паспортного режима. По мнению Верховного суда Таджикской ССР, А. за свои действия должен нести только административную ответственность¹.

С этими доводами Верховного суда Таджикской ССР нельзя согласиться. Статьи 46—55 Положения о паспортах, утвержденного Постановлением СНК СССР № 1667 от 10 сентября 1940 г., предусматривали, что лица, не имеющие гражданства, в любом случае выезда с места жительства независимо от причин и сроков должны выписываться из домово́й книги по месту прежнего жительства и в течение 24 часов после прибытия прописаться по месту нового жительства независимо от того, является ли данная местность паспортизированной или нет. Этот порядок проживания лиц без гражданства был объявлен А. под расписку. Однако он неоднократно нарушал установленные для него правила передвижения и прописки, и поэтому правильно был осужден народным судом по ч. 2 ст. 243 УК Таджикской ССР.

При решении вопроса об уголовной ответственности лиц без гражданства за совершенные ими преступления необходимо учитывать, что фактическая возможность быть субъектом преступления по советскому уголовному праву этой категории лиц, по сравнению с гражданами СССР, ограничена характером и особенностями отдельных преступлений. Они, как и иностранцы, не могут быть субъектами целого ряда преступлений, известных советскому уголовному законодательству.

¹ См. Архив Верховного Суда СССР, 1949.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОПРОС О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ КАК СУБЪЕКТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Советское уголовное законодательство исходит из того, что субъектом преступления может быть только человек, т. е. физическое лицо.

Это положение прямо вытекает из смысла ст. ст. 2—5 УК, устанавливающих, что действие уголовного законодательства распространяется только на граждан СССР и иностранцев, совершивших преступления на территории соответствующей советской республики¹. Тем самым не допускается признание юридических лиц субъектами преступления.

Эта принципиально правильная и научно обоснованная позиция, занимаемая уголовным законодательством СССР, вытекает из сущности социалистического общественного строя.

Что представляют из себя юридические лица? Согласно ст. 13 ГК РСФСР юридическими лицами признаются объединения лиц, учреждения или организации, которые

¹ Уголовное законодательство других социалистических государств также исходит из признания субъектами преступления только физических лиц. См. Уголовные кодексы Народной Республики Албании (ст. ст. 58—61), Народной Республики Болгарии (ст. ст. 65—67), Венгерской Народной Республики (§ 3), Корейской Народно-Демократической Республики (ст. ст. 2—4), Монгольской Народной Республики (ст. ст. 2—4), Чехословацкой Республики (§ 14). Только Уголовный кодекс Румынской Народной Республики содержит специальное постановление о юридических лицах. Статья 85, например, предусматривает: «Когда преступление или проступок, наказуемые по закону на срок не менее одного года исправительного тюремного заключения, были совершены директором или управляющим общества, ассоциации или корпорации, работающими от имени юридического лица и на средства этого лица, суд

могут как таковые приобретать права по имуществу, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде.

Юридические лица участвуют в гражданском обороте и вступают в сделки через посредство своих органов или через своих представителей. Как субъекты гражданского права они отвечают за вред, причиненный деятельностью его органов другим лицам при условии, если органы действовали в сфере своей компетенции. Вина органа в таких случаях, если она составляет условие ответственности, рассматривается как вина самого юридического лица. При наличии этих условий юридические лица несут ответственность за противоправные действия и упущения своих органов не только за договорную вину, но и за внедоговорную¹. На общих основаниях юридические лица несут ответственность за вину своих представителей по договорным обязательствам². Юридические лица на общих основаниях отвечают также за вред, причиненный его рабочим и служащим при совершении возложенных на них хозяйственно-технических операций³. Во всех этих случаях определенные действия совершаются не самими юридическими лицами, а от их имени уполномоченными компетентными лицами. Юридические лица сами по себе как таковые вообще не могут совершать как правомерные, так и неправомерные действия. Они, например, не в состоянии заключить ни законные, ни мошеннические сделки, равным обра-

может, кроме наказания, примененного к физическому лицу, вынести решение о мерах безопасности, состоящих в упразднении или роспуске юридического лица, исходя из степени опасности, которую представляет для общественной нравственности или порядка продолжение деятельности юридического лица. Роспуск влечет за собой ликвидацию имущества юридического лица на условиях, установленных законом о юридических лицах.

Упразднение заключается в прекращении любой деятельности юридического лица даже под другим наименованием и с другими директорами или администраторами.

Срок, на который упраздняется юридическое лицо, не может превышать двух лет».

¹ См. «Советское гражданское право», т. 1, Госюриздат, 1950, стр. 158.

² См. ч. 2 ст. 119 ГК РСФСР.

³ См. «Советское гражданское право», т. 1, Госюриздат, 1950, стр. 159.

зом учинить поддельные или неподдельные подписи на документах¹.

Однако гражданско-правовая ответственность юридических лиц за неправомерные действия их уполномоченных не вызывает каких-либо сомнений. Эта ответственность основана на законе.

Договор, заключенный руководителем учреждения, предприятия или организации и от их имени, является обязательным для всего юридического лица. Поэтому правовые последствия неправомерных действий данного руководителя как уполномоченного юридического лица переносятся непосредственно на само юридическое лицо.

Но возможно ли, подобно гражданско-правовым последствиям, перенесение на само юридическое лицо уголовно-правовых последствий в случае, если физическое лицо, выступающее от имени юридического лица, совершит преступление? Иными словами, может ли юридическое лицо как таковое совершить преступление, а следовательно, быть признано субъектом преступления и нести уголовную ответственность? Советское уголовное законодательство и судебная практика отвергают возможность признания юридического лица субъектом преступления.

В определении от 19 октября 1927 г. Верховный суд Украинской ССР со всей определенностью подчеркнул, что «по действующему законодательству в уголовном порядке могут нести ответственность *только физические, но никак не юридические лица*. (Курсив наш.— В. О.) Имея же в виду, что сельское об-

¹ Некоторые буржуазные ученые считают, что юридическим лицам присуща особая воля, благодаря которой они способны совершать преступления и, следовательно, нести уголовную ответственность. Против такого воззрения обоснованно возражал еще Э. Я. Немировский, который указывал, что воля юридического лица не есть воля каждого участника последнего, а воля большинства в конкретном действии... и эта воля не естественная, не психологическая способность, а искусственная: воля рассматривается как воля юридического лица, потому что устав последней определил, чью волю можно признавать волей корпорации или учреждения, уголовное право не имеет дело с такой волей, для него важно проявление естественной воли, т. е. воли как определенного психического процесса (см. Э. Я. Немировский, Учебник уголовного права, часть Общая, 1919, стр. 98).

щество является юридическим лицом, суду надлежало выяснить, кто именно из уполномоченных общества нарушил правила Кодекса Закона о труде, так как только уполномоченные в качестве физических лиц могут и должны подлежать ответственности за совершение общественно опасных действий»¹.

В теории уголовного права все советские криминалисты также признают, что юридические лица не могут быть субъектами преступления.

Если отдельными представителями юридических лиц совершены преступления, то именно эти представители, а не юридические лица, от имени которых они выступали, и должны нести уголовную ответственность.

Юридические лица (предприятия, учреждения, колхозы, учебные заведения и т. д.) совершать преступления не могут: они не в состоянии ни убить, ни применить насилия, ни украсть, ни оскорбить. Уже по одному только этому основанию ни в каких случаях юридические лица не могут быть признаны субъектами преступления и привлечены к уголовной ответственности².

Выше уже указывалось, что субъектом преступления по советскому уголовному праву может быть признан лишь тот, кто обладает определенными психо-физическими свойствами: вменяемостью и соответствующим возрастом. Если совершивший общественно опасное деяние, данными свойствами не обладает, то он ни при каких условиях не может быть привлечен к уголовной ответственности. Но каждому ясно, что юридические лица не могут быть признаны ни вменяемыми, ни невменяемыми,

¹ «Вестник советской юстиции» 1928 г. № 2, стр. 59.

² Возражая против возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности проф. С. В. Познышев писал: «... Признание юридических лиц возможными субъектами преступлений должно бы повлечь за собою создание особых правил для уголовной ответственности их; введение этих особых правил только осложняло бы работу уголовного законодателя и судьи... против такого осложнения нельзя было бы возразить, если бы оно вызывалось каким-либо действительным общественным интересом, действительной потребностью. Но такой потребности не существует; в целях успешной борьбы с преступностью достаточно общих правил об уголовной ответственности, тем более, что для успеха этой борьбы необходимо возможное индивидуализирование наказания» (С. В. Познышев, Очерк основных начал науки уголовного права, т. 1, М., 1923, стр. 53).

так же как они не могут иметь и определенного возраста, каким должны обладать физические лица, на которых может быть распространено действие уголовного законодательства при совершении общественно опасных деяний.

В осуществлении правосудия по уголовным делам важное значение, как уже отмечалось, имеет установление вины лиц, совершивших преступление. Установление вины лица в форме умысла или неосторожности является основанием уголовной ответственности за общественно опасные деяния. Разумеется, что юридические лица сами по себе не могут действовать ни умышленно, ни неосторожно. Поэтому они не могут быть признаны также виновными или не виновными в смысле уголовного права¹.

Не только институты вменяемости, вины, но и вообще все институты и понятия, известные советскому уголовному праву, неприменимы к юридическим лицам. Так, например, нельзя сказать в отношении юридических лиц, что они могут совершить приготовление или покушение на преступление, участвовать в преступлении, находиться в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Применительно к юридическим лицам немыслимо осуществление целей и задач наказания.

При любых условиях невозможно себе представить, чтобы юридические лица могли быть привлечены к уголовной ответственности и осуждены по советскому уголовному праву к лишению свободы, исправительно-трудовым работам или иной мере уголовного наказания.

Недопустимость, с точки зрения советского уголовного права, признания юридических лиц субъектами преступления, однако, не освобождает от уголовной ответственности тех лиц, которые непосредственно совершили преступные деяния в то время, когда они выступали от имени юридических лиц. Если, например, председатель

¹ Проф. С. В. Познышев считал, что если даже допустить возможность совершения преступления юридическим лицом, то и в этом случае его нельзя привлечь к уголовной ответственности, так как в соответствии с основными принципами карательной деятельности можно лишь говорить об индивидуальной вине каждого члена юридического лица, но не о вине самого юридического лица (см. его «Очерк основных начал уголовного права», т. 1, М., 1923, стр. 52).

или члены правления колхоза допускают преступное нарушение Устава сельскохозяйственной артели, то естественно, ответственность в уголовном порядке в этом случае несет не колхоз как юридическое лицо, а председатель или члены правления колхоза, персонально виновные в учинении преступных деяний. Или, например, когда приглашенный судебно-следственными органами из соответствующего судебноэкспертного учреждения эксперт-специалист для производства экспертизы дает заведомо ложное заключение по делу, то в таком случае ответственность в уголовном порядке также несет непосредственный виновник преступного деяния, а не само судебноэкспертное учреждение, от имени которого действует данный эксперт.

Иногда сам законодатель в нормах Особенной части Уголовного кодекса особо подчеркивает тот факт, что юридические лица не могут нести уголовную ответственность за деяния, совершенные от их имени полномочными лицами.

В ст. 128-г УК, устанавливающей уголовную ответственность за выпуск учреждениями, предприятиями и общественными организациями, т. е. юридическими лицами, всякого рода займов, облигаций и других видов ценных бумаг, а также бон и иных денежных суррогатов, прямо подчеркивается, что предусмотренные в ней меры наказания могут быть применены не в отношении перечисленных юридических лиц, а только в отношении их руководителей, виновных в совершении упомянутых деяний.

Точно так же ст. 128-а УК, предусматривая ответственность за выпуск каким-либо промышленным предприятием, т. е. юридическим лицом, недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции, устанавливает применение наказаний не в отношении данного предприятия как юридического лица, а только в отношении директора, главного инженера и начальника отдела технического контроля данного предприятия.

Совершенно противоположную позицию в вопросе о признании юридических лиц в качестве субъектов преступления занимают уголовное законодательство некоторых капиталистических государств и отдельные представители буржуазной теории уголовного права.

Буржуазное уголовное право в начале своего развития не допускало уголовной ответственности юридиче-

ских лиц. В течение длительного времени господствовал принцип, провозглашенный еще в римском праве и нашедший свое выражение в известном изречении о том, что «юридические лица не могут совершать преступлений» (*Societas delinquere non potest*).

С течением времени, однако, отдельные буржуазные теоретики стали высказываться в пользу признания юридических лиц в качестве субъектов преступления и возможности привлечения их к уголовной ответственности. Аргументировалось это тем, что условия дееспособности в уголовном праве одинаковые с условиями дееспособности в гражданском праве, и поэтому юридически якобы вполне возможно совершение преступлений отдельными корпорациями¹.

Отсюда ими делался вывод о возможности осуждения юридических лиц в уголовном порядке.

Некоторые представители буржуазной теории уголовного права высказывали в литературе также мнения о мерах наказания, которые могли быть применены к юридическим лицам. Так, например, Местр², Хавтер³ и другие полагали, что к юридическим лицам могут быть применены в качестве меры наказания смертная казнь, в виде роспуска или закрытия юридического лица, лишение свободы—в виде изгнания, высылки, запрещения пребывать в известном месте, лишение разных прав и при-

¹ В русской дореволюционной литературе отрицалась возможность признания юридических лиц субъектами преступления. В частности, против приведенной в пользу признания юридических лиц субъектами преступления аргументации выступал Н. С. Таганцев, который считал, что за юридическими лицами государство не может признать правоспособности в сфере преступных деяний. Уголовная ответственность, указывал он, обуславливается виновностью лица: все равно будет ли эта вина умышленная или неосторожная, она предполагает наличность реальной, а не фиктивной воли, предполагает не только правоспособность, но и дееспособность, а этого условия, естественно, не существует в лице юридическом, действующем во всех юридических отношениях через представителей» (см. Н. С. Таганцев, Лекции по русскому уголовному праву. часть Общая, вып. II, 1888, стр. 389—390).

² См. Mestre, *Zes personnes morales et le probleme de leur responsabilite penale*, 1899, стр. 285 и след.

³ См. Hafter, *Die Delikts und Straffähigkeit der Personenverbände*, 1903, стр. 139 и сл.

вилегий, выговор, полицейский надзор, имущественные наказания и опубликование приговора.

Признание юридических лиц субъектами преступления имело место не только в буржуазной теории уголовного права. Постепенно оно получило свое прямое отражение в буржуазном уголовном законодательстве.

В дореволюционном русском уголовном законодательстве имелись постановления, частично допускавшие уголовную ответственность юридических лиц. К этим постановлениям можно отнести ст. 530 Уложения о наказаниях издания 1885 года, предусматривавшую уголовную ответственность еврейских обществ за укрывательство военных беглецов из евреев, и ст. 985 того же Уложения, устанавливавшую уголовную ответственность обществ за вторичный отпуск лиц, которые не могли обеспечить себе пропитание, если эти лица впоследствии будут изоблечены в прошении милостыни. В указанных случаях к юридическим лицам применялось наказание в виде штрафа.

Не исключало и не исключает полностью в настоящее время уголовную ответственность юридических лиц и законодательство Англии, до сих пор в значительной степени сохранившее пережитки феодализма. По английскому уголовному законодательству юридические лица (корпорации) не могут быть осуждены в уголовном порядке за преступления, влекущие за собой наказания, которые могут быть назначены отдельному человеку. Юридические лица, например, не могут быть повешены или заключены в тюрьму. Однако допускается применение к юридическим лицам штрафов как меры уголовного наказания. Характерным в этом отношении являются высказывания некоторых английских юристов.

«Против корпорации как таковой,—пишет Кенни,—преследование может вестись лишь за такие преступления, за которые предусмотрено наказание в виде штрафа. Несмотря на то, что простое убийство может быть караемо штрафом, корпорация не подлежит преследованию за совершение такого преступления, как и за совершение любого другого преступления, включающего в себя элемент насилия над личностью (например, нападение или массовые беспорядки), или за совершение филонии... Корпорация может быть обвинена и присуждена к штрафу за учинение пасквиля, опубликованного по ее

распоряжению, но она не может быть преследуема за насильственное проникновение в чужое жилище в ночное время или за другое преступление, слишком серьезное для того, чтобы наказание за его совершение могло ограничиваться только денежным штрафом»¹.

Юридические лица, по английскому уголовному законодательству, могут быть привлечены к уголовной ответственности и осуждены к наказанию в виде штрафа не только за «пасквиль» (ляйбель), но также и за «причинение вреда» или за проявившееся в бездействии или злоупотреблении властью нарушение тех или иных обязанностей, возложенных на них законом².

С перерастанием капитализма в империализм, особенно в период после первой мировой войны, принцип уголовной ответственности юридических лиц в буржуазном уголовном законодательстве получил более широкое признание. В указанный период еще больше возросло среди буржуазных теоретиков число сторонников возможности признания юридических лиц субъектами преступления. Это объясняется тем, что в эпоху империализма происходит обострение классовых противоречий, с одной стороны, рост могущества капиталистических монополий, все более открыто и нагло грабящих население своей страны и народы зависимых и колониальных стран, с другой стороны, ширится движение рабочего класса, объединенного в профессиональные союзы, которые все более и более становятся боевыми организациями рабочего класса. Против этих организаций и пытаются, в первую очередь, направить острие уголовного закона услужливые лакеи буржуазной правовой науки.

Так, например, в 1920 году профессор Пелла опубликовал во Франции специальную работу, в которой он с ожесточением обрушивается против французских профсоюзов, требуя применения уголовной репрессии, «осторожно, но и без колебания», не только против руководителей профсоюзного движения, но и непосредственно против самих союзов как юридических лиц. Этот деятель науки с негодованием сетовал, что профсоюзы выходят

¹ К. К е н н и, Основы уголовного права, Госюриздат, 1949, стр. 71; см. также Э. Д ж е н к с, Английское право, Юриздат, 1947, стр. 144.

² См. Н. Н. П о л я н с к и й, Уголовное право и уголовный суд в Англии, Юриздат, 1937, стр. 29—30.

за пределы своей деятельности—защиты профессиональных интересов, вмешиваются в политическую борьбу. Поэтому государству,— утверждал он,—необходимо защищать от профсоюзов с помощью уголовной репрессии «свободу личности», т. е., проще говоря, защищать право штрейкбрехерства¹.

Несколько позднее на конгрессе Международной ассоциации уголовного права, который происходил в 1929 году в Бухаресте, был заслушан ряд докладов, специально посвященных теоретическому обоснованию возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Этот конгресс вынес специальное постановление о необходимости внесения в национальное уголовное законодательство капиталистических государств особой нормы, предусматривающей уголовную ответственность юридических лиц, преступно нарушающих законы государства².

Постановка на Бухарестском конгрессе в широком теоретическом плане вопроса об уголовной ответственности юридических лиц была вызвана классовыми интересами господствующей буржуазии, которая стремилась заполучить в свое распоряжение теоретическое обоснование возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц с тем, чтобы затем широко использовать на практике эту реакционную доктрину в борьбе против профсоюзов и других демократических общественных организаций рабочего класса и всех других слоев трудящихся.

Действительно, реакционные империалистические силы, как показывают многочисленные факты, ловко используют принцип уголовной ответственности юридических лиц для разнузданной борьбы с демократией, прогрессом, рабочим движением, коммунизмом, организациями рабочего класса. С помощью этого принципа в капиталистических странах предаются гонению и запрещению сотни демократических прогрессивных организаций.

¹ См. А. Н. Трайнин, Защита мира и уголовный закон, М., 1937, стр. 104; см. его же, Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 35.

² См. А. Н. Трайнин, Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 35—36.

Особенно ярко это проявляется в США, где уголовное законодательство, предусматривающее наложение на юридических лиц огромных штрафов, широко используется для борьбы с прогрессивными организациями.

Уголовное законодательство некоторых штатов, в частности, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк предусматривает в § 1932, что во всех случаях, когда юридическое лицо осуждается за преступление, за совершение которого физическое лицо было бы осуждено к тюремному заключению, как за тяжкое преступление, такое юридическое лицо наказывается штрафом до 5 тысяч долларов.

Приведенное постановление кодекса практически никогда не используется в борьбе с монополиями, повседневно совершающими тягчайшие преступления. Имевшая место в свое время попытка использовать принцип уголовной ответственности юридических лиц в некоторых штатах Северной Америки против преступной деятельности капиталистических монополий, как известно, не увенчалась успехом. Но даже, если предположить возможность действительного использования уголовного закона против преступной деятельности монополий, то угроза наказанием могущественным монополиям в виде штрафа в 5 тыс. долларов вряд ли окажет на них сколько-нибудь ощутимое воздействие.

Совсем иное дело, когда речь идет о применении принципа уголовной ответственности юридических лиц к профсоюзным и другим прогрессивным общественным организациям.

В этом случае под прямое действие уголовного закона подпадают все так называемые «подрывные» организации, к которым в США причисляются десятки прогрессивных организаций. Достаточно сказать, что только в 1947 году правительство США опубликовало список 78 «подрывных организаций», в числе которых фигурируют Коммунистическая партия, «Национальный совет советско-американской дружбы», «Американская молодежная организация борьбы за демократию» и много других.

Число таких организаций, включенных в список «подрывных», в США растет с каждым годом.

Путем издания реакционных законов, типа закона Тафта—Хартли, американский империализм пытается ликвидировать такие демократические завоевания трудящихся, как право объединяться в профсоюзы в целях от-

ствания своих интересов перед предпринимателями, право организовывать забастовки и т. п.

Закон Тафта—Хартли, вступивший в силу 22 августа 1947 г., резко ограничивает право забастовок и дает предпринимателям возможность по любому поводу возбуждать иски против профсоюзов.

С помощью этого закона на профсоюзные организации накладываются огромные штрафы, чем подрывается финансовая база профсоюзных организаций, материальная основа их деятельности. По подсчетам прогрессивной американской печати за пять лет действия закона только 10 профсоюзов потеряли более 20 млн. долларов, уплаченных ими в виде штрафов и других взысканий, на основе закона Тафта—Хартли¹.

Таким образом, принцип уголовной ответственности юридических лиц, пропагандируемый представителями буржуазной науки уголовного права, в настоящее время на практике широко используется в США и других капиталистических странах для борьбы с любыми прогрессивными организациями. Этот принцип лишен какого-либо научного основания. Вместе с тем он глубоко реакционен в политическом отношении. Вот почему ни по теоретическим, ни по практическим соображениям принцип возможности уголовной ответственности юридических лиц не нашел своего признания в советском уголовном праве за весь период его исторического развития.

¹См. И. Л а п и ц к и й, К положению в американском профсоюзном движении, «Новое время» 1953 г. № 6, стр. 9.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧЕНИЯ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1. Вопрос о применении аналогии по субъекту преступления

В теории советского уголовного права и в судебной практике общепринято считать, что правильное применение аналогии, основанное на точном соблюдении ныне действующего уголовного законодательства, требует в каждом случае соблюдения ряда необходимых условий.

Одним из таких условий, является, в частности, положение о том, что деяние не может быть квалифицировано по аналогии, если законодатель прямо ограничивает ответственность по тому или иному уголовному закону особыми условиями, не присущими данному деянию.

По действующему советскому уголовному законодательству, как уже указывалось, значительное количество норм в качестве субъектов отдельных преступлений предусматривает не вообще любого человека, обладающего общими свойствами всех субъектов преступления, а лишь человека, наделенного особыми свойствами или признаками (специальные и специально-конкретные субъекты). Если эти особые свойства или признаки отсутствуют у человека, совершившего деяние, подпадающее по своим объективным признакам под действие того или иного закона, то применение аналогии для восполнения недостающих признаков состава, характеризующих специального или конкретно-специального субъекта преступления, исключается.

Аналогия, как правильно указывает проф. А. Н. Трайнин, не является тем магическим средством, при помощи которого может быть восполнен любой из элементов состава¹. Он считает, что «... пользоваться аналогией для

¹ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, Госюриздат, 1957, стр. 262—263.

восполнения элементов состава, характеризующих специальный круг субъектов, значило бы вступить в противоречие с ясно выраженной волей законодателя»¹. Данную точку зрения проф. А. Н. Трайнина справедливо разделяют многие другие советские криминалисты, также отрицающие допустимость применения аналогии по субъекту преступления.

Так, например, проф. Н. Д. Дурманов пишет: «Если применяемая по аналогии статья предусматривает специального субъекта преступления, то и совершенное деяние, по общему правилу, может караться по аналогии лишь при наличии такого субъекта»².

Подобные высказывания мы встречаем у А. А. Герцензона³, А. А. Пионтковского⁴, М. Д. Шаргородского⁵, В. М. Чхиквадзе⁶ и других советских криминалистов.

Следовательно, в теории советского уголовного права в настоящее время вопрос о недопустимости применения аналогии по субъекту преступления является бесспорным. Не вызывает какого-либо сомнения этот вопрос и в судебной практике.

¹ А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, Госюриздат, 1957, стр. 264.

² Н. Д. Дурманов, *Понятие преступления*, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 225. Несколько раньше проф. Н. Д. Дурманов стоял на иных позициях. В статье «Уголовная ответственность за взяточничество по действующему советскому законодательству» он писал: «...Следует прийти к выводу, что субъектом получения взятки может быть свидетель, эксперт, судебный переводчик, понятой. Однако поскольку в законе прямо это не сказано, ответственность за взяточничество этих... лиц, не являющихся должностными, возможно лишь по аналогии» (см. «Проблемы социалистического права» 1937 г. сб. II, стр. 23—24). Таким образом, раньше проф. Н. Д. Дурманов допускал возможность применения аналогии по специальному субъекту преступления, что нельзя было признать правильным.

³ См. А. А. Герцензон, *Уголовное право, часть Общая*, 1948, стр. 210.

⁴ См. А. А. Пионтковский, *Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов*, Госюриздат, 1954, стр. 22—23.

⁵ См. М. Д. Шаргородский, *Уголовный закон*, Юриздат, 1948, стр. 210; см. его же, *Вопросы Общей части уголовного права*, Издательство Ленинградского университета, 1955, стр. 20—22.

⁶ В. М. Чхиквадзе, *Советское военно-уголовное право*, Юриздат, 1948, стр. 152—154.

Верховный Суд СССР в своих определениях неоднократно указывал на недопустимость применения аналогии по субъекту преступления.

Так, по делу Ц. Пленум Верховного Суда СССР указал, что «коллегия неосновательно квалифицировала действия Ц. по ст. ст. 16—121 УК РСФСР, имея в виду допущенное Ц. разглашение не подлежащих оглашению сведений. Статья 121 предусматривает указанные в ней действия, совершенные должностным лицом; поскольку, таким образом, сам закон ограничивает круг лиц, на которых он распространяется, является неправильным распространение его по аналогии на лиц, прямо не указанных в законе».

По данному делу Пленум Верховного Суда СССР сделал общий правильный вывод, что «Уголовный закон, ограничивающий круг лиц, на которых он распространяется, не может быть применен по аналогии к лицам, прямо в законе не указанным»¹.

Несколько позднее в руководящем постановлении от 29 ноября 1946 г. по делу Т., Пленум Верховного Суда СССР еще раз разъяснил, что «статья 105 УК УССР, ст. 117 УК РСФСР и соответствующие им статьи УК других союзных республик, устанавливая уголовную ответственность за получение взятки, указывают в качестве субъекта этого преступления должностное лицо; поскольку закон ограничивает круг лиц, ответственных за то или иное преступление, распространение такой ответственности путем аналогии на лиц, не указанных в законе, является неправильным... Применение статьи Уголовного кодекса к деяниям, которые наряду со сходными с данной статьей элементами состава содержат элементы, специально исключенные этой статьей из сферы ее применения, представляет собой уже не применение аналогии, а неправильное применение закона вопреки ограничению, указанному в самом законе. В связи с этим недопустима аналогия по субъекту преступления, поскольку закон, устанавливая специального субъекта, тем самым исключает из сферы своего применения всех иных лиц, лишенных свойств данного специального субъекта.

Поэтому следует признать, что и статья уголовного кодекса, предусматривающая уголовную ответственность

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 34.

за получение взятки должностным лицом, устанавливая, таким образом, в качестве специального субъекта должностное лицо и исключая тем самым из-под действия этой статьи всех иных лиц, не может быть путем аналогии применена к недолжностным лицам»¹.

В приведенном случае Пленум Верховного Суда СССР не согласился с осуждением по аналогии за взыскание кочегара паровоза, получившего денежное вознаграждение за незаконный перевоз пассажиров, на том основании, что ст. 105 УК УССР (ст. 117 УК РСФСР) предусматривает в качестве субъекта преступления только должностное лицо, коим кочегар паровоза не является².

Указания Верховного Суда СССР о недопустимости применения статей о должностных преступлениях по аналогии к случаям совершения деяний недолжностными лицами встречаются и в решениях по целому ряду других конкретных дел³.

Вместе с тем следует отметить, что в решении вопроса о недопустимости применения аналогии по специальному субъекту преступления Верховный Суд СССР допускал иногда известные колебания. Так, например, 55 Пленум в своем постановлении от 28 июля 1936 г. «О квалификации совершенных заключенными преступлений, связанных с выполнением ими по назначению администрации тех или иных должностных функций», указывал, что «в тех случаях, когда заключенный совершит серьезное преступление, требующее применения мер уголовной репрессии, заключенный привлекается к уголовной ответственности, причем, если это преступление подпадает под признаки статей главы о должностных пре-

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг.», Госюриздат, 1952, стр. 30.

² В настоящее время постановление Пленума от 29 ноября 1946 г. отменено постановлением Пленума от 4 декабря 1953 г., но высказанное в нем принципиальное соображение по рассматриваемому вопросу сохраняет свое значение.

³ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 июня 1944 г. («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 16—17); «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (второе полугодие 1939 г.)», Юриздат, 1941, стр. 81; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1946 г., вып. II, стр. 10.

ступлениях уголовных кодексов союзных республик, оно подлежит квалификации по этим статьям через статью 16 УК РСФСР и соответствующие статьи УК союзных республик»¹.

Это постановление нельзя было признать правильным, так как заключенные, какую бы должность они формально не занимали, находясь в заключении, не обладают теми свойствами, которыми наделяются должностные лица советского государственного аппарата. Поэтому преступления, совершенные ими во время или в связи с исполнением возложенных на них специальных обязанностей, не могут квалифицироваться по аналогии со статьями уголовного кодекса о должностных преступлениях².

Применение аналогии по субъекту преступления отвергается Верховным Судом СССР не только по статьям о должностных преступлениях, но и по статьям уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за другие преступления, субъектами которых выступают лица, наделенные особыми специфическими свойствами.

На таких же позициях стоят верховные суды отдельных союзных республик. Так, например, Верховный суд Азербайджанской ССР отверг квалификацию по ст. ст. 17 и 79³ УК Азербайджанской ССР действий А., который, не умея управлять автомашиной «Виллис», посадил в нее своих товарищей и поехал кататься, по дороге совершил аварию, повлекшую за собой причинение одному из «пассажиров» телесных повреждений — сотрясение мозга. Верховный суд Азербайджанской ССР указал по данному делу, что А. был неправильно осужден по ст. 79³ УК Азербайджанской ССР, так как субъектом преступления по этой статье может быть только работник транспорта. Поэтому осуждение А. по аналогии с указанной статьей, предусматривающей специального субъекта преступления, является неправильным³.

¹ «Сборник постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924—1944 гг.», Юриздат, 1946, стр. 21.

² В настоящее время постановление 55-го Пленума отменено постановлениями Пленума Верховного Суда СССР от 14 февраля, 3 и 17 марта 1950 г. (См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 12, стр. 39).

³ См. Архив Верховного Суда СССР, дело № 02/395—у.

Верховный суд РСФСР по делу Г. также отверг квалификацию его действий по ст. 16 и ч. 1 ст. 141 УК. Г. был осужден за то, что он нанес несколько побоев своей сестре Д., вследствие чего последняя покончила жизнь самоубийством. По делу установлено, что Д.—взрослая женщина, работала в колхозе дояркой и ни в материальной, ни в какой-либо иной зависимости от своего брата не находилась. Поэтому Верховный суд РСФСР, указав на неправильное применение в данном случае аналогии, осуждение Г. по ч. 1 ст. 141 УК признал необоснованным¹.

Таким образом, недопустимость применения аналогии по субъекту преступления в теории советского уголовного права и судебной практике стала общепризнанным положением. Это положение в одинаковой мере относится как к квалификации деяний по аналогии с преступлениями со специальными субъектами, так и к квалификации деяний по аналогии с преступлениями со специально-конкретными субъектами.

2. Вопрос о соучастии в преступлениях со специальным субъектом

Сознательное совместное участие в совершении того или иного преступления, как правило, представляет собой повышенную общественную опасность для социалистического правопорядка. Признание этого характерно в одинаковой мере, как для соучастия в совершении преступлений, субъектом которых может быть любой вменяемый человек в пределах установленного законом возраста, так и для соучастия в преступлениях со специальными и специально-конкретными субъектами преступления.

В советской правовой литературе и в судебной практике в настоящее время не возникает никаких сомнений относительно возможности соучастия в преступлениях, субъектами которых могут быть только лица, наделенные особыми свойствами или признаками.

Только М. Н. Меркушев не разделяет преобладающую среди советских криминалистов точку зрения по вопросу

¹ См. Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 4—96—306.

о возможности соучастия в преступлениях со специальным субъектом лиц, не наделенных свойством этого субъекта. По мнению М. Н. Меркушева, лица, не знающие существа обязанностей и специфики деятельности специального субъекта, осознавать и предвидеть последствия деяний указанного субъекта не могут. Отсюда им делается категорический вывод о невозможности соучастия в преступлениях со специальными субъектами¹.

С данной точкой зрения согласиться нельзя: она не жизненна. Для наличия соучастия вовсе не требуется осведомленности соучастников в результатах действия исполнителя—специального субъекта—во всех деталях и подробностях.

Подстрекатели или пособники в преступлениях, совершенных, например, должностными лицами или военнослужащими, в общих чертах всегда осознают характер совершаемых указанными лицами действий и их последствий. Отрицание М. Н. Меркушевым возможности соучастия в преступлениях со специальными субъектами на практике ведет к совершенно необоснованному освобождению от ответственности лиц, которые своими действиями в ряде случаев способствуют совершению опасных преступлений.

Известно, что все положения Общей части Уголовного кодекса полностью распространяются на нормы Особенной части при их практическом применении. Не устанавливает, в частности, каких-либо ограничений в этом отношении и ст. 17 УК, предусматривающая постановление об институте соучастия в советском уголовном праве. Поскольку ст. 17 УК не делает каких-либо исключений в ее применении к положениям, предусмотренным нормами Особенной части Уголовного Кодекса, постольку можно с полным основанием утверждать, что фактически возможно и вполне допустимо, с правовой точки зрения, соучастие в преступлениях со специальными или специально-конкретными субъектами.

Вместе с тем, соучастие в преступлениях со специальными или специально-конкретными субъектами имеет свои специфические особенности, которые нельзя

¹ См. М. Н. Меркушев, Соучастие в преступлениях со специальным субъектом, «Ученые записки БГУ имени В. И. Ленина», вып. 34, серия юридическая, 1957, стр. 6 и сл.

игнорировать при решении вопроса о признании возможности соучастия в указанных преступлениях.

Особенности эти состоят в том, что лица, не наделенные специальными свойствами или признаками в том виде, как они обрисованы в законе, фактически не могут выступать в роли любого соучастника в преступлениях со специальными или специально-конкретными субъектами.

В преступлениях, субъектами которых могут быть лица, обладающие общими свойствами—вменяемостью и соответствующим возрастом, соучастники могут выступать в роли организаторов, подстрекателей, пособников и исполнителей преступления.

В преступлениях со специальными или специально-конкретными субъектами фактическими и юридическими исполнителями могут быть только лица, прямо предусмотренные законом. Все же остальные лица, не обладающие свойствами, описанными в законе, могут выступать только в роли организаторов, подстрекателей и пособников во всех их формах и видах.

Исполнителями должностных преступлений без всяких исключений могут быть только должностные лица. Однако организаторами, подстрекателями и пособниками в тех же самых преступлениях могут быть как должностные, так и недолжностные лица. Конечно, следует иметь в виду, что соучастие в должностном преступлении только должностных лиц, несомненно, представляет собой большую общественную опасность, чем соучастие в этом же преступлении недолжностных лиц. Это положение равно можно отнести и ко всем другим преступлениям со специальными или специально-конкретными субъектами.

Повышенная общественная опасность соучастия в преступлениях, в которых соучастниками выступают лица, наделенные теми же самыми специальными свойствами или признаками, что и исполнители этих преступлений, объясняется тем, что при этой форме соучастия значительно облегчается совершение специального преступления и достижение преступного результата. Кроме того, при соучастии в преступлениях со специальными или специально-конкретными субъектами только лиц данной категории возможна замена ролей соучастников в процессе исполнения преступлений. Орга-

низаторы, подстрекатели или пособники в процессе осуществления преступления легко могут заменить в ряде случаев исполнителя и довести преступление до окончательного результата.

Иное положение возникает, когда соучастниками в преступлениях со специальными или специально-конкретными субъектами выступают лица, не наделенные свойствами или признаками указанных субъектов. В этих случаях отказ исполнителя от совершения преступления ведет к распаду соучастия, отдельные соучастники лишаются возможности довести преступление до конца.

Вопрос о допустимости соучастия в преступлениях со специальными или специально-конкретными субъектами в нашей правовой литературе решался не всегда одинаково.

В первые годы развития советской теории уголовного права имели место ошибочные взгляды в рассматриваемом вопросе, что было связано в известной мере с влиянием некоторых буржуазных концепций. Некоторые криминалисты, например, исходя из теории существования так называемых «чистых» и смешанных должностных преступлений допускали возможность соучастия недолжностных лиц лишь в смешанных должностных преступлениях, т. е. преступлениях, сочетающих элементы общего и должностного преступления. К этим преступлениям, в частности, относили должностной подлог¹. Проф. С. В. Познышев признавал возможным соучастие недолжностных лиц в должностных преступлениях только в случаях, специально предусмотренных законом². В дальнейшем, однако, все советские криминалисты стали придерживаться единого мнения: соучастие частных лиц в должностных преступлениях и теоретически и практически вполне возможно.

¹ См. А. А. Ж и ж и л е н к о, Должностные (служебные) преступления, М., 1927, стр. 13 и сл.; В. Н. Ш и р я е в, Участие частных лиц в должностных преступлениях, «Право и жизнь» 1925 г. кв. 1, стр. 60—61; Н. П о п о в, Соучастие частных лиц в должностных преступлениях, «Еженедельник советской юстиции» 1924 г. № 31, стр. 724.

² См. С. В. П о з н ы ш е в, Очерк основных начал науки уголовного права, ч. 1, М., 1923, стр. 164.

«В системе социалистического уголовного права,— писал проф. А. Н. Трайнин,— вопрос об ответственности частных лиц за соучастие в должностных преступлениях сомнений вызвать не может»¹.

Эту господствующую точку зрения правильно разделяют многие другие советские криминалисты².

Действительно, в советском государстве не должно быть противопоставления личных интересов общественным. Широкие массы трудящихся нашей страны принимают активное участие в управлении государством. Поэтому в правильном функционировании советского государственного аппарата заинтересованы не только должностные лица, непосредственно выполняющие обязанности по управлению различными участками социалистического строительства, но и все советские граждане. Отсюда, с политико-моральной точки зрения, является вполне оправданным осуждение как должностных лиц за совершение должностных преступлений, посягающих на правильную деятельность советского государственного аппарата, так и недолжностных лиц, участвующих в совершении этих преступлений. В советской печати неоднократно со всей остротой ставился вопрос о необходимости привлечения к ответственности всех граждан, способствующих должностным лицам в совершении должностных преступлений или укрывающих их от социалистического правосудия.

Привлечение к уголовной ответственности частных лиц за соучастие в должностных преступлениях прямо вытекает из основных принципов советского уголовного права, из смысла ст. 6 УК, дающей определение преступления.

Советское законодательство с первых же дней развития Советского государства устанавливало ответствен-

¹ А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, М., 1941, стр. 120; его же, Общее учение о составе преступления, Госюриздат, 1957, стр. 290—291.

² См. «Социалистическая законность» 1937 г. № 5, стр. 47; Н. Д. Дурманов, Вопросы соучастия в судебной практике Верховного Суда СССР, «Социалистическая законность» 1947 г. № 8, стр. 18; В. Ф. Кириченко, Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы), М., Изд-во АН СССР 1956, стр. 54—56.

ность частных лиц за соучастие в должностных преступлениях.

Так, например, в ст. 5 Постановления ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов»¹ говорилось, что Революционному трибуналу предаются: «Кто, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребит властью предоставленной ему революционным народом. Подлежат суду трибунала в этих случаях не только лица, совершающие преступные деяния в момент исполнения ими своих служебных обязанностей, но и вообще совершающие какие-либо преступные деяния с использованием в каком-либо отношении своего положения на советской службе, причем вместе с ними подлежат суду трибунала все лица, входившие с ними при совершении преступного деяния в сношении или участвовавшие в нем» (разрядка наша. — В. О.).

Судебная практика, исходит, как правило, из того, что не должностные лица, участвующие в совершении должностного преступления, подлежат ответственности наряду с исполнителями за соучастие в данного вида преступлении.

По делу Ц. и С., осужденных народным судом Свердловского района г. Москвы по ст. 19 УК и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 9 февраля 1951 г. подчеркнул, что «действия осужденных, выразившиеся в сокрытии материалов от инвентаризации, были неправильно квалифицированы по ст. 19 УК РСФСР и ст. 4 упомянутого Указа от 4 июня 1947 г. и должны рассматриваться в отношении начальника цеха Ц. как злоупотребление служебным положением, а в отношении закройщика С., не являющегося должностным лицом, как соучастие в этом злоупотреблении»². В соответствии с этим Пленум переквалифицировал действия Ц. на ст. 109 УК, а действия С. на ст. ст. 17 и 109 УК.

¹ См. «Известия ВЦИК» 6 октября 1918 г.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 4, стр. 4—5; см. также «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1945, вып. VI, стр. 4—5.

Соучастие частных лиц в должностных преступлениях возможно в форме организаторской деятельности, подстрекательства, пособничества. На практике все эти формы соучастия частных лиц в должностных преступлениях встречаются сравнительно редко. Судебно-прокурорским работникам приходится иметь дело главным образом со случаями соучастия должностных лиц в совершении некоторых преступлений недолжностными лицами. Например, пособничество должностных лиц путем злоупотребления своим служебным положением совершению спекуляции недолжностными лицами. В этих случаях суды правильно квалифицируют преступление должностных лиц одновременно, как злоупотребление служебным положением и как соучастие в совершении спекуляции частным лицом¹.

Вопрос о возможности соучастия невоеннослужащих или невоеннообязанных запаса в совершении воинских преступлений в отличие от должностных преступлений непосредственно разрешен в ныне действующем уголовном законодательстве самим законодателем. Согласно примечанию 2 к ст. 193 УК соучастие в воинских преступлениях лиц, не упомянутых в настоящей статье (речь идет о лицах, не являющихся военнослужащими и военнообязанными запаса), влечет за собой ответственность по соответствующим статьям настоящей главы. При этом исполнителями воинских преступлений могут быть лишь военнослужащие, военнообязанные запаса в период нахождения последних на сборах, а также в соответствии с примечанием 1 к ст. 1 Положения о воинских преступлениях (прим. 1 к ст. 193¹ УК) и лица, к ним приравненные.

Соучастие невоеннослужащих и невоеннообязанных запаса в роли организаторов, подстрекателей или пособников в совершении воинских преступлений теоретически допустимо во всех без исключения воинских преступлениях. Однако фактическая возможность соучастия гражданских лиц в совершении воинских преступлений на практике еще в большей степени, чем соучастие частных

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 5, стр. 9; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 12, стр. 28—29.

лиц в должностных преступлениях, ограничена. Объясняется это особой природой воинских преступлений¹.

На практике наиболее вероятным возможно соучастие невоеннослужащих в таких воинских преступлениях, как, например, воинские должностные преступления (ст. 17 Положения о воинских преступлениях), различные формы уклонения от воинской службы (ст. ст. 7, 8, 9, 10, 12, 13 Положения о воинских преступлениях), промотание военного имущества (ст. 14 Положения о воинских преступлениях).

Соучастие же гражданских лиц в совершении таких воинских преступлений, как неисполнение приказа (ст. 2 Положения о воинских преступлениях), оказание сопротивления лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе (ст. 3 Положения о воинских преступлениях), угроза убийством, причинением телесных повреждений или нанесением побоев начальнику в связи с его служебной деятельностью (ст. 3¹ Положения о воинских преступлениях), нарушение правил полетов (ст. 14² Положения о воинских преступлениях), нарушение правил кораблевождения (ст. 14³ Положения о воинских преступлениях), нарушение уставных правил караульной службы (ст. 15 Положения о воинских преступлениях), нарушение правил несения пограничной службы (ст. 15¹ Положения о воинских преступлениях), нарушение уставных правил внутренней службы (ст. 16 Положения о воинских преступлениях) и т. п. в силу особых условий и места их совершения, а также характера самих преступлений практически невозможно.

Аналогичным образом решается в теории и судебной практике вопрос о возможности соучастия в нарушении трудовой дисциплины на транспорте со стороны лиц, не являющихся работниками транспорта. Исполнителями нарушения трудовой дисциплины на транспорте так же, как и исполнителями воинских или должностных преступлений, могут быть не любые лица вообще, а в данном случае лишь работники транспорта.

¹ См. В. Д. Меньшагин, К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому военно-уголовному праву, «Труды Военно-Юридической Академии», вып. III, Ашхабад, 1943, стр. 80.

Лица, не имеющие непосредственного отношения к работе транспорта, физически могут являться соучастниками в роли организаторов, подстрекателей или пособников, но такие случаи, как и в других преступлениях со специальным субъектом, на практике встречаются редко. Несмотря на это, Верховный Суд СССР правильно и последовательно в своих решениях признал общее положение, что соучастие лиц, не работающих на транспорте, в преступлениях, субъектом которых может быть лишь работник транспорта, фактически возможно¹.

Само собой разумеется, что соучастие в нарушении трудовой дисциплины на транспорте может иметь место, как и во всех других случаях соучастия в преступлениях со специальным субъектом, только при наличии на стороне соучастников вины в совершении действия, выразившихся в организации, подстрекательстве или пособничестве в преступлении. С этой точки зрения Верховный Суд СССР правильно отвергает наличие соучастия в нарушении работником транспорта трудовой дисциплины, если в действиях лица отсутствует умысел, направленный на склонение или содействие исполнителю в осуществлении преступления.

Так, например, по делу В. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем определении от 10 мая 1950 г. указала, что В. неправильно признан пособником преступления Ш., так как никакого умышленного содействия Ш. в грубом нарушении последним правил движения, повлекшим несчастный случай, В. не оказывал. Вина В. заключается в том, что он, злоупотребив своим служебным положением, выписал без служебной надобности путевой лист Ш., выпил с ним водки, допустил его к управлению автомашиной в опьяненном состоянии. Это преступление В. надлежало квалифицировать по ч. 1' ст. 140 УК Узбекской ССР (злоупотребление служебным положением)².

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (второе полугодие 1939 г.)», Юриздат, 1941, стр. 76—77; см. также «Социалистическая законность» 1936 г. № 7, стр. 84; «Советская юстиция» 1937 г. № 2, стр. 43.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 7, стр. 25.

Не может рассматриваться как соучастие в преступлении, совершенном работником транспорта, дача ложного показания в интересах исполнителя преступления. Это положение находит свое подтверждение в практике Верховного Суда СССР.

Так, по делу П. и В. Судебная коллегия нашла неправильной квалификацию аналогичных действий В. по признакам соучастия в преступлении, совершенном П. В., узнав о том, что П. на его машине совершил аварию и скрылся, заявил в милицию, что его машину якобы угнали неизвестные лица, и с целью сокрытия преступления, совершенного П., упорно не признавался в том, что он свою машину передал П. и что авария совершена последним. Коллегия указала по данному делу, что В. «не может нести ответственности как соучастник преступления, ни по ст. 165, ни по ст. 17 и ч. 1 ст. 74³ УК Армянской ССР (ст. 59^{3в} УК РСФСР).

Действия, инкриминируемые В., должны рассматриваться не как соучастие в совершении преступления в форме сокрытия следов преступления, а как дача ложного показания органам предварительного следствия, что предусмотрено ст. 119 УК Армянской ССР¹.

Теория и судебная практика распространяют общий принцип о возможности квалификации как соучастие в совершении преступлений, по которым исполнителем может быть лишь определенный субъект, не только на преступления со специальным субъектом, но и на преступления со специально-конкретным субъектом. Особое значение приобретает это положение в связи с применением ст. 128-а УК, предусматривающей в качестве субъектов выпуска недоброкачественной продукции лиц, наделенных специально конкретными признаками.

В литературе нет единства в решении вопроса о возможной ответственности по ст. 128-а УК за выпуск недоброкачественной продукции лиц, не поименованных в законе. Часть советских криминалистов отрицает возможность соучастия в выпуске недоброкачественной продукции лиц, не указанных в ст. 128-а УК². Однако в

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 2. стр. 24—25.

² См. С. Л и в ш и ц, Судебная практика по делам о выпуске недоброкачественной продукции, «Советская юстиция» 1941 г. № 9, стр. 8.

последнее время большинство советских криминалистов стоят за признание возможности соучастия в выпуске недоброкачественной продукции и лиц, не предусмотренных в законе¹.

Нам также представляется, что и теоретически и практически вполне возможно соучастие в выпуске недоброкачественной продукции лиц, не указанных в законе. Рассматриваемое преступление весьма сходно с должностными преступлениями: совершение его связано с деятельностью по службе определенных должностных лиц. Отсюда теоретически было бы непоследовательным, признавая возможность соучастия частных лиц в должностных преступлениях, в то же время отрицать возможность такого соучастия в таком преступлении, как выпуск недоброкачественной продукции.

Несомненно, что соучастие в выпуске недоброкачественной продукции в виду специфики этого состава имеет свои особенности. Здесь необходимо разграничивать соучастие должностных лиц, поименованных в самом законе, и других должностных лиц, а также соучастие недолжностных лиц в выпуске недоброкачественной продукции.

В литературе высказано мнение, что поименованные в ст. 128-а УК должностные лица несут ответственность за выпуск недоброкачественной продукции как соучастники. Вряд ли это утверждение можно признать точным. Для соучастия требуется не только наличие умысла в действиях каждого лица, предусмотренного ст. 128-а УК, но и их совместное участие в выпуске недоброкачественной продукции. Между тем на практике возможны случаи, когда каждое из поименованных в законе должностных лиц действует самостоятельно вне связи с другими. При этом одни из них умышленно, другие — неосторожно. Естественно, что в этих случаях не может быть речи о соучастии.

Нельзя согласиться с утверждением М. Я. Савицкого о том, что между лицами, предусмотренными в ст. 128-а

¹ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, Госюриздат, 1957, стр. 292—293; В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, *Советское уголовное право*, Госюриздат, 1950, стр. 415; Б. С. Утевский, *Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции*, Госюриздат, 1955, стр. 100—103.

УК, возможно разделение ролей, т. е. выступление одних в роли подстрекателей или пособников, других — в роли исполнителей¹.

Практически возможно, что иногда кто-нибудь из должностных лиц, поименованных в законе, выступает подстрекателем или пособником, но одновременно они выступают и соисполнителями данного преступления. Закон в равной мере возлагает ответственность за выпуск недоброкачественной продукции на всех указанных в ст. 128-а УК лиц. Поэтому и фактически и юридически все они должны нести ответственность как исполнители преступления, за исключением тех случаев, когда кто-нибудь из них не принимает непосредственного участия в выпуске недоброкачественной продукции.

В судебной практике соучастниками в выпуске недоброкачественной продукции чаще всего могут выступать другие должностные лица данного предприятия или другого, а также вышестоящих предприятий или учреждений.

Например, начальник цеха, начальник лаборатории, бракер или контролер Отдела технического контроля и т. п., заинтересованные по тем или иным причинам в выпуске недоброкачественной продукции, в ряде случаев могут явиться подстрекателями, пособниками или укрывателями преступления, совершенного лицами, поименованными в законе. Во всех этих случаях ответственность для должностных лиц должна наступать по ст. ст. 17 и 128-а УК.

Как соучастие, квалифицируемое по ст. ст. 17 и 128-а УК, должны рассматриваться действия должностных лиц других предприятий или учреждений, главным образом бытовых или торговых, принимающих заведомо недоброкачественную продукцию с целью скрыть от ответственности бракоделов-поставщиков этой продукции.

Не образуют соучастия в выпуске недоброкачественной продукции действия должностных лиц вышестоящих организаций, виновных, например, в непринятии мер к прекращению выпуска продукции, не отвечающей установленным стандартам или техническим условиям, или санкционировавших выпуск такой продукции подведом-

¹ См. М. Я. Савицкий, Методика расследования дел о выпуске недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции, М., 1947, стр. 23.

ственными им промышленными предприятиями, поскольку в этом случае отсутствует какое-либо соглашение с должностными лицами, непосредственно виновными в выпуске недоброкачественной продукции. В таких случаях ответственность должна наступать по статьям о должностных преступлениях (ст. 111 или 109 УК).

Наоборот, вопрос об ответственности должностных лиц вышестоящих предприятий или учреждений, давших по тем или иным мотивам распоряжение о выпуске недоброкачественной продукции подведомственными им предприятиями, по соглашению с должностными лицами последних, должен решаться по правилам о соучастии. Должностные лица, виновные в даче незаконного распоряжения о выпуске недоброкачественной продукции, должны нести ответственность аналогично должностным лицам, виновным в содействии спекуляции, т. е. по ст. ст. 109, 17 и 128-а УК.

Что касается соучастия в выпуске недоброкачественной продукции недолжностных лиц, то в принципе оно в рассматриваемом преступлении не исключается. Однако такое соучастие фактически очень ограничено. Не имея непосредственного отношения к изготовлению и выпуску готовой продукции, упомянутые лица практически не в состоянии оказать какое-либо содействие этому преступлению, но в отдельных случаях они могут быть подстрекателями данного преступления. Следовательно, теоретически и практически возможно соучастие в выпуске недоброкачественной продукции лиц, не поименованных в ст. 128-а УК. Единство карательной политики по данной категории дел настоятельно требует единой квалификации на практике действий соучастников и исполнителей преступления. Все соучастники данного преступления должны нести ответственность за это преступление по той же статье Уголовного кодекса, что и исполнители преступления со ссылкой на ст. 17 УК.

Это правило должно применяться во всех без исключения случаях соучастия лиц в преступлениях со специально-конкретными субъектами. Так именно и поступает в ряде случаев наша судебная практика.

По делу Г. и других, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 июня 1949 г. правильно признала Х. виновной

по ст. 17 и ч. 2 ст. 95 УК в подстрекательстве к лжесвидетельству¹.

Таким образом, квалифицируют суды и действия лиц, участвующих в преступлениях, которые в качестве исполнителя предполагают только специально-конкретного субъекта.

В судебной практике и в теории иногда возникает вопрос о влиянии индивидуальных обстоятельств, относящихся к личности исполнителя, на ответственность остальных соучастников преступления.

Некоторые советские криминалисты, в частности авторы учебников по уголовному праву², считают, что обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя и характеризующие большую или меньшую степень общественной опасности совершенного им преступления, подлежат вменению в вину и остальным соучастникам, поскольку они охватывались их предвидением. Но обстоятельства, характеризующие только степень общественной опасности конкретного субъекта и не влияющие на степень общественной опасности совершенного преступления, не могут быть вменены в уголовную ответственность остальным соучастникам. С этой точкой зрения авторов учебников по уголовному праву нельзя согласиться. Непонятно, на каком основании авторами учебника соучастие в убийстве с корыстным мотивом, лиц, не имеющих этих мотивов, признается соучастием в более опасном убийстве и вменяется в вину всем без исключения соучастникам, тогда как соучастие в еще более опасном убийстве, совершенном военнослужащим, по их мнению, не влияет на остальных соучастников, которые в этом случае должны нести ответственность не по ст. 17 и ч. 2 ст. 136 УК, а по ст. 17 и ч. 1 ст. 136 УК.

При решении этого вопроса нельзя отвлекаться от общеизвестного положения, что соучастие не создает особых оснований уголовной ответственности за совершение преступления. Все соучастники несут ответственность за одно и то же преступление, которое они совер-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 27.

² См. «Уголовное право, часть Общая», Юриздат, 1943, стр. 204; см. также «Уголовное право, часть Общая», Юриздат, 1948, стр. 421—422.

шили совместно. Поэтому, например, невоеннослужащие, виновные в совместном совершении убийства с военнослужащим, при особо отягчающих обстоятельствах, должны нести ответственность именно за соучастие в этом убийстве по ст. 17 и ч. 2 ст. 136 УК, а не по ст. 17 и ч. 1 той же статьи Уголовного кодекса, как это утверждают авторы вышеуказанных учебников по уголовному праву.

Точно так же, например, соучастники в получении взятки должностным лицом, занимающим ответственное положение, или соучастники в злоупотреблении служебным положением или властью, совершенным руководителем центрального аппарата, должны нести ответственность за те же самые преступления, что и исполнители, т. е. соответственно по ст. 17 и ч. 2 ст. 117 и ст. 17 и ч. 1 ст. 112 УК, а не по ст. 17 и ч. 1 ст. 117 и ст. 17 и 109 того же Уголовного кодекса.

Во всех этих случаях индивидуальные свойства, характеризующие исполнителя преступления как более общественно опасную личность, оказывают влияние не только на квалификацию преступного деяния самого исполнителя, но и на ответственность его соучастников.

Действия соучастников в более опасных преступлениях с особым исполнителем не могут квалифицироваться по тем же самым статьям, что и действия этого исполнителя, только при условии, когда соучастники, принимая участие в преступлении, фактически не осознают при этом своего участия именно в преступлении, представляющем повышенную общественную опасность в силу особых свойств их субъекта—исполнителя преступления.

Например, лицо, выступающее подстрекателем в получении взяток должностным лицом и не осознающее при этом, что исполнитель занимает ответственное положение, должен нести ответственность не за соучастие во взяточничестве с отягчающими обстоятельствами (ст. 17, ч. 2 ст. 117 УК), а за соучастие во взяточничестве без отягчающих обстоятельств т. е. по ст. 17 и ч. 1 ст. 117 УК.

Индивидуальные особенности отдельных соучастников не влияют на квалификацию их деяний, если они участвуют в преступлении, исполнителем которого является специальный и специально-конкретный субъект. Эти

особенности учитываются лишь при индивидуализации наказания каждому из соучастников.

Представляется целесообразным в новых уголовных кодексах союзных республик особо предусмотреть постановление, подобное примечанию 2 к ст. 193 УК. Такое постановление в виде отдельной статьи Общей части Уголовного кодекса или в виде примечания к ныне действующим статьям уголовного кодекса о соучастии должно содержать положение, непосредственно указывающее на возможность соучастия в преступлениях со специальными субъектами и на ответственность соучастников этих преступлений по тем же самым статьям уголовного кодекса, по которым квалифицируются действия исполнителей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Понятие субъекта преступления, уяснение его психофизических свойств или признаков играет важную роль при привлечении человека к уголовной ответственности и назначении ему наказания за общественно опасное поведение.

Привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания в условиях социалистического общества не является самоцелью.

Советское государство, устанавливая уголовную ответственность за общественно опасные деяния, совершенные отдельными людьми, и применяя к последним соответствующие наказания, преследует не только чисто карательные цели, но и цели перевоспитания преступников, а также оказания морального воспитательного воздействия на отдельных неустойчивых или менее устойчивых людей социалистического общества.

Наказание, воздействуя на сознание и волю человека, может влиять на изменение поведения человека в необходимом для социалистического общества направлении. Благодаря тому, что человек обладает активным сознанием и волей, определяющими его поведение, и возможно осуществление целей и задач наказания по советскому уголовному законодательству.

Советский уголовный закон строго карает тех, кто сознательно становится на путь совершения деяний, опасных для социалистического общества и государства, но в то же время он запрещает привлекать к уголовной ответственности и осуждать в судебном порядке к наказанию тех людей, которые в силу определенных причин не могут быть признаны субъектами преступления.

Уголовная ответственность и наказание оправдывают

себя лишь в том случае, когда для их осуществления имеются объективные и субъективные основания.

Всякое наказание в конечном счете достигает своей цели лишь тогда, когда оно морально воздействует на психику человека, заставляет его критически отнестись к своим поступкам, самоосудить их и в дальнейшем полностью исправиться. Но эти цели наказания достижимы лишь при применении его к человеку, который по советскому уголовному праву может быть признан субъектом преступления и вследствие этого должен нести уголовную ответственность за свои действия.

Отсюда вытекает, что без установления свойств или признаков субъекта преступления, нельзя разрешить вопрос об ответственности и наказании за совершение им общественно опасного деяния.

Признание человека субъектом преступления по советскому уголовному праву, как правило, влечет за собой применение всех мер наказания, известных Уголовному кодексу в полном объеме.

Исключением из этого общего правила являются случаи, когда в качестве субъектов преступления выступают иностранцы, пользующиеся правом экстерриториальности¹, и лица, не достигшие 18-летнего возраста в момент учинения общественно опасного деяния.

Постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г., устанавливая уголовную ответственность за определенный круг преступлений с 12-летнего возраста, предусматривало применение «всех мер наказания». Однако фактически это положение надо понимать в смысле применения к несовершеннолетним лишь всех возможных мер наказания. А такая возможность в силу особенностей возраста несовершеннолетнего субъекта преступления, по сравнению с возможностью применения наказания к совершеннолетним преступникам, ограничена.

Предусмотренные действующим советским уголовным законодательством меры наказания в полном объеме не могут быть применены к несовершеннолетним преступникам. Так, например, к несовершеннолетним фактически не могут быть применены различные виды поражения прав, предусмотренные ст. 31 УК, поскольку несовершеннолетние большинством этих прав еще не обладают.

¹ См. главу пятую настоящей работы.

В судебной практике, однако, встречаются случаи неправильного применения уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних.

Так, например, областным судом в числе других был осужден по ст. 20 и ст. 56¹⁷ УК УССР, а также по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Ч. к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 3 года за то, что он вместе с другими осужденными по данному делу принимал участие в бандитских налетах и укрывал награбленное бандой имущество. Верховный Суд Украинской ССР оставил приговор суда в силе. В данном случае приговор областного суда и определение Верховного Суда УССР нельзя признать правильными в части назначения дополнительного наказания осужденному в виде лишения его избирательных прав на 3 года. Из материалов дела видно, что Ч. и в момент совершения преступления и ко времени вынесения приговора был несовершеннолетним. Поэтому применение к нему ст. 29 УК УССР в части лишения избирательных прав было неправильным¹. К несовершеннолетним от 12 до 14 лет ни в каких случаях не могут быть применены предусмотренные ст. 30 УК исправительно-трудовые работы. Несовершеннолетние от 12 до 16 лет не могут быть согласно ст. ст. 35 и 36 УК подвергнуты ссылке и высылке.

К несовершеннолетним до 18-летнего возраста не может быть применена смертная казнь (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. и 30 апреля 1954 г.).

Неприменение к несовершеннолетним смертной казни означает вместе с тем и недопустимость ее замены лишением свободы на срок в 25 лет. В связи с этим Верховный суд РСФСР по делу несовершеннолетнего К., осужденного по ст. 59³ УК и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» по совокупности с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» к 25 годам лишения свободы за то, что он в тече-

¹ См. архив Верховного Суда СССР, дело № 02/1900-у

ние 1949 года принимал активное участие в бандитских налетах и вооруженных ограблениях граждан, совершенно правильно указал, что суд, применив к несовершеннолетнему К. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. и назначив ему наказание в виде лишения свободы сроком на 25 лет, нарушил ст. 22 УК¹.

На практике неприменимы к несовершеннолетним и такие меры наказания, как конфискация, запрещение занимать определенную должность, запрещение заниматься той или иной деятельностью или промыслом и др.².

Верховный Суд СССР в своих решениях по делам несовершеннолетних преступников постоянно обращает внимание судебной практики на необходимость особенно бережного подхода к несовершеннолетним, требует от судов применения к ним наиболее целесообразных мер наказания.

Это требование Верховного Суда СССР, как конкретное проявление заботы Советского государства о подрастающем поколении в сфере деятельности органов социалистического правосудия, нашло свое яркое выражение в постановлении Пленума 17 февраля 1948 г. «О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних»³.

В этом постановлении Пленума четко проводится мысль о значении воспитательного момента в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних. Пленум акцентирует внимание судов на целесообразность, в известных случаях и в зависимости от конкретных обстоя-

¹ См. архив Верховного Суда РСФСР, дело № 5-дб-пр-420.

² По рассматриваемому вопросу заслуживает внимания опыт уголовного законодательства некоторых других социалистических государств, которые непосредственно в самом законодательстве предусмотрели специальные правила, касающиеся наказания несовершеннолетних. Так, например, Уголовные кодексы Чехословацкой Республики (§ 56—62), Народной Республики Болгарии (ст. 44—47) и частично Народной Республики Албании (ст. 46) содержат положения, предусматривающие конкретные случаи освобождения от наказания несовершеннолетних, и какие наказания вообще не могут к ним применяться, а также замену им одних наказаний другими.

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1948, вып. III, стр. 4.

тельств отказа от применения уголовного наказания к несовершеннолетним и направления их в трудовые воспитательные колонии. В тех случаях, когда несовершеннолетние от 12 до 16 лет не могут быть освобождены полностью от уголовной ответственности, Пленум предложил в необходимых случаях применять к ним ст. 51 УК или назначать наказание условно с возложением надзора за поведением и воспитанием условно осужденного на органы народного образования, опеки или родителей. Однако во всех этих случаях не должны иметь место поверхность и либерализм, которые могут впоследствии оказать пагубное влияние на воспитание несовершеннолетнего.

Материалы судебной практики показывают, что суды не всегда проявляют должную строгость и осторожность при назначении наказания несовершеннолетним, а иногда необоснованно применяют к ним ст. ст. 51 и 53 УК.

Так, например, ученик средней школы В. был осужден народным судом по ч. 1 ст. 74 УК к двум годам лишения свободы за то, что он из хулиганских побуждений стрелял из пневматического ружья и в течение периода с января по апрель 1956 года восемь раз угонял автомашины, принадлежащие различным организациям и гражданам, катался с товарищами на этих машинах, а затем бросал их.

Городской суд утвердил приговор народного суда. Однако Верховный суд РСФСР, как нам представляется, без достаточных оснований оценил действия В. как детское озорство и применил к нему ст. 53 УК¹. Может быть лишение свободы В. на два года действительно не вызывалось необходимостью, но и применение ст. 53 УК в данном конкретном случае не вполне оправдано, так как это не могло не вызвать у самого осужденного и его сверстников сознание безнаказанности за подобные действия.

Не во всех случаях суды выявляют и роль взрослых в совершении преступлений несовершеннолетними. Между тем судам на практике до сих пор приходится встречаться с фактами вовлечения в преступную деятель-

¹ См. архив Верховного Суда СССР, дело № 5-дб-пр-770.

ность несовершеннолетних со стороны взрослых преступных элементов.

Как уже отмечалось выше, согласно части II Постановления 7 апреля 1935 г. (ст. 73² УК) взрослые должны нести строгую уголовную ответственность за подстрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях, а также понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п.

Закон, выделяя названные действия взрослых в качестве самостоятельного состава преступления, имеет своей целью не ограничиться ответственностью взрослых в общем порядке по ст. 17 УК, а усилить их ответственность и тем самым способствовать ускорению ликвидации преступности среди несовершеннолетних в СССР.

Взрослые несут уголовную ответственность за действия, перечисленные в ст. 73² УК, независимо от удавшегося или неудавшегося подстрекательства несовершеннолетних или привлечения их к участию в различных преступлениях, а также понуждения их к занятию спекуляцией, проституцией и т. д. В тех случаях, когда имело место неудавшееся подстрекательство или вовлечение в преступление, за которое предусмотрена более суровая санкция, чем санкция ст. 73² УК, взрослые должны нести ответственность по ст. ст. 73² и 19 УК, а также соответствующим статьям, по которым были бы квалифицированы действия несовершеннолетних в случае совершения ими преступления.

Привлечение к ответственности взрослых за подстрекательство несовершеннолетних к учинению преступлений и другие действия, предусмотренные ст. 73² УК, могут иметь место, как того требует закон, лишь в случаях активного воздействия на несовершеннолетних в этих целях.

В каждом конкретном случае совершения общественно опасного деяния несовершеннолетними важно установить роль в этом взрослых и не были ли последние прямыми соучастниками в преступлениях, совершенных подростками. Способы участия взрослых в преступлениях несовершеннолетних, как и пути вовлечения и подстрекательства их к учинению преступлений, различны.

Так, в одном случае Л. ревновала своего мужа к

М., и подговорила несовершеннолетнего В. облить серной кислотой М. Для того чтобы добиться своей цели, Л. оказывала материальную помощь семье В., задабривала подростка сладостями и различными подарками. Она же снабдила его флаконом серной кислоты. Под тяжестью улик Л. признала себя виновной в вовлечении В. в преступление и была осуждена по ст. 17, ч. 1, ст. 142 и ст. 73² УК к семи годам лишения свободы.

В другом случае Ч., вернувшись после отбытия срока наказания, назначенного за ранее совершенное преступление, в беседах с несовершеннолетними всячески расхваливал воров. Под влиянием этих разговоров ученик 9-го класса К. похитил у ученика той же школы шапку стоимостью в 250 рублей, которую передал Ч. Под влиянием таких же разговоров с Ч. другой ученик 9-го класса Н. похитил у своих товарищей перчатки и продал их за 15 рублей.

Несовершеннолетних нередко вовлекают в преступления их родственники, соседи по дому, знакомые. Например, была раскрыта воровская шайка несовершеннолетних, совершавших вооруженные налеты на квартиры отдельных граждан. При расследовании было установлено, что мать одного из участников шайки—Б. каждый раз направляла несовершеннолетних на налеты, принимала и хранила у себя на квартире награбленные вещи, а затем продавала. Вырученные от продажи награбленных вещей деньги частично отдавала сыну и его товарищам по шайке. Она же хранила на квартире пистолет «ТТ» и автомат, которые выдавала участникам шайки всякий раз перед уходом последних из дома на грабежи. Указанные действия Б. являются примером открытого вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

В приведенных примерах ответственность взрослых наступает за подстрекательство, вовлечение, понуждение к преступлениям несовершеннолетних в тех случаях, когда последние по закону сами за совершенные деяния подлежат уголовной ответственности. Если же несовершеннолетние не достигли еще возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и по существу являются простым орудием в руках взрослых, то последние должны нести ответственность как исполнители этих преступлений.

Выше указывалось на то, что наказание как уголовно-правовая мера применяется только к психически здоровым вменяемым людям, достигшим определенного возраста и вследствие этого признанным субъектами данных конкретных преступлений. К лицам невменяемым, т. е. неспособным осознавать свои действия и руководить ими, наказание по суду не может быть применено ни при каких условиях.

Меры, применяемые в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, носят особый характер. По своей юридической природе они не имеют ничего общего с мерами уголовного наказания.

В отличие от последних, применением мер судебно-медицинского характера не преследуется и не может преследоваться цель предупредительного воздействия на других психически больных или задача воспитания или перевоспитания психически больных, совершивших общественно опасные деяния. Поэтому с полным основанием эти меры могут быть названы мерами общественной обороны судебно-медицинского характера от опасных действий психически больных, могущих в силу психического заболевания представлять собой повышенную общественную опасность для окружающих. Меры медицинского воздействия на психически больных применяются с целью ограждения общества от возможного повторения с их стороны совершения общественно опасных деяний, излечения их от психических страданий и приспособления к условиям социалистического общежития. Основанием для применения этих мер служит не само по себе психическое заболевание человека, а совершение последним в момент заболевания общественно опасных деяний или наступление психического расстройства к моменту вынесения приговора или во время отбывания наказания после совершения преступления.

В этой связи нельзя согласиться с определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 декабря 1943 г. по делу С., в котором утверждается, что «применение предусмотренных законом мер медицинского характера допустимо лишь в том случае, когда данное лицо вследствие его болезни становится общественно опасным либо потому, что в болезненном состоянии оно способно совершить общественно

опасные действия, либо потому, что как носитель болезни представляет собою непосредственную опасность для общества». Этот вывод, по мнению Коллегии, якобы вытекает из ст. 7 УК, согласно которой предусмотренные законом меры наказания и меры медицинского и медико-педагогического характера применяются в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность лишь по своей связи с преступной средой либо по своей прошлой деятельности¹.

По смыслу данного определения Судебной коллегии Верховного Суда СССР, меры медицинского характера в равной степени могут быть применены судом как в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, так и в отношении тех психически больных лиц, которые, хотя и не совершили никаких общественно опасных деяний, но представляют общественную опасность только в силу самого заболевания. Но такое разрешение вопроса противоречит смыслу уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которым меры медицинского характера могут быть применены судом только в случае совершения психически больными общественно опасных деяний. Один факт психического заболевания не может служить основанием для применения соответствующих мер медицинского характера через судебные органы.

Психически больные, представляющие опасность для общества вследствие своей болезни, но не совершившие общественно опасных деяний, могут и должны направляться в соответствующие психиатрические учреждения не через судебные органы, а в установленном порядке на общих основаниях.

Следует отметить, что в вопросе о применении мер судебно-медицинского характера в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, между действующими уголовным и уголовно-процессуальным законодательством имеется некоторое противоречие. Так, на основании ст. 11 УК суд вправе назначить меры медицинского характера как в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, так и в отношении психически

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР 1943 г.», Юриздат, 1948, стр. 81.

больных, заболевших уже после совершения преступления.

Согласно же ст. 322 УПК такое право предоставлено суду только в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости.

Практически, однако, меры медицинского характера применяются как в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, так и в отношении лиц, заболевших психической болезнью до или после совершения преступления.

Дело в том, что положение, содержащееся в ст. 11 УК и в ст. 322 УПК, развивается и конкретизируется специальной Инструкцией от 31 июля 1954 г. «О порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших преступление», утверждённой Министром здравоохранения СССР по согласованию с Министерством юстиции СССР, Министерством внутренних дел СССР и Прокуратурой СССР.

Ст. 3 этой Инструкции устанавливает, что меры медицинского характера могут применяться в отношении лиц:

а) совершивших преступление в состоянии хронического психического заболевания или временного расстройства психической деятельности и признанных невменяемыми¹;

б) совершивших преступление в состоянии вменяемости, но до вынесения приговора заболевших хронической психической болезнью;

¹ Как уже отмечалось в соответствующих разделах настоящей монографии, психически больные, признанные невменяемыми в отношении инкриминируемого им деяния, по советскому уголовному праву субъектами преступления не являются. Деяние, совершенное ими, носящее объективно общественно опасный характер, не содержит состава преступления и не может считаться преступлением в смысле ст. 6 УК. По этим соображениям указание в данной Инструкции на применение медицинских мер в отношении психически больных, совершивших преступление в состоянии невменяемости, с нашей точки зрения, следует признать ошибочным. В рассматриваемом случае можно и нужно говорить не о совершении преступления невменяемым, а о совершении объективно общественно опасного деяния психически больным, находящимся в состоянии невменяемости.

в) заболевших хронической психической болезнью во время отбывания наказания в месте лишения свободы.

Меры медицинского характера, применяемые в отношении перечисленной категории лиц, предусмотрены в действующем законодательстве в ст. 24 УК.

Однако Инструкция от 31 июля 1954 г. более подробно конкретизирует меры медицинского характера, которые могут быть применены в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния.

Меры медицинского характера назначаются только на основании предварительного заключения судебнопсихиатрической экспертизы, проводимой в соответствии с Инструкцией «О производстве судебнопсихиатрической экспертизы в СССР» от 31 мая 1954 г. Среди всех мер медицинского характера важнейшее место в практике судов и судебнопсихиатрической экспертизы занимает принудительное лечение. Эта мера может назначаться как в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, так и в отношении лиц, совершивших преступления во вменяемом состоянии, но после этого, до вынесения приговора, заболевших хронической психической болезнью. На принудительное лечение могут быть направлены и те лица, которые заболели хронической психической болезнью после вступления приговора в законную силу или во время отбывания наказания в местах лишения свободы.

Назначением принудительного лечения преследуется цель ограждения общества от повторных совершений общественно опасных деяний психически больными, оказания этим больным медицинской помощи, восстановления их трудоспособности и приспособления к условиям общежития¹.

Основанием для назначения принудительного лечения служит совершение психически больными общественно опасных деяний и степень их опасности для общества, вытекающей из утраты ими способности правильно разбираться в явлениях окружающей действительности или управлять своим поведением.

¹ См. Я. М. К а л а ш н и к, Показания для назначения принудительного лечения психически больных, совершивших преступления, Сборник «Вопросы судебнопсихиатрической экспертизы», М., 1955, стр. 71.

Ст. 4 Инструкции от 31 июля 1954 г. прямо указывает, что «принудительному лечению подлежат психически больные, которые по характеру совершенных ими действий и психическому состоянию представляют опасность для общества». Однако ни действующее уголовное и уголовно-процессуальное советское законодательство, ни специальная Инструкция от 31 июля 1954 г. не предусматривают каких-либо критериев для определения степени общественной опасности психически больных, при установлении которой они могли бы быть подвергнуты принудительному лечению. Ясно лишь одно, что степень общественной опасности психически больных определяется прежде всего их психическим состоянием и характером общественно опасных деяний, совершаемых ими вследствие психического заболевания.

На это обстоятельство четко указал и Пленум Верховного Суда СССР еще в своем постановлении от 13 июля 1944 г. по делу Д., подчеркнув: «Степень социальной опасности невменяемого определяется не только степенью его болезненного состояния, но и характером и содержанием тех опасных действий, которые им совершаются в результате его болезненного состояния»¹.

Однако было бы неправильно при оценке степени общественной опасности психически больного исходить только из учета указанных обстоятельств. Определение степени общественной опасности психически больных при назначении им принудительного лечения зависит, как совершенно правильно, по нашему мнению, указывает Я. М. Калашник, от таких моментов и обстоятельств, как характер течения болезни и прогноза психического заболевания, возрастной фактор при некоторых психических заболеваниях, несвоевременная диагностика психического заболевания, запоздалая госпитализация, недостаточный уход и присмотр за больным, повторность или неоднократность совершения общественно опасных деяний, образ жизни больного, его окружение и т. п.².

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 37.

² См. Я. М. Калашник, Медицинские мероприятия в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, Автореферат докторской диссертации, М., 1955, стр. 10 и сл.

Если в результате оценки всех указанных и иных обстоятельств суд придет к выводу о том, что психически больной, страдающий хроническим заболеванием, по своему психическому состоянию и характеру совершенного им деяния не представляет собой сколько-нибудь значительной общественной опасности и поэтому не нуждается в принудительном лечении, он может вынести определение о направлении такого больного в психоневрологическое или психиатрическое учреждение для лечения на общих основаниях или об отдаче больного на попечение родных (или опекунов) и одновременно под врачебное наблюдение.

Рассмотренные нами положения о применении принудительного лечения касаются только психически больных, страдающих хроническим психическим заболеванием, а также психически больных, совершивших общественно опасные деяния в состоянии временного психического расстройства и признанных невменяемыми. В отношении же психически больных, совершивших общественно опасные деяния в состоянии вменяемости, но заболевших временным расстройством психической деятельности после совершения преступления, принудительное лечение не может быть применено. Объясняется это особенностями временного расстройства психической деятельности.

В отличие от хронических психических заболеваний временные расстройства психической деятельности представляют собой более или менее кратковременный единичный эпизод в жизни человека, который больше может быть никогда не повторится. Поэтому нет необходимости в этих случаях прибегать к принудительному лечению.

Назначение психически больным, совершившим общественно опасные деяния, принудительного лечения или иных мер медицинского характера существенным образом затрагивает интересы не только самого больного, но и его родственников или законных представителей. Поэтому строжайшее соблюдение требований социалистической законности по делам этой категории столь же важно, как и при рассмотрении уголовных дел во всех других случаях.

Процессуальный порядок расследования и рассмотрения дел о психически больных, совершивших общественно опасные деяния,—необычный порядок: он имеет це-

льный ряд особенностей. Эти процессуальные особенности расследования и рассмотрения дел о психически больных в нашей литературе исследованы мало. Не в полном объеме они регламентированы и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Такое положение на практике нередко приводит к путанице и разброю в решении одних и тех же вопросов.

Рассмотрим, в чем же заключаются основные особенности расследования и рассмотрения дел о психически больных, к которым применяется принудительное лечение или другие меры судебно-медицинского характера.

Сомнение в нормальных психических способностях человека, совершившего общественно опасное деяние, может возникнуть уже в процессе предварительного следствия. В этом случае, как отмечалось выше, следователь подвергает привлеченного к уголовной ответственности судебнопсихиатрической экспертизе.

Получив заключение эксперта о вменяемости обвиняемого в момент совершения им деяния и признании его психически здоровым в момент проведения экспертизы, следователь должен закончить расследование в обычном порядке. Если же экспертизой будет признано, что обвиняемый в момент учинения преступления был вменяем, но вместе с тем страдает временным расстройством психической деятельности, наступившим после совершения преступления, то следователь в соответствии со ст. ст. 202 и 203 УПК приостанавливает дело производством до выздоровления обвиняемого.

Наконец, при признании экспертизой обвиняемого невменяемым в момент совершения деяния или заболевшим хронической «неизлечимой» психической болезнью после совершения преступления следователь согласно ст. 203 УПК вправе по своему усмотрению или прекратить дело, или направить последнее в суд для применения мер медицинского характера.

Однако следует признать, что указание ст. 203 УПК на право следователя прекращать дело в таких случаях противоречит указаниям ст. 322 УПК, по которой право прекращения дел за невменяемостью обвиняемых и назначения последним соответствующих мер медицинского характера принадлежит только суду.

Указанное противоречие на практике часто приводит к тому, что отдельные следователи заканчивают расследование общественно опасного деяния, совершенного психически больным в состоянии невменяемости, составлением постановления о прекращении дела за невменяемостью, что нельзя признать правильным.

Прекращение уголовного дела, как правильно указывается в литературе, означает окончание всех процессуальных действий по делу. Ясно, что после вынесения такого постановления суд лишен процессуальной возможности выполнить требование закона об обязательной проверке данных предварительного следствия в судебном заседании¹.

Следователь в пределах предоставленных ему законом полномочий дает лишь предварительную оценку заключения экспертизы о невменяемости психически больного человека, совершившего общественно опасное деяние.

Суд же на основе тщательного и всестороннего рассмотрения всех обстоятельств дела и тщательной проверки выводов предварительного следствия в их совокупности окончательно решает вопрос о признании человека, совершившего общественно опасное деяние, невменяемым.

Характерным в этом отношении является определение Верховного Суда СССР по делу О.

Возвращая дело на новое рассмотрение, Коллегия указала:

«Суд должен в судебном заседании проверить, действительно ли имели место общественно опасные деяния и совершены ли они тем лицом, которое предано суду и признается невменяемым.

При рассмотрении дела О. в судебном заседании суду надлежит проверить, насколько достаточны и убедительны доводы, которые приведены в заключении экспертизы относительно невменяемости О., так как в деле имеется ряд документов о психическом состоянии О., причем диагноз болезни в этих документах указан по-разному. Необходимо для устранения противоречия в заключе-

¹ См. О. Г а в р и л о в, Процессуальный порядок применения к невменяемым мер медицинского характера, «Социалистическая законность» 1955 г. за № 11, стр. 30.

ниях вызвать в суд врачей-специалистов, которые вели наблюдение и давали заключение о состоянии здоровья О.»¹.

В свете изложенных соображений нам представляется, что положение ст. 322 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, нашедшее свое отражение и в специальной Инструкции от 31 июня 1954 г. более четко и точно, чем положение ст. 203 УПК, отражает специфику, возникающую при расследовании и рассмотрении дел о невменяемых и требующую, чтобы не следователь, а именно суд прекращал дела за невменяемостью обвиняемых.

Предварительное расследование дел о психически больных, признанных невменяемыми судебнопсихиатрической экспертизой, должно заканчиваться, по нашему мнению, не прекращением дела следователем, а составлением последним особого постановления по типу обвинительного заключения.

Данное постановление в отличие от обвинительного заключения можно было бы назвать постановлением об окончании предварительного следствия и направлении дела в суд для назначения невменяемому мер судебно-медицинского характера. Постановление должно состоять из описательной и резолютивной частей и подписано прокурором. В описательной части должны быть подробно изложены все фактические обстоятельства дела, доказательства, указывающие на совершение общественно опасного деяния именно данным конкретным человеком, а также дан анализ заключения экспертизы и других материалов, на основе которых следователь пришел к выводу о психическом заболевании обвиняемого и его невменяемости. В этой же части постановления необходимо показать характер психического заболевания и дать оценку совершенного невменяемым общественно опасного деяния. Все эти данные необходимы для определения степени общественной опасности невменяемого и выбора соответствующих мер медицинского характера и т. д.

В резолютивной части постановления следователь должен указывать на окончание предварительного рас-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954 г. № 3, стр. 26—27.

следования по данному делу и о его направлении в суд для применения мер медицинского характера.

Аналогичное постановление должно составляться следователем и в тех случаях, когда обвиняемый совершил преступление во вменяемом состоянии, но в процессе предварительного расследования заболел хронической психической болезнью.

Указанное постановление следователя должно прямо направляться в суд и не вносится предварительно в подготовительное заседание суда, так как основной функцией последнего является предварительная проверка обоснованности предъявленного обвинения и утверждение обвинительного заключения. В отношении же невменяемых не составляются обвинительные заключения: они не могут быть ни преданы суду, ни выступать в качестве обвиняемых.

Этой точки зрения придерживается в своей практике Верховный Суд СССР. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении по делу Г. прямо указала, что «требование Судебной коллегии Верховного Суда СССР о выполнении ст. ст. 128, 206 и 207 УПК РСФСР (т. е. ознакомление обвиняемого с материалами дела, предъявление ему обвинения и составление обвинительного заключения. (Примечание наше.—В. О.) в отношении невменяемого Г. является неправильным. Невменяемым не должно предъявляться обвинение. Не требуется и составление обвинительного заключения»¹.

Верховный Суд СССР в своих решениях неоднократно указывал судам на то, что рассмотрение вопроса о применении мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия в состоянии невменяемости, должно производиться не в подготовительном, а в судебном заседании.

Так, по делу В. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении указал: «Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР неправильно рассмотрела дело в подготовительном заседании, в функции которого не входит рассмотрение вопроса о применении мер медицинского характера в отно-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 6, стр. 27—28.

шении лица, совершившего преступление в состоянии невменяемости. Статья 27 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, ст. ст. 236, 238, 332 и др. УПК РСФСР, определяя круг вопросов, разрешаемых в подготовительном заседании, не относят к ним разрешение указанного вопроса; равным образом он не содержится и в перечне функций подготовительного заседания, указанном в постановлении 54-го Пленума Верховного Суда СССР от 29 марта 1936 г.¹ Такой порядок рассмотрения указанных дел вызывается и тем, как отмечается в том же постановлении, что разрешение вопроса о применении мер медицинского характера «связано с необходимостью установления, действительно ли совершены невменяемым те или иные общественно опасные действия, и степени опасности невменяемого для общества, в зависимости от которой подлежит применению та или иная мера медицинского характера»¹.

Отдельные вопросы, возникающие обычно в подготовительном заседании суда, как, например, вызов экспертов, свидетелей, сторон, назначение дела к слушанию и т. д. могут решаться по делам о психически больных единоличным распоряжением судьи на основании ст. 239 УПК. Решение суда о признании человека невменяемым и назначение ему соответствующей меры медицинского характера должно выноситься не в форме приговора, а в форме определения, как на это указал в свое время Пленум Верховного Суда СССР².

Меры медицинского характера не могут назначаться приговором хотя бы потому, что приговор является документом, содержащим вывод суда о виновности или невиновности подсудимого. А в отношении невменяемого этот вопрос не должен возникать. Он не может быть ни осужден, ни оправдан.

Дела о психически больных в судебном заседании должны обязательно рассматриваться с участием защитника и прокурора, а также законных представителей психически больного.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 2, стр. 5—6.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 37.

В целях соблюдения принципа непосредственности уголовного процесса для установления достоверности всех фактов по делу необходим вызов и заслушивание в судебном заседании свидетелей и экспертов. Заканчиваться судебное заседание по делам о психически больных должно составлением мотивированного определения о прекращении дела с обоснованием применения или неприменения мер медицинского характера. Этот порядок рассмотрения дел в суде в равной степени относится как к случаям совершения человеком деяний в состоянии невменяемости или заболевания лица после совершения преступления, так и к случаям психического заболевания осужденного в процессе отбывания наказания.

При назначении принудительного лечения в отношении психически больных суд должен вынести определение об освобождении их из-под стражи, если они содержались в местах заключения. Срок принудительного лечения суды не должны устанавливать. Опасность больного для общества и приспособление его к условиям общежития зависит от характера течения психического заболевания. Привлеченные к ответственности за особо опасные деяния (контрреволюционные преступления, бандитизм, разбойное нападение, убийство, нанесение тяжких телесных повреждений и изнасилование) и признанные невменяемыми, а также заболевшие хроническим психическим заболеванием до суда или во время отбывания наказания за эти преступления, если они по своему психическому состоянию представляют значительную общественную опасность, соответствии со ст. 7 Инструкции от 31 июня 1954 г. должны подвергаться принудительному лечению в специальных психиатрических учреждениях. В эти же учреждения могут в исключительных случаях направляться и психически больные, совершившие менее общественно опасные деяния, но по своему психическому состоянию представляющие особую опасность для общества.

Остальные психически больные, совершившие общественно опасные деяния и представляющие опасность для общества по характеру самого заболевания, должны подвергаться принудительному лечению в общих психоневрологических или психиатрических лечебных учреждениях, с освобождением их от дальнейшего отбывания наказания и содержания под стражей.

Согласно Инструкции 31 июля 1954 г., все больные, находящиеся на принудительном лечении, через каждые шесть месяцев должны подвергаться переосвидетельствованию для определения их состояния и возможной постановки вопроса об изменении формы принудительного лечения (перевод из специального психиатрического учреждения в общее) или о его прекращении с переводом больного для лечения на общих основаниях или с отдачей на попечение родных и одновременно под врачебное наблюдение.

Прекращение или изменение формы принудительного лечения должно производиться судом, назначившим принудительное лечение, или судом по месту нахождения лечебного учреждения по представлению администрации последнего.

Основание для возбуждения вопроса о прекращении принудительного лечения или изменения его формы является полное выздоровление или изменение психического состояния больного, устраняющее его опасность для общества или изменяющее степень этой опасности.

В тех случаях, когда выносится определение о прекращении принудительного лечения в связи с выздоровлением лиц, заболевших психической болезнью после совершения преступления, суд одновременно обязан вынести определение: а) о возобновлении судебного производства, если лицо заболело после передачи дела в суд, но до вынесения приговора или вступления его в законную силу; б) о возобновлении исполнения приговора, если болезнь наступила во время его исполнения или после вступления его в законную силу, причем время принудительного лечения засчитывается в срок наказания; в) о направлении дела в прокуратуру, если оно было приостановлено до передачи дела в суд. Вынося определение о прекращении принудительного лечения в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии вменяемости, но затем заболевших хронической психической болезнью, однако не нуждающихся в дальнейшем содержании в больнице, суд при наличии к тому оснований должен одновременно указать о прекращении дела или об освобождении от назначенного по приговору наказания, если этот вопрос не был разрешен судом при вынесении определения о назначении принудительного лечения.

Поскольку определение суда о применении соответствующих медицинских мер может быть опротестовано и обжаловано сторонами в общем порядке, постольку кассационная инстанция должна рассмотреть этот вопрос, и в случае сомнения в правильности вынесения определения, возвратить дело на новое судебное рассмотрение или на доследование.

В судебнопсихиатрической практике может возникнуть вопрос о том, могут ли быть применены меры судебномедицинского характера в тех случаях, когда психическое заболевание (хроническое или временное) наступило во время отбывания наказания не в виде лишения свободы, а, например, в виде исправительно-трудовых работ или других менее суровых мер наказания.

Законодательство и специальная Инструкция этот вопрос не разрешают. Нам представляется, что в таких случаях психически больные, представляющие опасность для окружающих в силу самой болезни, могут быть направлены на обычное лечение в соответствующие психиатрические учреждения через органы здравоохранения. В случае выздоровления они должны отбыть наказание, а при признании болезни «неизлечимой» дело в отношении их должно быть прекращено судом, назначившим наказание. Аналогия здесь со случаями психического заболевания во время отбывания наказания в местах лишения свободы, по нашему мнению, недопустима, ибо степень опасности заболевших во время отбывания наказания за тяжкие преступления в местах лишения свободы и степень опасности заболевших во время отбывания наказания за менее тяжкие преступления не в местах лишения свободы не может быть равнозначной.

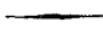
ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава I. Общее понятие субъекта преступления	6
Глава II. Невменяемость — основание, устраняющее признание человека субъектом преступления	31
1. Понятие невменяемости	31
2. Критерии невменяемости	37
3. Вопрос о так называемой уменьшенной вменяемости	58
4. Опьянение и вопрос о невменяемости	68
Глава III. Значение возраста для признания лица субъектом преступления	96
Глава IV. Специальные субъекты преступления	138
Глава V. Иностранцы как субъекты преступления	187
Глава VI. Вопрос о юридических лицах как субъектах преступления	206
Глава VII. Специальные вопросы учения о субъекте преступления	218
1. Вопрос о применении аналогии по субъекту преступления	218
2. Вопрос о соучастии в преступлениях со специальным субъектом	223
Глава VIII. Субъект преступления и некоторые вопросы уголовной ответственности	239

Орлов Виктор Семенович

„Субъект преступления по советскому уголовному праву“

Редактор *Я. Я. Свит.* Художник-оформитель *М. Р. Исрагимов.*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев.*
Технический редактор *И. В. Астахова.*

Сдано в набор 2/II-1958 г. Подписано к печати 27/V-1958 г.

Формат бумаги 84x108 ¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 8,13; условн. печ. л. 13,33;
учетно-изд. л. 14,23. Тираж 10 000. А-02796. Цена 8 р. 10 к.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38-40.

Алатырская типография № 2 Министерства культуры Чувашской АССР
Заказ № 84.

О П Е Ч А Т К И*

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
11	8 сверху	производительных	производственных
21	4 снизу	ч.251 УК	ч. 2 ст. 51 УК
27	17 сверху	Как правое	Как правовое
51	15 снизу	умалишенных	умалишенным
59	1 в сноске	к вопросу	К вопросу
143	4 снизу	ограничить	отграничить
162	16 сверху	нанесения	несения
169	4 снизу	ст. 59	ст. 59 ^{3в}
173	16 сверху	ст. 59 ^в	ст. 59 ^{3в}
184	1 строка		
	2 сноски	Статья 104	Статья 140
219	2 строка		
	2-й сноски		
	снизу	что	что
243	11 сверху	поверхность	поверхностность
253	3 строка		
	сноски	за № 11	№ 11

*) В. С. Орлов, Субъект преступления.